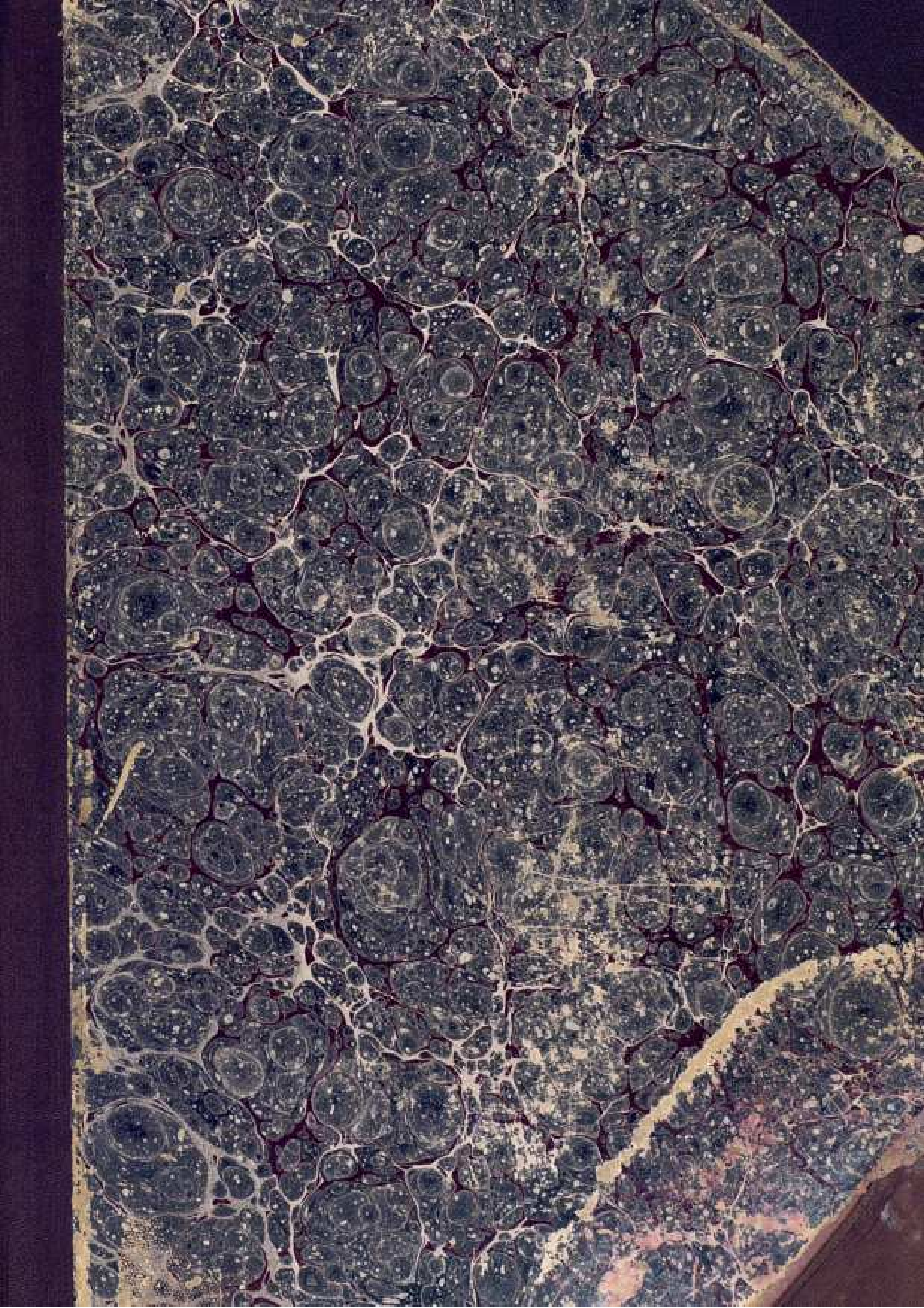

зала 38 4/8
шкафъ 1
полка
№ 31.
Проверено 1950

зала 38
шкафъ 48
полка 1
№ 31

В. П. Амалицкій.

ПО ЛЕДОВИТОМУ ОКЕАНУ
И
ПЕЧОРѢ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Института Глухонѣмыхъ и Слѣпыхъ.

1903 г.

В. П. Амалицкій.

ПО ЛЕДОВИТОМУ ОКЕАНУ И ПЕЧОРѢ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Института Глухонѣмыхъ и Слѣпыхъ.

1903 г.

Дозволено Цензурою.
Варшава, 6 Іюня 1903 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПО ЛЕДОВИТОМУ ОКЕАНУ И ПЕЧОРѢ.

„Рейсъ на Печору представляетъ собой вполнѣ морское путешествіе со всей его своеобразной прелестью и высокимъ интересомъ".

Д. П. Островскій

Нашъ далекій Сѣверъ представляетъ громадный интересъ. Онъ всегда привлекалъ вниманіе путешественниковъ и изслѣдователей. Труды Литке, Миддендорфа, Шренка, Кейзерлинга, Гревинка, Штукенберга, новѣйшихъ изслѣдователей: Энгельгарда, Чернышева, Танфильева и нѣкоторыхъ другихъ побудили и меня посѣтить этотъ край, при открывшихся правильныхъ рейсахъ между Архангельскомъ и Печорою, въ 1898 году. Спеціально меня интересовала Печора: мнѣ хотѣлось сравнить ее съ другой большой сѣверной рѣкой—Сѣверной Двиной, которая мнѣ близко знакома. О Печорѣ я имѣлъ понятіе только по немногимъ литературнымъ даннымъ, главнымъ образомъ, по сочиненіямъ Кейзерлинга, Штукенберга и Энгельгарда. Во время своей поѣздки, кромѣ дневника по своей спеціальности, я дѣлалъ нѣкоторыя замѣтки уже въ качествѣ туриста. Этими воспоминаніями и позволяю себѣ подѣлиться съ читателемъ. Привожу ихъ изъ записной книжки въ хронологическомъ порядкѣ, съ тѣмъ чтобы дать болѣе цѣльное понятіе о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя я пережилъ.

I.

3-е Августа. Въ этотъ день, въ 4 часа по полудни, было назначено отправленіе изъ Архангельска, отъ городской пристани Мурманскаго пароходства, океанскаго парохода „Михаилъ Кази". Не безъ опасенія мы ѣхали на пристань: вчера на адмирал-

тействе былъ выкинутъ сигналъ, предсказывавшій юго-западный штормъ. Увереніе пароходной администраціи, что все ограничится свежимъ ветромъ, мало насъ успокаивало; мы, по опыту, знали, что погода, именуемая моряками свежимъ ветромъ, доставляетъ путешественникамъ много огорченій. Наши разспросы о качествахъ парохода дали намъ мало утешительнаго—пароходъ небольшой и плоскодонный, подверженъ боковой качке. Конечно насъ могла бы успокоить прекрасная погода, стоявшая въ этотъ день, но очень слабый юго-западный ветеръ, благодаря которому и былъ ясный день, все таки внушалъ намъ опасеніе; мы тоже по опыту знали, что слабый ветерокъ нередко предшествуетъ на севере страшной буре. Только полное спокойствіе пароходной команды и пассажировъ вскоре заставило насъ совершенно позабыть о нашихъ опасеніяхъ.

За часъ до отхода мы уже были на пароходе. Все пассажиры также были на лицо. Погрузка товаровъ кончилась. Пассажировъ было немного — человекъ 60; изъ нихъ только одинъ ехалъ во второмъ классе, все же остальные въ третьемъ; это были главнымъ образомъ зыряне—ижемцы, возвращавшіеся изъ Соловковъ, куда ездили на богомолье, несколько русскихъ поморовъ, б. ч. съ Печоры, несколько крестьянъ и какіе то приказчики;

Туземцы, видимо давно знакомые другъ съ другомъ, расположились группой на носовой части парохода на палубе и представляли довольно оригинальное зрелище въ своихъ малицахъ, — широкихъ меховыхъ рубашкахъ съ капюшонами, покрывающими голову, или же въ разноцветныхъ летнихъ совикахъ (тотъ же нарядъ, но изъ сукна или шерстяной матеріи), съ узорчатыми шерстяными чулками на икрахъ, въ табакахъ (туфли) изъ шкуръ нерпы шерстью вверхъ или въ люптахъ (сапоги изъ нерпы шерсть внутрь). Многіе, спустивши капюшоны своихъ малицъ, имели обнаженныя головы, другіе были въ особыхъ меховыхъ башлыкахъ съ длинными концами—чабакахъ (шапка съ наушниками изъ пыжика, меха молодого оленя). Два приказчика въ картузахъ и юркій франтоватый зырянинъ съ котелкомъ на голове некрасиво выделялись среди этихъ оригинальныхъ костюмовъ.

Женщины тоже были одѣты большею частью въ малицахъ, и только немногія были въ обыкновенномъ крестьянскомъ нарядѣ. Одежда нашихъ пассажировъ—совсѣмъ не подходящая къ теплому августовскому дню. Среди пассажировъ—священникъ, возвращавшійся въ свой приходъ на Ижму.

Кругомъ обычная пароходная обстановка; канаты, цѣпи, якоря, бочки. На реяхъ висѣли двѣ туши мяса, ничѣмъ не прикрытыя, предназначенныя для нашего продовольствія,—обычный способъ храненія мяса на сѣверѣ. Пароходъ производитъ впечатлѣніе небольшого; по своему устройству, напоминаетъ италіанскіе пароходы, совершающіе рейсы между Неаполемъ и Сициліей.

Ровно въ четыре часа, какъ и было назначено, мы отчалили; насъ не задержало даже отсутствіе одного матроса, видимо загулявшаго на берегу. Привыкшій къ неурядицѣ на двинскихъ пароходахъ, я былъ не мало удивленъ такой пунктуальностью въ отправленіи. На пристани провожавшихъ было очень немного: нѣсколько родственниковъ пароходной администраціи, агенты пароходнаго общества и двое городовыхъ.

Какъ только тронулся пароходъ, всѣ пассажиры и пароходная команда, какъ одинъ человѣкъ, перекрестились, глядя на Михаило-Архангельскій соборъ, расположенный неподалеку отъ пристани. Никакихъ прощальныхъ возгласовъ не было. Тихимъ ходомъ пошли мы вдоль города, вытянувшагося на нѣсколько верстъ по берегу Двины.

Мы шли среди лѣса каюковъ, мачтовыхъ суденышекъ и карбасовъ, изрѣдка встрѣчая гигантскіе морскіе пароходы. На Двинѣ было все полно жизни и движенія, особенно благодаря тому, что много крестьянъ сосѣднихъ селеній возвращались изъ Архангельска на лодкахъ и карбасахъ къ себѣ домой; большинство изъ нихъ старались приблизиться къ пароходу, чтобы затѣмъ покачаться на производимой имъ широкой волнѣ. Эта незатѣйливая забава доставляла, повидимому, большое удовольствіе особенно молодежи, сидѣвшей въ лодкахъ, и не малое развлеченіе для пассажировъ парохода. Впрочемъ большинство этихъ послѣднихъ слѣдили за разворачивающимся городомъ, любуясь его

оригинальными старыми стильными церквами, пестрѣвшими своими синими куполами съ золотыми звѣздами, громадными магазинами, складами и большими, красивыми, деревянными домами, отдѣленными другъ отъ друга большими садами.

Мы поровнялись съ бульваромъ, состоящимъ изъ аллеи маленькихъ березокъ, между которыми росъ громадный бурьянъ и возвышалась особая бесѣдка съ удивительнымъ навѣсомъ,—любимое мѣсто прогулокъ архангелгородцевъ. Обогнувъ мысъ, т. н. Пуръ-Наволокъ, главное ядро города, мы любовались расположенной вдоль безконечнаго бульвара нѣмецкой слободкой съ ея чистенькими виллами, тонущими въ зелени, составляющей совершенно особый, иностранный оазисъ въ этомъ чисто русскомъ городѣ.

Мы оставили въ право рѣчку Кузнечиху, отдѣляющую Архангельскъ отъ Саламболы и подъѣхали къ Саламболѣ,—этому совершенно международному городу, имѣющему съ Архангельскомъ мало общаго. Большіе дома, магазины, иностранные консульства, англиканская церковь, таможня, пристани, цѣлый рядъ торговыхъ заведеній съ иностраннымъ обликомъ,—все рѣзко отличало это предмѣстіе отъ самого Архангельска. Вдоль берега вытянулось довольно большое количество громадныхъ, океанскихъ иностранныхъ пароходовъ и множество норвежскихъ парусныхъ суденышекъ. Между берегомъ и судами происходило очень дѣятельное сношеніе на лодкахъ. Матросы въ костюмахъ различныхъ національностей, возгласы на различныхъ языкахъ, вполнѣ гармонировали съ англійскими, нѣмецкими и норвежскими названіями сосудовъ и вывѣсками на различныхъ иностранныхъ языкахъ, часто попадавшимися на домахъ Саламболы.

Мы съ интересомъ осматривали Саламболу и вспомнили нашего бывшаго лоцмана Александра, проведшаго въ Саламболѣ 15 лѣтъ и умѣвшаго объясняться по англійски, французски и норвежски. Интересно, что многочисленные русскіе рабочіе, занимающіеся нагрузкою и выгрузкою сосудовъ, гораздо скорѣе выучиваются иностраннымъ языкамъ, чѣмъ ежегодно сюда пріѣзжающіе иностранцы русскому языку.

Проѣхавъ Саламболу мы свернули въ узкій, но очень глубокій рукавъ Двины т. н. рѣчку Маймаксу. Здѣсь новый городъ, новая жизнь, — чисто заводская. Маймакса окаймлена съ обѣихъ сторонъ лѣсопильными заводами съ самой кипучей заводской дѣятельностью и буквально загромождена многочисленными плотами, между которыми тамъ и тутъ въ видѣ черныхъ гигантовъ стояли океанскіе пароходы. Нашъ пароходъ съ трудомъ и бережно пробивался въ этомъ лабиринтѣ; все время приходилось слышать пререканія между нашей командой съ одной стороны и судовыми и плотовыми матросами и рабочими съ другой стороны.

На берегу и на судахъ,—народу очень много; одни подводятъ плоты къ заводамъ и съ помощью паровыхъ машинъ складываютъ бревна на лѣсныя биржи; но большинство занято нагрузкой пиленаго лѣса *въ суда*. Я не говорю,, *на суда*", потому что лѣсъ ловко грузятъ въ громадное отверстіе, находящееся съ боку въ кормовой или носовой части судовъ, которыя, какъ въ широкую темную пасть, принимаютъ въ себя безконечное число различнаго вида досокъ.

Смѣсь иностранныхъ матросскихъ костюмовъ и русскихъ рубашекъ хотя и гармонируетъ съ интернаціональнымъ видомъ этого заводскаго городка, но совершенно не согласуется съ сумрачнымъ полудикимъ видомъ нашихъ пассажировъ, одѣтыхъ въ малицы и совики.

Но вотъ, мы остановились; намъ загородилъ путь буксиръ съ иностранной кличкой, едва тащившій за собой нѣсколько громадныхъ плотовъ; онъ не обращаетъ вниманія на наши безконечные свистки и продолжаетъ идти по серединѣ узкой рѣки, занимая весь форватеръ. Нашъ капитанъ теряетъ терпѣніе, беретъ рупоръ и энергично вызываетъ капитана буксира; на мостикѣ буксира показывается заспанная физіономія какого то иностранца и нахально улыбается; съ нашего парохода ему грозятъ судомъ, тюрьмой и заканчиваютъ отборной руганью. Однако ничего не помогаетъ: буксиръ медленно идетъ впередъ — загораживая намъ путь. Въ судьбѣ нашего парохода начинаютъ принимать участіе

лоцманы и рабочіе съ сосѣднихъ судовъ и плотовъ и собравшаяся на берегу публика; всѣ окружающіе, вмѣстѣ съ пасажирами и командою нашего парохода, бранятъ своевольный буксиръ, но по прежнему тщетно; наконецъ, послѣ нѣкотораго совѣщанія съ сосѣдними лоцманами, мы рѣшаемся, пройдя около самаго берега, обойти плотъ. Чуть не касаясь берега съ одной стороны и плотовъ съ другой, мы обогнули злополучный буксиръ, иностранный капитанъ котораго, къ нашему общему удивленію, обрушился на насъ же съ отборной бранью на ломанномъ русскомъ языкѣ.

Скоро мы выбрались изъ этой заводской сутолки и очутились среди луговъ, поросшихъ ивнякомъ, ольхой и березками. Путь лежалъ среди роскошныхъ луговъ, перерѣзанныхъ многоводными рукавами, впадающими въ Маймаксу. На право безконечная тундра, на лѣво за лугами на горизонтѣ выдѣлялись линіи небольшихъ высотъ. Далѣе мы снова попали въ одинъ изъ главныхъ широкихъ рукавовъ, прорѣзывающихъ Двинскую дельту и плавно вошли въ Двинскую губу, по широкому водному пространству, мало отличающемуся отъ моря.

Погода стояла чудная, солнечная; сѣверная осень, вечерняя прохлада, обиліе чистаго воздуха, полнѣйшее спокойствіе и торжественная тишина, зеркальная поверхность воды, безконечная синяя даль впереди — все это дѣйствовало ободряюще и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоительно послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ нами въ бойкой, торговой и шумной части Архангельска. На горизонтѣ виднѣлся пароходъ, приближающійся къ Архангельску и нѣсколько парусныхъ судовъ, ожидавшихъ попутнаго вѣтра, чтобы войти въ Двинскую губу.

Капитанъ сказалъ намъ, что ему теперь дѣлать нечего: опасный путь пройденъ и можно побесѣдовать. Онъ познакомилъ насъ съ своею женою, которая сопровождала его въ большинствѣ его поѣздокъ. Капитанъ—уроженецъ Кольскаго уѣзда оказался очень любознательнымъ, всѣмъ интересующимся и всецѣло погруженнымъ въ интересы сѣвера и своей профессіи; онъ искренно увлекался своимъ дѣломъ и любилъ свою мрачную родину. Его карьера одинакова съ прохожденіемъ служебнаго поприща всѣми на-

шими сѣверными моряками; онъ прошелъ очень суровую школу матроса. По окончаніи курса, кажется, въ Кольскомъ училищѣ, онъ поступилъ въ качествѣ юнги на норвежское судно, затѣмъ перешелъ младшимъ матросомъ на какой то нѣмецкій корабль и кончилъ свою заграничную карьеру старшимъ матросомъ на англійскомъ суднѣ.

Повѣсть о его безконечныхъ матырствахъ, переходахъ съ одного судна на другое, о суровыхъ условіяхъ матросской жизни, о ея своеобразныхъ интересахъ, матросскихъ обычаяхъ и понятіяхъ, показывали, что мы имѣемъ дѣло съ бывалымъ и опытнымъ морякомъ. Онъ хорошо знаетъ порты Европы, бывалъ въ Сѣв. Америкѣ и Австраліи. Закончивъ предварительную подготовку на иностранныхъ судахъ, онъ, начиная съ младшаго штурмана до капитана дальняго плаванія, прошелъ всѣ іерархическія ступени морской службы у насъ на сѣверѣ, который, по его мнѣнію, и интереснѣе и лучше всѣхъ видѣнныхъ имъ странъ Практически онъ знакомъ съ англійскимъ и нѣмецкимъ языками, не прерываетъ сношеній со своими иностранными прежними сослуживцами, находясь съ ними въ перепискѣ; онъ знакомъ съ Джексономъ, знаменитымъ изслѣдователемъ земли Франца Іосифа; съ жаромъ обсуждалъ всю исторію экспедиціи Нансена и считаетъ Джексона спасителемъ Нансена; полагаетъ, что благополучнымъ исходомъ своего путешествія Нансенъ исключительно обязанъ Джексону. Вообще экспедиціями Нансена и Джексона здѣсь не менѣе интересуются, чѣмъ въ Норвегіи.

Больше часу мы мирно бесѣдовали съ капитанской четой, а въ это время нашъ пароходъ равномѣрно шелъ вдоль Зимняго Берега, окаймленнаго низменной береговой линіей, за которой слѣдовали три террасовидныхъ уступа, заканчивающихся волнистымъ гребнемъ, смутно обозначавшимся, въ вечернихъ сумеркахъ, на далекомъ горизонтѣ неба. Скоро мы замѣтили послѣднее большое село Кую, за которой береговая линія становилась высокой, съ грандіозными обрывами, казавшимися сумрачными и безформенными массами въ вечерней мглѣ, мѣшавшей хорошо разсмотрѣть ихъ контуры.

Между тѣмъ палуба представляла самую мирную картину; въ носовой ея части на полу расположились тѣсными группами, сидя и лежа, отдѣльно мужчины и женщины, —пассажиры третьяго класса,—и вели тихую бесѣду подъ равномѣрный шумъ машины; тутъ же бѣгали и играли въ прятки ребятишки, чувствовавшіе себя здѣсь совершенно какъ дома; трюмъ былъ освѣщенъ и нѣкоторые пассажиры уже готовились къ незатѣйливому ужину, состоящему, большей частью, изъ трески и хлѣба.

Около 8 часовъ мы отправились ужинать въ общую каюту съ капитаномъ и его женой. Каюта освѣщена тускло лампами, въ которыхъ горитъ пиронафтъ (я думаю, что теперь Мурманское пороходство устроило уже электрическое освѣщеніе и на этомъ пароходѣ). Разговоръ главнымъ образомъ сосредоточивался на качествахъ нашего парохода. Пароходъ „Кази" купленъ за границей уже старымъ, его за-ново отдѣлали въ Англіи; нашъ капитанъ его принималъ и привелъ въ Архангельскъ; ходъ его медленный—не болѣе 12 узловъ въ часъ; хорошія его качества заключаются въ небольшой осадкѣ — на 14 футовъ при полномъ грузѣ; поэтому онъ легко можетъ проходитъ черезъ не глубокій Печорскій баръ; онъ—плоскодонный, при малѣйшемъ волненіи подверженъ сильной боковой качкѣ, но по увѣреніямъ капитана онъ ловко отворачивается отъ волны, которой никогда не удается его залить.

Меня поразилъ немногочисленный составъ команды; офицерство, какъ говоритъ нашъ капитанъ,—состоитъ изъ двухъ штурмановъ и двухъ машинистовъ, а прислуга изъ шести матросовъ и 6 кочегаровъ. Послѣ незатѣйливаго ужина и чаю мы поднялись на верхъ; палуба была пуста, только на мостикѣ стоялъ при колесѣ штурвальный и штурманъ, два совершенно молодыхъ человѣка, которымъ была ввѣрена судьба нашего парохода. За темнотою ночи, ничего не было видно, кромѣ слабо мерцающаго маяка на Зимнемъ Берегу. Пассажиры покоились тихимъ сномъ въ нарахъ освѣщеннаго трюма. Такъ зокончился первый день нашего морскаго путешествія.

II.

4-е Августа. Ночью была не большая качка, но она не мѣшала намъ спать, хотя сонъ былъ тревожный; я видѣлъ себя за большимъ обѣдомъ и говорилъ спичъ; вдругъ почувствовалъ, что комната качается, накрениваeтся, легла на бокъ, но я продолжаю говоритъ и съ любопытствомъ слѣжу, не перевернулись ли мои слушатели внизъ головой; но снова все стало на свое мѣсто; такой кошмаръ меня преслѣдовалъ нѣсколько разъ. Утро ясное, но прохладное. Пароходъ идетъ по Бѣлому морю, вдоль Терскаго берега; этотъ невысокій пустынный берегъ большею частью обрывистъ, съ вертикальными скалами, у подножія которыхъ бурно шумитъ и пѣнится море; рѣже онъ пологій съ широкимъ каменистымъ откосомъ, по которому далеко внутрь материка забѣгаютъ широкія волны съ бѣлыми гребнями, еще рѣже онъ представляетъ пологій склонъ покрытый мхами и травой.

Обыкновенно крутой, скалистый берегъ причудливо размытъ и изрѣзанъ множествомъ овраговъ и логовъ, спущающихся къ морю вмѣстѣ съ общею покатостью материка; этотъ послѣдній постепенно подымаясь, образуетъ на границѣ съ горизонтомъ мягкій, волнистый контуръ, на которомъ рѣзко выдѣляются въ далекой синевѣ три рядомъ стоящія Кузьминскія Горки.

Пейзажъ —пустынный, монотонный: почти равнинная, безконечная тундра съ неглубокими ложбинами и пологими буграми, разстилается въ видѣ зеленаго ковра, — ягодника, на которомъ разбросаны темными пятнами участки, занятые корявымъ кустарникомъ и болѣе свѣтлыми оазисами зеленѣютъ свѣжія моховыя болота. Эту мертвую равнину немного оживляютъ передвигающіяся по ея поверхности причудливыя тѣни облаковъ, гонимыхъ легкимъ сѣвернымъ вѣтеркомъ и освѣщаемыхъ блѣдными лучами солнца, пробивающимися сквозь утреннюю синеватую мглу.

Только привычнымъ глазомъ, или въ бинокль, можно было замѣтить на берегу нѣсколько рыбачьихъ шалашей и крошечную избушку у устья рѣки Паноя, да бѣлую деревянную башенку на островѣ Вишнякѣ, носившую громкое названіе „Трехостровской

башни". Виднѣвшійся вдали на мысу Орловскій маякъ съ нѣсколькими избушками вокругъ него казался намъ, при всей своей въ сущности убогости, какимъ то грандіознымъ монументомъ.

Вообще этотъ маякъ производилъ большое впечатлѣніе на пассажировъ; шли оживленные разговоры, указывали пальцами на маленькую, виднѣвшуюся въ видѣ точки избушку, гдѣ живетъ знаменитая смотрительница маяка,—она же врачъ, акушерка, адвокатъ, просвѣтительница народа и устроительница рыбныхъ промысловъ на новыхъ началахъ. О ея значеніи въ здѣшнемъ краѣ говорили очень много, но еще больше толковали, какую силу она имѣетъ, благодаря своимъ знакомствамъ въ Петербургѣ. Для нея нѣтъ ничего невозможнаго: она открываетъ школы, больницы, достаетъ тысячныя субсидіи на усовершенствованіе промысловъ и т. д.; все это, конечно, вѣроятно преувеличено, но судя по степени почтенія, съ которымъ о ней отзывались и потому что нашъ капитанъ, по просьбѣ пассажировъ, привѣтствовалъ ее тремя свистками, надо полагать, что она пользуется среди населенія и вліяніемъ и уваженіемъ. „Совсѣмъ она на женщину не похожа", говорилъ кто то изъ пассажировъ,, и платье не такое, какъ всѣ носитъ, на головѣ въ родѣ мужской шапки, куритъ, грубымъ голосомъ говоритъ, мужчинъ бранитъ за то, что въ нихъ нѣтъ ни предпріимчивости, ни силы. И въ правду, сама она и по уму и расторопности любаго мужчину за поясъ заткнетъ".—На свистокъ капитана, намъ съ берега чѣмъ то помахали, что означало, что смотрительница теперь дома и отвѣчаетъ на привѣтъ.

Мы повернули въ право отъ маяка и уходимъ въ открытое море. Погода стоитъ по прежнему чудная, солнечная, освѣжаемая небольшимъ сѣверо-западомъ; мы весь день сидимъ на капитанскомъ мостикѣ или ходимъ по палубѣ, которая представляла очень мирную картину: мужиковъ разговаривающихъ въ полъ голоса бабъ, нянчащихъ и забавляющихъ дѣтей, и беззаботно бѣгающихъ по палубѣ ребятишекъ. Идиллическое настроеніе было прервано только одинъ разъ, когда лоцманъ указалъ на громаднаго тюленя, качавшагося на водахъ, посмотрѣть котораго сбѣжались всѣ

палубные пассажиры. Нѣкоторое время тюлень служилъ темою для разговора, отъ него перешли къ охотѣ, промысламъ и снова началась мирная бесѣда о житейскихъ дѣлахъ; меня вообще поражали благопристойность и чинность, съ которыми велась бесѣда; какъ это разнилось отъ той распущенности, къ которой мы привыкли на волжскихъ и даже двинскихъ пароходахъ среди палубной публики.

Я часто подходилъ къ отдѣльнымъ группамъ, прислушивался и даже вмѣшивался въ разговоры; въ одной изъ такихъ группъ шла очень оживленная бесѣда, предметомъ которой было какое то недоразумѣніе между крестьяниномъ изъ Усть-Цыльмы и мѣстной администраціей. „Полтора года тому назадъ, разсказывалъ усть-цылемскій житель, я съ пятью другими товарищами вызвались отправиться въ Новую Землю на промыслы: казна дала намъ лѣсу на постройку дома, снабдила насъ всѣмъ необходимымъ для охоты и промысла, дала намъ одежи, хлѣба, муки, крупъ, разныхъ съѣстныхъ припасовъ и водки. Изъ нашей артели четверо было самоѣдовъ и двое русскихъ: я и мой товарищъ. Намъ русскимъ было поручено собрать домъ, а за это мы могли безвозмездно прожить три года; за все забранное у казны мы обязывались уплачивать промысломъ; такъ прожили мы годъ, промысла было много; нерпы, зайцы, я даже убилъ большого бѣлаго медвѣдя. За промысломъ пріѣхалъ Александръ Михайловичъ. Тутъ у меня вышли со нимъ не лады изъ за счетной. Товарищи меня не поддержали; они вѣдь самоѣды,—народъ тихій, боязливой: увидятъ чиновника, испугаются и молчатъ; другой съ голоду помретъ, а чиновнику ничего не скажетъ. Во всемъ оказался я зачинщикомъ. Кончилось тѣмъ, что Александръ Михайловичъ назвалъ меня скандалистомъ и прогналъ меня съ Новой Земли, а тѣ которые не скандалили, остались жить въ той избѣ, которую мы съ товарищемъ собрали. Теперь я считаю за Ал. Мих. 60 руб. за два мѣсяца, которые потратилъ на постройку избы; хотя за зиму мы и зажили 20 руб., но все же по справедливости мнѣ слѣдуетъ всѣ 60 руб., потому что я не по своей волѣ оставилъ Новую Землю.

Я ходилъ къ губернатору, онъ обѣщалъ разсмотрѣть дѣло, только „подожди", говоритъ, „до слѣдующаго рейса", а мнѣ ждать не слѣдъ, я полтора года не видалъ жены; у меня жена молодая, мы недавно вѣнчаны, такъ хочется вмѣстѣ жить.

На Новую Землю я только потому вызвался ѣхать, что разбогатѣть хотѣлъ, и жену хотѣлъ туда взять, да не вышло.

Я спрашивалъ губернатора, могу ли я теперь отправиться на Новую Землю, примѣрно если какой хозяинъ торговецъ на карбасѣ пошлетъ меня туда. Губернаторъ сказалъ „я тебѣ запретить не могу". Вотъ теперь я буду подыскивать хозяина, чтобы вмѣстѣ съ женою отправиться на промыселъ на Новую Землю".

Меня поразило желаніе разсказчика вернуться на Новую Землю и я спросилъ его, что собственно его тянетъ туда.

Крестьянинъ, говорившій раньше съ чувствомъ глубокой обиды, теперь заговорилъ оживленно и съ оттѣнкомъ восторга: „На Новой Землѣ промыслы очень богатые, олень, нерпа, заяцъ, бѣлуха, моржъ, медвѣдь; мы убили тамъ медвѣдя — сто двадцать рублей взяли. Медвѣдя увидишь такъ все равно счастье свое увидишь".

У разсказчика глаза еще больше заблестѣли: „говорятъ медвѣди страшны; нѣтъ, медвѣдя нечего боятся, онъ самъ человѣка боится; вотъ какъ мы двухъ медвѣжатъ живьемъ ловили, такъ страшно было; медвѣдица осерчала, бросилась на насъ, да счастье мы ее сразу убили; одинъ медвѣженокъ—матка смирохонькій былъ, а другой никакъ не давался моему товарищу, весь животъ выкусилъ, такъ что фельдшеръ въ три недѣли едва ему залѣчилъ, все лежалъ онъ; этого медвѣженка мы должны были убить изъ ружья".

Это отступленіе всѣхъ очень заняло и послужило поводомъ цѣлаго ряда разсказовъ о бѣлыхъ медвѣдяхъ.

Пустозерскій мѣщанинъ Павловъ, оленьщикъ, съ Вайгача, съ монгольскими чертами лица, хотя и выдающій себя за русскаго, одѣтый въ пальто и въ ботинкахъ, съ котелкомъ на головѣ, степенно разсказалъ намъ, что весною на о. Вайгачѣ ижимецъ, мальчикъ лѣтъ 12, убилъ нерпу и вытаскивалъ ее на берегъ; въ это время сзади подошелъ къ нему большой бѣ-

лый медвѣдь и пастью обхвативъ его голову, сжалъ ее такъ, что кровь выступила на вискахъ; потомъ отбросилъ мальчика въ сторону и отобралъ нерпу; мальчикъ не испугался, подползъ къ своему ружью и застрѣлилъ медвѣдя.

Оленьщикъ Павловъ, закончивъ свой разсказъ, обратился къ скандалисту съ Новой Земли и сказалъ" Алек. Михайловичъ тебя не обидитъ, онъ вѣдь человѣкъ тихій, скромный и добрый, даже съ каждымъ самоѣдомъ говоритъ и въ нужду всякаго бѣдняка входитъ, самоѣда всякій обижаетъ, а онъ не обидитъ самоѣда, онъ все выспроситъ у него". „Да я его не хулю, отвѣчалъ скандалистъ, только зачѣмъ деньги мои пропадаютъ и зря меня съ Новой Земли отправили".

„Я на Н. З, за счастьемъ поѣхалъ; врали что на Н. З. худо жить; тамъ привольно, промысла много, климатъ здоровый—теперь и земля „закровянилась", значитъ „поосѣдла", тамъ теперь жить можно, такой цынги, какъ прежде нѣтъ, только у лѣниваго цынга бываетъ, извѣстно, что цынготный и лѣнивый все равно. Если опухнешь маленько, то нужно только убить оленя и свѣжее мясо ѣсть, а если ноги начнутъ пухнуть, такъ надо убить зайца, разрѣзать его сердце и прикладывать къ ногамъ; враки, что на Новой Землѣ темно бываетъ, развѣ только немного темнѣе, чѣмъ въ Усть-Цыльмѣ; такъ недѣль пять, бываетъ очень короткій день, но все же на столько свѣтло, что не было ни одного дня, чтобы мы не стрѣляли. Враки также, что тамъ не могутъ жить русскіе, нужно только избы хорошо построитъ, не съ печами, а съ таганами; таганъ быстро грѣетъ избу: придешь съ промысла, разложишь огонь, и сейчасъ грѣться можно, а съ печкой нужно долго возиться. Очень полюбилась мнѣ Новая Земля, я непремѣнно найду себѣ хозяина, чтобы поѣхать туда".

Разсказчикъ до такой степени увлекся прелестями Н. З., что съ нѣсколько таинственнымъ видомъ сказалъ: „много на Н. Землѣ хорошаго, напримѣръ, у Маточника шара есть слань-камень, а подъ нимъ попадается бѣлый песокъ,—сказываютъ, что сахаръ изъ него дѣлаютъ". Всѣ разсмѣялись. Разсказчикъ однако продолжалъ: „за Маточкинымъ шаромъ есть угольная гора, съ нея

самоѣды приносятъ уголь; мы съ однимъ самоѣдомъ, хотѣли дойти до этой горы, да съ дороги сбились; хотѣли также пробраться къ пустому судну безъ мачтъ, затертому льдами у Маточкина шара, которое видѣли самоѣды, да не попали за пургой".

На мой вопросъ, какъ понимать слова: „земля закровянилась, поосѣдла", промышленники объяснили приблизительно слѣдующее: земля, на которую не ступала человѣческая нога, не сразу дается человѣку; первое время люди на ней мрутъ, и прежде чѣмъ „обживется" земля много народу перемретъ на ней, ибо необитаемая земля прежде всего требуетъ человѣческой крови—стало быть нужно, чтобы она „закровянилась", „поосѣдла".

Къ полудню пошелъ дождь, опустился молочный туманъ, окружившій нашъ пароходъ; послѣ обѣда волненіе усилилось; я страдалъ морской болѣзнію. Пароходъ шелъ медленнымъ ходомъ, давая протяжные свистки и дѣлая промѣры; мы подходили къ Канину полуострову, который и огибали впродолженіе всей ночи.

III.

5-е Августа. Сквозь туманъ едва пробиваются солнечные лучи,—слабый но холодный вѣтеръ; нашъ пароходъ плавно поднимается на гребень гигантской океанской волны и также плавно опускается внизъ, накренивaясь попеременно, то направо, то налѣво, чтобы потомъ снова подняться на слѣдующій гигантскій гребень; такое качаніе возбуждаетъ тошноту и самое удрученное состояніе духа; я не нахожу себѣ мѣста. Кругомъ насъ безбрежный океанъ; но вотъ на право, на горизонтѣ показалась синеватая полоска земли—Колга или Колгуевъ. Въ это время и солнце пробило туманную пелену и блѣдно освѣщало колыхающійся океанъ.

Насталъ чудный полярный день; я вдыхалъ чистый холодный воздухъ и непремѣнно хотѣлъ остаться на палубѣ; нужно было найти мѣсто, гдѣ бы меньше качало; я усѣлся на кормѣ за рубкою, съ подвѣтренной стороны, надѣлъ зимнее пальто, поднялъ мѣховой воротникъ, прикрылся макинтошемъ, ноги укуталъ въ

пледъ, а все же было прохладно. Конечно трудно совмѣстить такой костюмъ съ понятіемъ о прекрасномъ лѣтнемъ днѣ; но таковъ уже сѣверъ, гдѣ холодъ не портитъ хорошей погоды.

Всѣ туземцы были въ малицахъ и совикахъ и повидимому чувствовали себя очень хорошо, грѣясь на солнцѣ. Часть пассажировъ усѣлась въ полукругъ на палубѣ; у ихъ ногъ, лежа, расположились другіе, съ головою закрывшись въ свои оригинальные костюмы, и вели безконечные разговоры, то по русски, то по-зырянски; съ боку, съ подвѣтренной стороны пріютилась група мальчишекъ. Всю эту живописную группу я рѣшилъ сфотографировать и только сталъ незамѣтно наводить аппаратъ на оригинальныхъ туземцевъ, какъ мое намѣреніе замѣтилъ одинъ франтоватый вологжанинъ въ пальто и котелкѣ, съ гармоніей въ рукахъ, и ставъ впереди группы, испортилъ всю картину. Раздосадованный я отошелъ въ сторону; въ это время выдѣлился изъ группы новоземельскій „скандалистъ" и съ укоромъ въ голосѣ замѣтилъ: „что же ты, господинъ, не сказалъ мнѣ, что фотографію дѣлать будешь, я бы надѣлъ новую малицу, а теперь подумаютъ, что я всегда такъ неладно хожу".

Къ мнѣ подсѣли два оленьщика Павловъ и Сумароковъ, оба они промышляютъ на Вайгачѣ вмѣстѣ съ пятью Пустозерскими купцами. Сумароковъ (Вайгачскій, въ отличіе отъ Колгуевскаго Сумарокова, который занимается промыслами на Колгуевѣ) — старикъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, съ просѣдью, приземистаго роста, сильный и здоровый, держитъ себя степенно, большею частью молчитъ, а если говоритъ, то плавнымъ и тихимъ голосомъ, по наружности чисто русскій,—одѣтъ въ малицу и русскую мѣховую шапку. Павлову—36 лѣтъ, одѣтъ по-нѣмецки, но съ чертами лица зырянскими; онъ говоритъ быстро и съ особымъ акцентомъ, хотя считаетъ себя за чисто русскаго; съ 12 лѣтъ онъ былъ посланъ за промысломъ на Вайгачъ и изъ году въ годъ, вотъ уже 24 года промышляетъ на этомъ островѣ. Главнымъ образомъ они скупаютъ промыслы у самоѣдовъ, но также имѣютъ и своихъ оленей, за которыми смотрятъ самоѣды; изъ Пустозерска они ѣздятъ туда весной и осенью; весною направляютъ путь на оленяхъ че-

резъ Перевозный носъ и по льду черезъ Устье-Хай-пу-дырское на Хабарово, а осенью материкомъ, огибая Хайпудырскую губу. Павловъ отлично знаетъ Вайгачъ, прекрасно оріентируется на географической картѣ, указалъ мнѣ на ошибку въ картѣ, гдѣ Лимчинъ носъ показанъ на островѣ, прилегающемъ къ Вайгачу, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ находится на полуостровѣ, соединенномъ съ Вайгачемъ дугообразнымъ перешейкомъ, окаймляющимъ съ сѣверо-запада очень удобную для гавани бухточку.

Онъ все время сожалѣлъ о положеніи самоѣдовъ, которыхъ страшно эксплоатируютъ ижемцы (зыряне). По его словамъ, самоѣды народъ очень трудолюбивый—честный, слово всегда держатъ, но очень забиты, а потому ихъ часто обижаютъ, особенно ижемцы, которые не по праву пасутъ оленей въ тундрахъ, на самоѣдскихъ земляхъ. Павловъ цѣлые годы проводилъ съ самоѣдами въ тундрѣ и совершенно свыкся съ ихъ образомъ жизни. За это время онъ такъ привыкъ питаться сырой или мороженной олениной, что, возвратясь въ Пустозерскъ, долгое время не могъ привыкнуть къ вареному и жаренному мясу, которое ему казалось противнымъ.

Оба они, т. е. Сумароковъ и Павловъ ѣздили въ Архангельскъ по дѣламъ: они отстаивали передъ начальствомъ свой родной Пустозерскъ, изъ котораго хотятъ перенести волостное правленіе въ село Оксино, расположенное на главномъ руслѣ Печоры, такъ какъ Печорскій рукавъ, идущій къ Пустозерску все мелѣетъ и не проходимъ для болѣе крупныхъ судовъ. „Говорятъ, что въ Пустозерскѣ будто народъ вымираетъ и насъ стращаютъ, что скоро весь Пустозерскъ вымретъ; это неправда; Пустозерскъ отъ того бѣднѣетъ, что изъ него многіе переселяются въ Оксино, которое стоитъ у форватера Печоры; но и Оксино очень неудобное мѣсто, потому что подмывается Печорой, особенно весной“.

Другой важный вопросъ, волновавшій ихъ, это доставка промысла съ Вайгача. Дѣло въ томъ, что при назначеніи пароходныхъ рейсовъ предполагалось, что промыслы пойдутъ на Архангельскъ, на самомъ же дѣлѣ оказалось, что цѣны на сырье въ Ар-

хангельскѣ ниже, чѣмъ на Печорѣ, а потому слѣдуетъ хлопотать, чтобы пароходъ заходилъ въ Хабарово вт Югорскомъ Шару, совершая рейсъ изъ Архангельска на Печору, такъ чтобы промыселъ съ Вайгача привозился бы въ Кую (Устье-Печоры), а не въ Архангельскъ. Оба они очень недружелюбно относились къ двумъ приказчикамъ вологжанамъ, которые ѣхали на Печору искать „дѣла", но какого дѣла,—это они скрывали.

Часамъ къ четыремъ мы довольно близко подошли къ Колгуеву, наблюдали его высокіе обрывистые берега, сложенные изъ темной глины и всматривались вдаль, не замѣтимъ ли какого либо чума; но однообразная зеленая равнина была безжизненна. „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ", разсказывалъ Сумароковъ, „у этого мѣста остановился англійскій пароходъ и спустивъ на островъ двухъ англичанъ, ушелъ дальше; здѣсь англичане, не знаніе ни слова, ни по русски ни по самоѣдски, прожили цѣлое лѣто, пока ихъ не взялъ на Печору мой родственникъ".

IV.

6-е Августа. Послѣ хорошо проведенной ночи, въ 9 утра, мы вышли на палубу. Слабый холодный вѣтеръ; немного пасмурно и очень свѣжо; лоцманъ поздравляетъ съ материкомъ; мы видимъ на горизонтѣ едва замѣтную полоску, которая черезъ нѣсколько часовъ пріобрѣла болѣе опредѣленное очертаніе, это островъ „Варандей", по мѣстному Перцоворъ. Видъ-удручающе унылый: пустыня, но пустыня безотрадная и холодная, безжизненнея и наводящая тоску; песчаныя отлогія берега чередуются съ песчаными же обрывами, около которыхъ мрачно бушуетъ сѣверный океанъ. За этой самой жизненной полосой тянется мертвенная равнина, на которой зеленые болотистые островки борятся съ песчаными ложбинами, то голыми и желтыми, то кочковатыми и покрытыми корявымъ кустарникомъ; невысокіе холмики, напоминающіе дюны, безформенные бугры, конусовидныя возвышенности, носящія мѣстное названіе „сопокъ", какъ бы стремятся,

но совершенно безнадежно, придать мѣстности нѣкоторое разнообразіе. Среди этой безбрежной дали нашъ штурманъ ищетъ жилья и посредствомъ бинокля открываетъ три пятнушка; это три чума, нанесенные на морскую карту, изданную гидрографическимъ департаментомъ въ 1872 году и служащіе для моряковъ знакомъ.

Нашъ капитанъ сѣтуетъ, что это единственные знаки, по которымъ можно оріентироваться въ этой опасной мѣстности. Если бы эти чумы были снесены, моряки остались бы въ затруднительномъ положеніи; его мечта видѣть здѣсь башню: „Вотъ только по этимъ тремъ чумамъ и можно опредѣлиться!“

Мы приближались къ западной конечности острова. Капитанъ опять началъ отыскивать „знакъ“ и найдя, послѣ долгихъ усилій, какую то безформенную точку, указалъ мнѣ, говоря, что это изба; но я, напрягая все свое воображеніе, не могъ найти ничего похожаго на строеніе, и неудивительно: это была небольшая землянка.

Капитанъ правитъ спокойно; сейчасъ мы должны увидѣть настоящій маякъ,—деревянную башню, стоящую на западной части Варандея. Здѣсь мы должны взять лоцмана, такъ какъ входили въ Печорскую Губу, у устья которой расположены опасныя мели, извѣстныя подъ названіемъ „Гуляевскихъ кошекъ“. Проходитъ часъ, а башни не видно; капитанъ и команда начинаютъ волноваться; мы уменьшаемъ ходъ и ближе подходимъ къ берегу, чтобы легче можно было оріентироваться; бинокли переходятъ изъ рукъ въ руки, но упомянутой башни никто не можетъ увидѣть; закрадывается сомнѣніе: Варандей ли это и вообще правильно ли мы идемъ. Мои сомнѣнія относительно чумовъ и избы начинаютъ смущать нѣкоторыхъ; я самъ не радъ, что отнесся скептически къ этимъ знакамъ. Капитанъ на удачу далъ протяжный свистокъ и сталъ внимательно разсматривать карту, чтобъ опредѣлить мѣсто, гдѣ, по его мнѣнію, должна была быть башня; еще разъ началъ онъ разглядывать мѣстность, гдѣ подозрѣвалъ башню и съ восторгомъ открылъ шестъ и на немъ, какъ будто флагъ. Но гдѣ же башня?—вопросъ, который занималъ все палубное населеніе. Мы даемъ опять

продолжительный свистокъ, но думаемъ, что довольно свѣжій вѣтеръ мѣшаетъ услышать его на берегу; наконецъ подойдя ближе, мы замѣтили качающіяся мачты карбасовъ, изъ которыхъ одинъ отдѣлился и пошелъ на встрѣчу къ намъ.

Мы успокоились, наблюдая, какъ, приближаясь къ намъ, нырялъ и подымался по широкимъ океанскимъ волнамъ карбасъ; въ немъ сидѣло на веслахъ четыре человѣка, одѣтые въ малицы, а пятый, величаво, стоялъ на рулѣ съ непокрытой головой, напоминая сказочнаго героя. Съ трудомъ причалили они къ борту; гребцы едва переводили дыханіе отъ усталости; послѣ борьбы съ волнами ихъ руки казались совершенно окоченѣлыми; сами они были совершенно мокрые отъ захлестывавшихъ волнъ, а съ лицъ струился градомъ потъ.

Къ страшно качающейся и бившей о бортъ парохода лодкѣ спустили трапъ, на который послѣ долгихъ усилій взобрался рулевой — степенный зырянинъ. Гребцамъ, оставшимся въ карбасѣ, спустили бутылку водки, послѣ чего карбасъ снова бросился на бушующія волны; долгое время стояли у меня въ глазахъ сильныя фигуры гребцовъ съ грубыми обвѣтрилыми лицами, съ упорной энергіей въ глазахъ и съ сильною напряженностью мускуловъ. Хотя карбасъ и бросало, какъ скорлупку и онъ не разъ исчезалъ въ глубинѣ волнъ, но ни на минуту у меня не явилось опасеніе за ихъ участь; такъ невольно вѣрилъ я въ ихъ силу и отвагу.

Тотъ самый рулевой, который съ поразительной ловкостью направлялъ карбасъ черезъ ревѣвшія волны, и который своей спокойной и энергичной фигурой производилъ на меня впечатлѣніе героя древнихъ сагъ, оказался смиреннымъ зыряниномъ. Онъ какъ то сконфуженно и какъ бы извиняясь, пролепеталъ на ломанномъ русскомъ языкѣ, что башню „спуржило“, т. е. снесло вѣтромъ.

Капитанъ распорядился накормить лоцмана, приставивъ къ нему штурмана, на обязанности котораго лежало слѣдить, чтобъ онъ не напился, вмѣстѣ съ тѣмъ смотрѣть за буфетчикомъ, чтобы, этотъ не напоилъ его водкою въ благодарность за привезенныхъ имъ омулей, очень цѣнимыхъ архангелгородцами.—

За Варандеемъ виднѣлась тундра, постепенно подымающаяся вглубь материка къ рѣзко выраженному хребту, извѣстному подъ названіемъ Иней; у подножья Инея, вдоль пролива, отдѣляющаго материкъ отъ Варандея, идетъ ровная травянистая полоса съ рѣдкими озерками „мура", среди которой мѣстами разбросаны группы кустарниковъ—„еры". Здѣсь весною бываютъ самоѣдскія и зырянскія (ижемскія) оленія пастьбища, а позднѣе, на жаркое время, съ половины Іюня по Іюль, самоѣды загоняютъ стада оленей на хребетъ Иней, гдѣ почва сухая и каменистая—„лаптовыя мѣста".

Наконецъ мы миновали песчаную очень пологую косу Варандея, которой онъ оканчивается на западѣ, и пошли, имѣя влѣво материкъ, окаймленный рядомъ смутно обрисововавшихся на горизонтѣ хребтовъ съ Петковымъ камнемъ во главѣ, съ его рѣзко выдѣляющимися тремя вершинами, съ пологими темнозелеными склонами, мѣстами прорѣзанными болѣе свѣтлыми полосами ложбинъ и овраговъ.

Къ вечеру вѣтеръ усилился. Не смотря на то, что мы находились въ Печорской губѣ, волны бушуютъ и пѣнятся; пароходъ только слегка покачивается. Какъ жалки эти суетящіяся, шумныя и мелкія волны въ сравненіе съ тѣми величественными и мощными дыханіями океана, которыми мы такъ недавно любовались. Западный вѣтеръ страшно завываетъ и реветъ, а море безпокойно шумитъ. Небо то безоблачно, то временно покрывается быстро несущимися тучами, которыя въ видѣ громадныхъ пятенъ, отражаются на поверхности моря, ярко серебрящейся отъ лучей заходящаго солнца.

Полчища облаковъ, столпившихся на западѣ и видимо движущихся на насъ, напоминаютъ своими очертаніями гигантскій горный хребетъ. Мы идемъ между Константиновскимъ и Двойничнымъ мысами. На палубѣ все стихло: у самаго носа расположилась кучка зырянъ, лежавшихъ ничкомъ на полу палубы; нѣсколько поотдаль въ тѣсномъ кружкѣ, прижавшихъ другъ къ другу, сидѣли зырянки съ ребятами и не умолкая продолжали монотонный разговоръ. Одинъ изъ матросовъ опуская и подымая

мая лотъ, выкрикивалъ, стараясь заглушить шумъ моря, глубину: „пять“ „пять съ половиною“ и т. д.

На мостикѣ не подвижно стоялъ, глядя вдаль, лоцманъ—зырянинъ, въ малицѣ съ обнаженной головой, на которой развѣвались черные, какъ смоль волосы. Около него суетился капитанъ. Невозмутимый зырянинъ зналъ по русски только три слова: „прямо“, „право“, „лѣво“, которыя онъ произносилъ беззвучнымъ голосомъ; между тѣмъ капитанъ добивался у него отчета въ примѣтахъ, по которымъ онъ ведетъ пароходъ.

Капитанъ не довѣряетъ лоцману. Уже должны показаться бакаиы, но никто ихъ не видитъ. Волненіе капитана доходитъ до того, что онъ самъ нѣсколько разъ влѣзаетъ на мачту и съ высоты разсматриваетъ въ бинокль волнующуюся поверхность моря—но тщетно—среди волнъ ничего нельзя примѣтить.

Равнодушный лоцманъ только вглядывается вдаль, не обращая вниманія на капитана, который не перестаетъ кипятиться и браниться.

Наконецъ почти наткнулись на баканъ—въ видѣ безпокойно ныряющей бочки. „Хотя бы сносный знакъ поставили“ съ отчаяніемъ въ голосѣ обращается ко мнѣ капитанъ. „Ну ужъ и линія.! только съумашедшимъ по ней ходить. Не даромъ же не берутся страховать наши суда на этой линіи. Вотъ, вы и другіе думаете, что линія благополучна и довѣряете себя“.

И долго еще ворчалъ капитанъ, когда мы проходили Болванскую губу, окруженные безбрежнымъ воднымъ пространствомъ. Здѣсь мѣсто безопаснѣе и потому капитанъ сходитъ съ мостика; но за нимъ, выждавъ удобный моментъ, скрылся и лоцманъ. Замѣтивъ отсутствіе послѣдняго, капитанъ спустился внизъ и здѣсь поймалъ буфетчика на мѣстѣ преступленія—когда онъ подносилъ лоцману стаканчикъ. „Ему (лоцману) довѣряютъ весь пароходъ, а тому (буфетчику) нѣтъ до этого и дѣла“, жаловался мнѣ капитанъ, водворивъ лоцмана на мостикъ.

Мы уже миновали Болванскую губу и приблизились къ Болванскому носу—высокому песчаному берегу съ поперечными оврагами, обнажающими песчаные профили. Этотъ высокій берегъ къ юго-западу понижается, переходя въ зеленѣющую низменную равнину, за которой виднѣются возвышенности — въ видѣ ряда вытянутыхъ въ одномъ направленіи холмовъ, которые дальше подходятъ снова къ берегу, образуя мысъ „Соколку", находящійся у самаго входа въ устье Печоры. Противъ этого мыса лѣвый берегъ низменный, унылый, покрытый травою и мхами—на немъ нѣсколько точекъ, обозначаютъ въ рядъ поставленныя рыбачьи землянки, около которыхъ стоятъ карбасы съ мачтами.

При входѣ въ Печорскую дельту палуба парохода оживилась; всѣмъ было интересно первыми замѣтить оффиціальное начало Печоры, обозначенное рядомъ вѣхъ, окаймляющихъ ея форватеръ. Капитанъ и команда жаждали выйти на обозначенный форватеръ, чтобы быть спокойными за пароходъ; по ихъ разсчету вѣхи должны уже показаться, но не смотря на то, что ихъ искали нѣсколько десятковъ зоркихъ глазъ, ничего нельзя было замѣтить похожаго на шесты, которые собственно и составляютъ вѣхи. Опять капитанъ подымался на мачту, внимательно всматривался въ широкое водное пространство съ дробящимися и пѣнящимися волнами, опять обращался къ штурману, прося его, какъ обладающаго болѣе острымъ зрѣніемъ, чтобы онъ внимательно всмотрѣлся въ волны, но все было напрасно. Пароходъ шелъ тихимъ ходомъ, матросъ, стоявшій при лотѣ выкрикивалъ: „два съ половиною" (глубина $2^1/_2$ саж.); такая глубина уже казалась нашему капитану опасной и онъ продолжалъ сильно волноваться; наконецъ одинъ изъ матросовъ „Ванюха", стоявшій на носу парохода, къ всеобщей радости закричалъ, что вѣха находится на лѣво отъ носа.

Мы вступили въ форватеръ одного изъ рукавовъ Печоры, окаймленнаго низменными берегами. Съ права (лѣвый берегъ) —низменная равнина сливаласъ съ горизонтомъ, съ лѣва (правый берегъ) за зеленымъ пространствомъ луговой долины вид-

нѣлся рядъ очень пологихъ волнистыхъ холмовъ, обозначающихъ мысъ Соколку, со склонами, покрытыми зеленою травою, разноцвѣтнымъ мхомъ и корявыми кустарниками и съ рядомъ обнаженій съ чернымъ карнизомъ торфа на верху и желтобурой глиною внизу. Между холмами обозначались точками землянки рыбаковъ.

Какой то зырянинъ спустилъ въ рѣку на веревкѣ чайникъ и зачерпнувъ воды любезно приглашалъ всѣхъ попробовать прѣсной воды, въ доказательство того, что морской путь уже конченъ. Почти всѣ считали своимъ долгомъ для полнаго убѣжденія сдѣлать нѣсколько глотковъ изъ чайника; многіе, попробовавъ прѣсной воды, крестились въ знакъ счастливаго окончанія морскаго путешествія.

Палубная публика чувствовала себя уже дома. Къ намъ подъѣхала лодка съ рыбаками, которые сквозь ревъ вѣтра сообщили нѣкоторыя новости: во-первыхъ—семги много, олени падаютъ, начали падать коровы и лошади, намъ на встрѣчу вышелъ пароходъ Черныхъ и проч.

Часъ спустя мы дѣйствительно замѣтили на горизонтѣ приближавшійся къ намъ небольшой рѣчной пароходъ. Было уже поздно и значительно стемнѣло; опасаясь ночью идти по узкому рукаву Печоры, капитанъ велѣлъ отдать якорь и мы стали на ночлегъ въ въ 35-ти верстахъ отъ Куи.

Встрѣчный пароходъ, подошедши къ намъ саженей на сто, сталъ на якорь и послалъ къ намъ шлюпку. Между пріѣхавшими и нашими пассажирами начался самый оживленный обмѣнъ новостей. Такъ кончилось наше морское путешествіе.—

V.

7-е Августа. Куя. Рано утромъ мы пріѣхали въ Кую. Съ шести часовъ нельзя было спать вслѣдствіе страшнаго шума отъ лебедки, съ помощью которой разгружали нашъ пароходъ.

Я вышелъ на палубу въ 8 часовъ утра. Рядомъ съ пароходомъ стояла громадная баржа, на которую выгружали привезенный нами хлѣбъ, а за баржею нѣкоторое подобіе рѣчнаго парохода. Всѣ наши пассажиры уже перешли на него.

На палубѣ шла спѣшная выгрузка изъ трюма кулей съ мукою и бочекъ съ разнымъ товаромъ. Работали матросы нашего парохода подъ присмотромъ капитана и штурмановъ; мнѣ очень жалко было этихъ людей, которые послѣ четырехъ сутокъ напряженной дѣятельности во время путешествія и послѣ безсонныхъ ночей должны были вмѣсто отдыха приняться за самую тяжелую работу.

Здѣсь же вертѣлся маленькаго роста, худой, очень подвижной, благообразный купецъ, который сейчасъ-же отрекомендовался мнѣ Михаиломъ Степановичемъ Норицынымъ.

Это былъ владѣлецъ почтоваго пароходства по Печорѣ и капитанъ парохода „Ижма"; онъ обѣщалъ устроить насъ самымъ удобнымъ образомъ; но пока на нашъ новый пароходъ попасть было очень трудно, въ виду самаго разгара выгрузки.

Я взошелъ на капитанскій мостикъ, чтобы лучше осмотрѣть окрестности.

День былъ пасмурный, въ воздухѣ висѣла какая то молочная пронизывающая мгла, не то туманъ, не то мелкій дождь, и при томъ было очень холодно. Приблизительно въ верстѣ отъ парохода, среди зеленаго луговаго пространства, окаймленнаго съ одной стороны желтыми сыпучими песками, на черномъ высокомъ торфяномъ подножьѣ, стояла группа тѣсно сплоченныхъ лачугъ, съ небольшею церковью поотдаль; она довольно рѣзко выдѣлялась на синевато-молочномъ фонѣ окружавшей ее мглы, среди грязновато-зеленой пустыни, напоминая картину плохо освѣщеннаго волшебнаго фонаря. Пораженный убогостью этой картины, безпригдядной мертвящей пустыней, я не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что это только картина, а не дѣйствительность. Такое ужасное первое впечатлѣніе производитъ Куя.

Стоявшій около меня вологжанинъ, пріѣхавшій съ нами на Печору „за счастьемъ", сообщилъ мнѣ, что онъ побывалъ уже въ селеніи и нашелъ, что „могила краше Куи".

Деревня казалась безлюдной, какъ бы вымершей, и только на берегу замѣчалось движеніе—табунъ лошадей находился въ большомъ безпокойствѣ: животныя-головъ около 20, плотно прижавшись другъ къ другу въ какомъ то недоумѣніи, то какъ вкопанныя стояли, приподнявши головы и устремивъ глаза въ нашу сторону, то вдругъ быстрымъ движеніемъ поворачивали назадъ и въ паническомъ страхѣ разбѣгались во всѣ стороны; черезъ нѣсколько времени они снова подходили къ берегу, наиболѣе рѣшительныя медленно и сосредоточенно подвигались впередъ, за ними тихимъ шагомъ слѣдовали остальныя, тѣснѣе и тѣснѣе сплочиваясь, и снова шарахались испуганно въ сторону; такъ продолжалось очень долго, пока наконецъ дикія животныя не освоились съ непривычнымъ для нихъ зрѣлищемъ.

Совершенный контрастъ съ этими нервными животными составляли маленкія коровы, флегматично щипавшія траву.

По другую сторону села виднѣлась желтая песчаная равнина, на которой изолированно возвышалась какая то изгородь, среди которой можно было различить нѣсколько покосившихся крестовъ.

За зеленѣющей пустынею, покрытой болотами, кочками и участками съ травянистой и моховой растительностью, среди которой стояла Куя, смутно очерчивался рядъ высотъ, протянувшихся съ юго-востока на сѣверо-западъ, сначала, въ видѣ удлиненной гряды, переходящей въ нѣсколько мягкихъ холмовъ, на которыхъ виднѣлись одиноко стоявшія деревца, затѣмъ эти высоты, постепенно понижаясь, только едва очерчивались на горизонтѣ и потомъ снова, послѣ нѣкотораго перерыва, появлялись въ видѣ скученныхъ холмовъ, покрытыхъ одиноко стоящими кустарниками и полузасохшими деревьями.

Противъ Куи разстилалась высокая луговая терраса со старицами, озерами и болотами, за которой виднѣлся гребень болѣе высокой второй террасы, въ видѣ ряда соединяющихся другъ съ другомъ песчаныхъ холмовъ; одинъ изъ нихъ имѣетъ видъ песчанаго бархана и называется сопкой, „Папашиха".

Съ этой тундрой вполнѣ гармонировало и громадное низменное пространство, занятое долиной Печоры съ ея многочисленными широкими и глубокими рукавами, раздѣленными низменными, болотистыми, луговыми островами.

Мѣстность имѣла столь удручающій видъ, что я, особенно въ виду отвратительной погоды, не съѣхалъ на берегъ. Только на возвратномъ пути, пользуясь продолжительною остановкою, я ближе осмотрѣлъ Кую. Черное подножье, на которомъ стоитъ Куя, оказалось мощнымъ (до 3 саж.) отложеніемъ органическихъ остатковъ, обуглившихся отъ времени. Главную массу составляла торфянистая масса полуистлѣвшаго навоза, среди которой можно было найти остатки лодокъ, досокъ, бревенъ, бочекъ, хворостъ, обломки посуды, куски одежды и громадное количество костей и роговъ. Мѣстами среди этого мусора выдѣлялись слѣды построекъ. Однимъ словомъ мы здѣсь имѣли отложеніе самой Куи.

Въ самомъ селѣ улицъ не существуетъ, двухъ-этажныя избы поставлены въ безпорядкѣ и большинство изъ нихъ значительно вросло въ окружающую черную, навозно-торфяную, мягкую и упругую почву. Вокругъ избъ разбросаны старые карбасы, сѣти, неводы и разныя рыболовныя принадлежности. Изрѣдка попадаются сани, заброшенныя на крыши; для предохраненія крышъ отъ порывовъ вѣтра на нихъ наброшены разные тяжелые предметы.

На одной изъ избъ была надпись ,,земская станція", около которой, въ видѣ особой роскоши, стоялъ полуразрушившійся небольшой тарантасъ, предназначенный для провоза администраціи въ сосѣднюю деревню—Никитицы.

Деревня без улицъ и дорогъ, безъ огородовъ, полей и лѣсовъ, безъ какого либо намека на проявленіе эстетическаго чувства въ населеніи, производила удручающее впечатлѣніе, которое только немного сглаживалось чистенькой и уютной церковью, расположенной въ сторонѣ отъ села.

За церковною оградою нѣсколько могилъ, у одной изъ нихъ стоялъ небольшой уже полуразрушившійся бѣлый мраморный памятникъ, поставленный богатымъ самоѣдомъ на могилѣ жены.

Въ полуверстѣ отъ церкви шло песчаное бугристое пространство, среди котораго виднѣлся участокъ, огороженный изгородью, въ которомъ можно было различить груду какихъ то обломковъ и нѣсколько крестовъ — это деревенское кладбище. Еще далеко внѣ предѣловъ изгороди, мы наткнулись на нѣсколько четырехъ-угольныхъ ящиковъ (гробовъ) съ человѣческими костями, уже на половину растасканными звѣрями. Нѣкоторые гробы заключали въ себѣ совершенно бѣлые скелеты, лежавшіе въ узкомъ помѣщеніи. Около нѣкоторыхъ полуразмытыхъ могилъ стояли громадныя самоѣдскія сани, выставленныя здѣсь родственниками покойника для того, чтобы облегчить усопшему переселеніе въ другой міръ. За изгородью, поставленною для охраненія кладбища отъ крупнаго рогатаго скота и лошадей, черезъ которую мы проникли, немного нагнувшись подъ жерди, было еще непривлекательнѣе и даже ужаснѣе; это была болѣе юная часть кладбища; здѣсь сохранились еще кресты и даже какой то чуланъ съ крестомъ, изображавшій вѣроятно часовню надъ могилою какого нибудь богатаго крестьянина. Но и здѣсь все пространство было усѣяно костями, черепами и остатками волосъ; иногда виднѣлись женскія косы, куски конечностей съ остатками хрящей, куски платья, обломки гробовъ и крестовъ.

Здѣсь разрушаютъ кладбище два процесса — весенніе потоки и разливъ сосѣднихъ болотъ размываютъ почву весною, а лѣтомъ сильный вѣтеръ выдуваетъ песокъ. Неглубоко зарываемые гробы обнажаются, а собаки и дикіе звѣри растаскиваютъ свѣжихъ покойниковъ и устраиваютъ здѣсь печальную тризну, разнося остатки труповъ на далекія пространства.

Особенно грустное впечатлѣніе производитъ множество гробовъ съ женскими скелетами, частью съ сохранившимися косами, рядомъ съ которыми лежатъ небольшія выдолбленныя полѣнцы дровъ, обвязанныя обручами, скрывающія въ себѣ крошечные скелетики новорожденныхъ младенцевъ, вѣроятныхъ виновниковъ смерти матерей. Этими крошечными корытцами гробиками буквально усѣяно кладбище, и цѣлою грудою заполняютъ они внутренность указанной выше часовенки, куда ихъ сложили, вѣроятно, въ видахъ большаго благообразія.

Меня особенно поразило, при разсматриваніи этихъ остатковъ представителей умершаго Куйскаго населенія — это чудное сохраненіе зубовъ на черепахъ. Я не могъ найти ни одного испорченнаго зуба.

Приходъ нашего парохода служитъ цѣлымъ событіемъ. Къ намъ безпрестанно подъѣзжали лодки съ рыбаками, предлагавшими семгу и омулей, карбасы съ самоѣдами, привозившими морожку; многіе пріѣзжали, чтобы узнать новости и купить пива, которое здѣсь считается очень лакомымъ и рѣдкимъ напиткомъ и которое сдѣлалось доступнымъ только со времени установленія пароходныхъ рейсовъ между Печорою и Архангельскомъ. Можно сказать, что новая эра, наступившая теперь для печорянъ, благодаря соединенію ихъ съ Архангельскомъ, будетъ прежде всего отмѣчена распространеніемъ пива, которое до настоящаго времени почти не было извѣстно печорскому населенію.

Передъ Куей стояла небольшая флотилія, состоявшая изъ нашего парохода и двухъ рѣчныхъ пароходовъ, одного почтоваго братьевъ Норицыныхъ и другого буксирнаго, принадлежащаго Чернымъ; кромѣ того пришло нѣсколько барокъ и карбасовъ. Безпрерывное сообщеніе между пароходами и берегомъ, то оживленные, то таинственные разговоры въ разныхъ группахъ показывали, что въ Куѣ, въ этомъ мертвомъ уголкѣ нашего сѣвера, начинаетъ пробуждаться жизнь, и что причиною этого пробужденія, внесшаго новую струю, служитъ прибытіе нашего парохода.

Наибольшее оживленіе было около того мѣста, гдѣ производилась выгрузка товара. Здѣсь образовался кружокъ изъ мѣстныхъ старожилъ, слѣдившихъ за выгружаемыми предметами и разспрашивавшихъ капитана о цѣнахъ на разные товары и объ условіяхъ перевозки.

Воспользовавшись тѣмъ любопытствомъ, съ которымъ они относились ко мнѣ, какъ новому человѣку, я завелъ съ ними разговоръ. Узнавъ, что я профессоръ, они говорили со мною повидимому и охотно и откровенно. Нужно замѣтить, что на сѣверѣ Россіи крестьяне знаютъ, что такое профессоръ, и относятся къ этому званію съ большимъ уваженіемъ. Изъ разговоровъ съ ними

я составилъ себѣ приблизительно такое общее представленіе объ общественной жизни на Печорѣ.

Съ этого года, когда прочно установлены Мурманско-Архангельскимъ обществомъ правильные рейсы между Архангельскомъ и Печорою, прежняя исключительно административная связь между этими мѣстностями начинаетъ скрѣпляться и коммерческими узами. До сихъ поръ Печора въ торговомъ отношеніи всецѣло тяготѣла къ Пермскому раіону. Хлѣбъ, всѣ заводскіе и мануфактурные товары Печоряне получали отъ чердынцевъ изъ Камскаго раіона. Установившійся вѣками путь идетъ, начиная отъ Чердыни въ такомъ порядкѣ: Чердынь—вверхъ по Камѣ и Вишерѣ до Чусовскаго озера (120 в.)—Чусовское озеро (10 верстъ), вверхъ по Березовкѣ до Усть-Еловки (60 в.), вверхъ по Вогулкѣ до волока (60 в.)—Волокъ (10 в.)—внизъ по Волосницѣ до устья Волосницы на Печорѣ (60 в.)—отсюда до Якши внизъ по Печорѣ (60 в.), отъ Якши до Усть-Кожевы (540) и отъ Усть-Кожевы до Куи (680 в.).

Перевозка всѣхъ товаровъ черезъ Печорско-Камскій волокъ совершается зимою, при чемъ тѣ же возчики, которые привозятъ чердынскіе товары на Печору, возращаются назадъ нагруженные печорскими товарами. Извозный промыселъ установился вѣками и переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію; порядокъ и условія прочно выработаны практикою и передаются изъ рода въ родъ, при чемъ цѣлыя семьи возчиковъ неразрывными узами связаны съ опредѣленными домами чердынскихъ купцовъ. Со стороны, въ число возчиковъ трудно попасть.

Пристань Якша служитъ мѣстомъ зимовки всего печорскаго торговаго флота, находящагося въ рукахъ чердынцевъ. Здѣсь же, по нѣсколько верстъ выше Якши, строятся каюки, карбасы и даже деревянные пароходы, которые теперь ходятъ по Печорѣ. Отъ этой пристани и до Оранца, находящагося въ 60 верстахъ выше Усть-Кожевы, Печора судоходна только въ половодье. Поэтому пароходы и барки съ транспортами чердынскихъ товаровъ—муки, соли, водки, керосина, чаю, сахара, желѣзныхъ, мануфактурныхъ и колоніальныхъ товаровъ, отходя отъ Якши въ самомъ началѣ

навигаціи, должны пройти пространство между Якшей и Усть-Кожевой до второй половины Мая. Съ ранней весны тянутся эти транспорты по Печорѣ, развозя по деревнямъ и селамъ заказанные заранѣе товары, которые складываются въ опредѣленныхъ мѣстахъ б. ч. въ отсутствіи заказчиковъ хозяевъ, которые въ то время еще находятся въ отлучкѣ, скупая и собирая промыслы.

Идутъ чердынцы „торговыми судами", т. е. такими судами, которыя представляютъ собой плавучую лавку—складъ, въ которой можно купить все нужное для домашняго обихода. Эти плавучіе магазины останавливаются около деревенъ, стоятъ пока не удовлетворятъ нуждъ мѣстныхъ жителей и опятъ снимаются съ якоря и идутъ до слѣдующаго селенія. Такъ постепенно распродавая свой товаръ и разгружаясь, чердынскія барки, каюки и карбасы достигаютъ въ самомъ концѣ Іюля Куи. Вполнѣ разгрузившись къ этому времени они, въ началѣ Августа, отъ 4 до 10 числа, начинаютъ обратный путь по Печорѣ, нагружаясь заготовленными для нихъ товарами—семгою, омулями, олениной, мѣхами, замшею, саломъ, жиромъ, перьями и пр. Идутъ они по такому разсчету, чтобы пространство отъ Усть-Кожевы до Якши пройти во время осенняго половодья,—послѣ 25 Августа, и попасть въ Якшу не позже 1 Октября.

Цѣны на печорскіе товары дѣлаетъ Ирбитская ярмарка, которая для Печоры имѣетъ такое же значеніе, какъ для всего Поволжья Нижегородская. На второмъ мѣстѣ въ торговомъ отношеніи стоитъ зимняя Пинежская ярмарка, на которую зимою саннымъ путемъ отправляются изъ Ижмы и Усть-Цыльмы транспорты г. обр. омулей и дичи. Этотъ торговый путь до сихъ поръ служилъ единственною коммерческою связью между Печорою и Двинскимъ раіономъ.

Изъ пришлыхъ элементовъ Печоры нельзя не упомянуть объ агентахъ купца Сибирякова, который прежде имѣлъ довольно крупныя дѣла въ Печорскомъ раіонѣ и даже пытался соединить Печорскій водный путь съ Обью, но теперь, по словамъ мѣстныхъ купцовъ, только заканчиваетъ здѣсь свои дѣла, такъ какъ Печора оказалась ему не съ руки. Можно только пожалѣть, что этотъ богатырь сибирской торговли и предпріимчивости оставляетъ нашъ сѣверъ.

Теперь полными хозяевами Печоры являются чердынцы, подъ патріархальнымъ протекторатомъ которыхъ состоятъ печоряне. Одинъ изъ Сумароковыхъ приблизительно такъ изображалъ мнѣ мирную картину дружескаго сожитія печорянъ съ чердынцами. „Безъ чердынцевъ намъ обойтись нельзя; съ ними мы вѣками сжились; они во всемъ намъ угождаютъ и мы знаемъ, что имъ нужно и какой товаръ, какъ приготовить: напримѣръ, семгу для чердынцевъ нужно распластать, а на Архангельскъ такая рыба не пойдетъ. Мы съ чердынцами не стѣсняемся и не ждемъ ихъ; каждый изъ насъ на всю весну и лѣто за своимъ дѣломъ можетъ спокойно уѣхать: чердынцы все нужное намъ на зиму привезутъ и сложатъ безъ насъ, куда слѣдуетъ, и въ нужномъ для насъ количествѣ; ничего они не привезутъ лишняго и ничего не забудутъ; если что либо новое появится, они знаютъ, что у насъ пойдетъ и что намъ не съ руки. Ну само собою и мы тоже имъ угождаемъ".

Изъ главныхъ представителей чердынцевъ можно упомянуть пароходчиковъ Черныхъ, Суслова, Норицыныхъ, а изъ печорскихъ торговыхъ царьковъ первое мѣсто занимаютъ Сумароковы (цѣлый родъ) и Павловъ. Существуютъ конечно и другіе богатые купцы изъ русскихъ и ижемцевъ; одинъ изъ нихъ живетъ въ Великовисочномъ, но къ сожалѣнію я забылъ его фамилію.

Здѣсь господствуетъ мѣновая торговля, причемъ существуютъ двѣ денежныя единицы: наличными деньгами и товаромъ. Напр. фунтъ сахару на наличныя въ лавочкѣ стоитъ около 25 коп., а если заплатить промысломъ, обыкновенно шкурками, то за фунтъ того же сахару берутъ 30 коп. Изъ мѣстныхъ жителей — русскихъ, ижемцевъ и самоѣдовъ, торговлею занимаются главнымъ образомъ русскіе и нѣкоторые ижемцы, но вся главная мѣстная торговля находится въ рукахъ русскихъ, которые и служатъ посредниками между промысловымъ мѣстнымъ населеніемъ и чердынцами.

Мѣстные купцы частью вымѣниваютъ привозные чердынскіе товары на промыселъ или у себя дома или разъѣзжаютъ по промысловымъ селеніямъ. Но главное и наиболѣе прибыльное занятіе ихъ заключается въ томъ, что они, снабжая мѣстное населеніе

нужнымъ инвентаремъ для охоты или рыбной ловли, потомъ собираютъ съ нихъ дань промысломъ въ такомъ размѣрѣ, что промышленники находятся у нихъ въ полной зависимости и въ полномъ экономическомъ рабствѣ. Мѣстные купцы, какъ напр. Сумароковъ, смотрятъ на промыселъ, добытый крестьяниномъ, котораго они снабжаютъ инвентаремъ, какъ на свою собственность. Сумароковъ совершенно серьезно и съ негодованіемъ жаловался мнѣ на пріѣхавшихъ съ нами архангельцевъ за то, что они покупали семгу у мѣстныхъ крестьянъ, которая, по его глубокому убѣжденію, принадлежитъ ему, ибо онъ снабжаетъ этихъ крестьянъ всѣмъ нужнымъ для ихъ жизни и для ловли рыбы: онъ „печется о нихъ всю жизнь“.

Еще болѣе просты и патріархальны отношенія между печорскими купцами и самоѣдами, особенно живущими на окраинахъ нашего сѣвера. Тотъ же Сумароковъ, такъ приблизительно разсказывалъ мнѣ объ его торговлѣ съ Колгуевымъ. Впрочемъ онъ не употреблялъ слова „торговля“, считая себя по отношенію къ Колгуеву въ родѣ опекуна. „На Колгу мы ходимъ съ незапамятныхъ временъ. Прежде насъ туда ходило нѣсколько Сумароковыхъ; но вотъ, уже болѣе сорока лѣтъ, какъ я туда хожу одинъ. Въ первый разъ отецъ взялъ меня на Колгу, когда я былъ еще мальчикомъ лѣтъ 12, только что вернувшимся изъ Соловецкаго монастыря, гдѣ я учился грамотѣ и „счету“. Съ тѣхъ поръ я каждый годъ хожу на карбасѣ на Колгу; мы отправляемся въ концѣ августа и попадаемъ на Колгу въ хорошую погоду, при попутномъ вѣтрѣ, черезъ недѣлю, а то и дней 5—6, въ случаѣ же противнаго вѣтра приходится быть въ пути и до мѣсяца. Ходили до сихъ поръ, слава Богу, благополучно; нѣсколько разъ, впрочемъ ломало мачты, а одинъ разъ думали, что придется погибать: штормъ насъ засталъ въ океанѣ и былъ такой сильный, что мы привязали другъ дружку къ основаніямъ мачтъ, чтобы не выбросило. Возвращаемся съ Колгуева, какъ позволяютъ дѣла, обыкновенно къ концу сентября. Мы печемся о колгуевскихъ самоѣдахъ, потому что намъ ихъ жалко, а они за это пасутъ нашихъ оленей. Безъ насъ самоѣды на Колгуевѣ погибли бы. Мы должны обо всемъ по-

заботиться для нихъ: привезти имъ хлѣба, соли, водки, чаю и сахару, одежу, посуду и пр. Мы мѣняемъ это на промыселъ. При насъ самоѣдъ всегда спокоенъ за себя; если у него промысла мало, мы все-таки его не оставляемъ и даемъ ему въ счетъ будущаго промысла все, что ему нужно. Самоѣды очень честный народъ, и всегда, если могутъ, сдержатъ слово; насъ обвиняютъ въ томъ, что мы спаиваемъ самоѣдовъ — это неправда; каждую сдѣлку мы запиваемъ, но вѣдь безъ этого нигдѣ нельзя. Намъ самоѣда невыгодно раззорять, такъ какъ чѣмъ богаче самоѣдъ, тѣмъ для насъ же выгоднѣе, тѣмъ больше мы вымѣняемъ у него промысла. Какъ мы на слово вѣримъ самоѣду, такъ и онъ во всемъ намъ вѣритъ; живемъ мы съ нимъ любовно. Мы ведемъ всѣ его дѣла и исполняемъ всѣ его желанія. Намъ рѣшительно обо всемъ приходится заботиться; мы даже привозимъ съ Печоры къ нимъ священника, который служитъ у нихъ обѣдню въ небольшой избѣ—церкви, креститъ дѣтей иногда двухъ-лѣтнихъ, вѣнчаетъ, причащаетъ, отпѣваетъ. Иногда отпѣваніе совершается на Печорѣ, т. е. съ могилы похороненнаго безъ священника берутъ горсть земли, везутъ въ Печору, здѣсь отпѣваютъ въ церкви и потомъ вмѣстѣ со свѣчкою отправляютъ обратно на Колгуевъ и кладутъ на могилу“.

Сумароковъ, какъ и другіе, совершенно искренно считаетъ себя радѣтелемъ самоѣдовъ: „Мы никогда не обижаемъ самоѣдовъ; мы не пасемъ на ихъ тундрахъ своихъ оленей, а только отдаемъ нашихъ оленей имъ на выпасъ; поэтому мы живемъ съ самоѣдами въ мирѣ,—не то что ижемцы; эти, выпасывая сами оленей на самоѣдскихъ земляхъ, несправедливо тѣснятъ самоѣдовъ и потому всегда находятся съ самоѣдами въ ссорѣ“.

Такъ сложились вѣками экономическія условія жизни на Печорѣ. Коренное населеніе тундры — этихъ сѣверныхъ степей — самоѣды, по природѣ номады и оленеводы, еще совершенные дикари, полухристіане, полуязычники, оттѣснены далеко на сѣверъ; они представляютъ трудовое населеніе, эксплоатируемое русскими. Въ ихъ степи постоянно вторгаются и другіе коренные жители Печорскаго края, — по болѣе южной части (Ижмы) — обита-

тели лѣсовъ, ижемцы, по роду занятій хлѣбопашцы, охотники и рыболовы; по религіи православные, съ живою, но наивною вѣрою полудикаго народа. Они еще сохранили свой разговорный языкъ, но не имѣютъ письменности, такъ какъ попытки составить для нихъ алфавитъ изъ русскихъ буквъ, на подобіе зырянскаго, ихъ не удовлетворяютъ; не имѣя своихъ народныхъ пѣсенъ, они съ увлеченіемъ поютъ русскія, не всегда понимая ихъ смысла; заимствовавъ у русскихъ примитивную культуру, они уже вышли изъ подъ ихъ опеки и даже становятся ихъ соперниками въ торговлѣ и промыслѣ. Въ тоже время они чувствуютъ себя на столько сильными, чтобы перейти въ наступательное положеніе по отношенію къ самоѣдамъ; выходя изъ своихъ лѣсовъ на просторную тундру степь, они вытѣсняютъ отсюда этотъ народъ, оставшійся и до сихъ поръ на уровнѣ дикаря. Перенесетъ ли оставленный всѣми самоѣдъ русскую и ижемскую культуру или погибнетъ подъ ея гнетомъ, оставшись м. б. нѣкоторое время въ видѣ вымирающихъ реликвій на Колгуевѣ и Новой Землѣ, какъ послѣдній укоръ заблужденію XIX вѣка, въ силу котораго будто бы дикарь, при соприкосновеніи съ культурнымъ народомъ, обреченъ на вымираніе — покажетъ недалекое будущее.

Самымъ культурнымъ и господствующимъ населеніемъ являются русскіе — они же отважные мореходы, путешественники и торговцы; масса русскаго населенія занимается лѣснымъ и рыбнымъ промысломъ, оленеводствомъ, а южнѣе хлѣбопашествомъ. Въ отличіе отъ ижемцевъ, которые всѣ истинно православные, русскіе б. ч. раскольники, придерживаются ученія протопопа Аввакума, умершаго въ ссылкѣ въ Пустозерскѣ; составленный имъ семитолковникъ служитъ главною основою здѣшняго раскольничества. Единственнымъ средствомъ борьбы съ расколомъ является школа; она не только сравниваетъ всѣ религіозные оттѣнки, но несомнѣнно служитъ къ сліянію ижемцевъ съ русскими. Интересно, какое вліяніе окажетъ школа на самоѣдовъ и будетъ ли вообще продолжаться сдѣланная недавно попытка къ распространенію образованія среди самоѣдовъ; къ сожалѣнію, эта попытка примѣнена къ осѣдлымъ самоѣдамъ, т. е. къ тѣмъ представите-

лямъ этого народа, которые уже сдѣлали первый шагъ къ утратѣ своей самобытности; конечно было бы полезнѣе принять мѣры къ распространенію грамотности среди самобытныхъ самоѣдовъ — кочевниковъ; я увѣренъ, что и въ этомъ случаѣ она дала бы такіе же прекрасные результаты, какъ и въ осѣдлыхъ селеніяхъ. Самоѣдъ прежде всего нуждается въ культурѣ и это единственное условіе, которое можетъ поддержать самоѣдскую народность, теперь начинающую угасать.

Вѣдь самоѣды составляютъ исключительное населеніе нашихъ сѣверныхъ окраинъ; безъ нихъ эти окраины окончательно опустѣютъ и едва ли какая нибудь другая народность будетъ въ состояніи приспособиться къ суровымъ условіямъ жизни въ такихъ мѣстностяхъ какъ Колгуевъ, Новая Земля, Хабарово, Вайгачъ и др. Между тѣмъ эти исключительные представители здѣсь человѣческаго рода при теперешнемъ положеніи вещей вымираютъ. Мы не станемъ входить въ разсмотрѣніе причинъ этого вымиранія; это вопросъ очень сложный и совершенно не выясненъ; но мы обязаны придти къ нимъ на помощь, ибо мы въ долгу у самоѣдовъ. Вѣдь на самоѣдовъ можно смотрѣть какъ на піонеровъ человѣчества, которымъ суждено было судьбою заселить и завоевать для человѣчества дальній сѣверъ „закровянить", какъ выразился новоземельскій колонистъ, эту необитаемую пустыню и сдѣлать ее „осѣдлой". И они съ успѣхомъ исполнили свою миссію, — завоевали сѣверную природу, закаливъ себя въ постоянной борьбѣ съ суровыми условіями сѣверной жизни; но занятые этой физической борьбой, они отстали отъ болѣе южнаго населенія въ умственной культурѣ. Это послѣднее раньше ихъ справилось съ менѣе суровою природою, а потому избытокъ силъ, могло употребить на свое культурное развитіе и въ этомъ отношеніи далеко превзошло самоѣдовъ.

Казалось бы, что простая справедливость требуетъ подѣлиться съ этими младенцами тѣмъ даромъ, которымъ южане раньше овладѣли, благодаря болѣе легкимъ условіямъ борьбы съ природою и тѣмъ заплатить имъ за время и трудъ, потраченные ими на пользу человѣчества, которому они предоставили для пользо-

ванія громадную земельную площадь нашего необитаемаго сѣвера. Я увѣренъ, что самоѣды способны къ воспріятію культуры, потому что это племя не одряхлѣвшее и не доживающее свой вѣкъ, какъ почему то принято смотрѣть на нихъ, а обратно, самоѣды молодое племя, полное силъ, стойкое, закаленное въ борьбѣ съ природою, свѣжее, неизнѣженное и настолько поразительно жизненное, что несмотря на вѣковой гнетъ полукультурныхъ эксплоататоровъ, еще все-таки не погибло. Поэтому нашъ долгъ сравнять самоѣдовъ съ южанами въ томъ, въ чемъ они отстали отъ нихъ, и тогда только можно быть увѣреннымъ, что ихъ будущее будетъ обезпечено, а въ мѣстѣ съ тѣмъ будетъ обезпечено и будущее нашего далекаго сѣвера.

Долго я предавался размышленіямъ о судьбахъ нашего сѣвера. Наконецъ мнѣ сообщили, что выгрузка на время прекращена и можно совершенно удобно перебраться на рѣчной пароходъ.

„Ижма" — такъ назывался нашъ новый пароходъ — вблизи оказалась еще хуже, чѣмъ можно было представить, наблюдая ее издали. Тяжелый запахъ соляной рыбы, невыдѣланныхъ шкуръ, смазочныхъ маслъ, боролся съ другимъ промозгло кислымъ запахомъ, исходившимъ изъ жилыхъ помѣщеній палубы и спертымъ воздухомъ, висѣвшимъ тяжелымъ слоемъ надъ тряпьемъ, среди котораго на полу расположились палубные пассажиры. Пришлось съ трудомъ пробираться между шкурами, бочками съ саломъ, рыбою, канатами, цѣпями, багажемъ пассажировъ, наконецъ между спящими дѣтьми, выбирая свободной промежутокъ, куда можно было бы поставить ногу, и въ это время нужно было внимательно слѣдить за собственною головою, чтобы не задѣть ею висѣвшія на потолкѣ крытой палубы разныя части коровьей туши, только что убитой на дорогу. Топографія парохода ничѣмъ не отличалась отъ обыкновенныхъ небольшихъ рѣчныхъ пароходовъ нашего сѣвера. Первый классъ съ рубкою помѣщался въ носовой части парохода.

Нашъ новый служитель Андрюша, распространяя передъ собой промозговой запахъ съ примѣсью перегара отъ винныхъ паровъ, провелъ меня въ небольшую, но чистенькую рубку, изъ ко-

торой спускалась внизъ почти вертикально узкая деревянная лѣстница, ведшая въ каютное помѣщеніе перваго класса. Здѣсь по обѣ стороны узкаго и темнаго корридора помѣщались отдѣльныя каюты, а впереди и общая.

Одна изъ каютъ, наибольшая, съ одною очень узкою и другою болѣе широкою скамейкою была предоставлена намъ. Она помѣщалась у самаго пароходнаго колеса. Въ углу висѣла большая икона и передъ ней лампадка. Сюда также проникалъ специфическій запахъ палубы, смѣшанный съ затхлымъ воздухомъ долго запертаго помѣщенія. Однако Андрюша успокоилъ меня, говоря, что на ходу все провѣтрится.

Занявъ каюту, я отправился на палубу, чтобы ближе ознакомиться съ пароходомъ. Среднюю часть парохода занимало машинное отдѣленіе громадныхъ размѣровъ. Около трубы находилась громадная плита и при ней еще особая перегородка для кухни. Какъ ни велико было помѣщеніе пароходной кухни, но въ ней едва поворачивалась неимовѣрной толщины стряпуха — Аннушка, жена Андрюши, которую я принялъ сначала за старуху. На мои разспросы о продовольствіи, она сообщила, что они спекли для насъ сдобныхъ булокъ, заготовили „скотскаго" мяса и рыбы, и если намъ нужно молока, то она можетъ достать у „мамы" въ Куѣ. Въ говорѣ Аннушки я вообще замѣтилъ особый оттѣнокъ и манеру произношенія, отличавшія ее отъ крестьянокъ. Оказалось, что Аннушка дочь дьякона изъ Куи. Случаи выхода замужъ дочерей духовныхъ лицъ за крестьянъ на сѣверѣ нерѣдки. На Двинѣ напр. очень часто можно встрѣтить дочерей священниковъ, вышедшихъ замужъ за крестьянъ. Къ чести духовнаго сословія нужно сказать, что жены изъ духовнаго званія облагораживающе дѣйствуютъ на крестьянъ мужей и вносятъ въ крестьянскую семью особую свѣжую культурную струю. Я не могу безъ умиленія вспомнить крестьянскую семью (въ с. Власьевскомъ), въ которой хозяйка изъ поповенъ, исполняя всѣ крестьянскія работы наравнѣ съ другими бабами, съумѣла придать дому особое благообразіе, а мужу и дѣтямъ внушить трогательную къ себѣ нѣжность. Но въ данномъ случаѣ нельзя было замѣтить никакого благотвор-

наго вліянія Аннушки на „Андрюшу“, какъ она его нѣжно называла.

Она предложила мнѣ запастись на дорогу семгой и морошкой, которыя можно было купить на лодкахъ, причалившихъ къ кормѣ.

Здѣсь остались только двѣ лодки: одна большая зырянская, другая поменьше самоѣдская. Въ просторной зырянской лодкѣ, красиво нагруженной рыболовными снастями и боченками, сидѣла одѣтая въ чистыхъ малицахъ и совикахъ зырянская семья, состоявшая изъ степеннаго старика и старухи, и молодой пары дышащихъ здоровьемъ сына и дочери. Они уже все продали и считали деньги.

Совершенную противоположность представляла самоѣдская лодка: въ ней суетилась самоѣдская чета, на видъ совершенно старыхъ супруговъ въ изорванныхъ и заплатанныхъ малицахъ, съ лицами, изуродованными оспою. На кормѣ неподвижно сидѣли въ старыхъ неуклюжихъ малицахъ два маленькихъ самоѣда, лѣтъ 8 — 10, съ растопыренными рукавами, напоминая собою звѣрьковъ, въ родѣ молодыхъ тюленей, и были совершенно равнодушны ко всему окружающему. Мать и отецъ продавали морошку по копѣйкѣ за мѣрку. Всѣ торопили, бранили ихъ, требовали насыпать мѣрку верхомъ, сдавливали морошку такъ, что текъ сокъ и все-таки никто не былъ доволенъ. Супруги съ растеряннымъ видомъ отмѣривали ягоду и повидимому совсѣмъ не слѣдили, сколько имъ даютъ денегъ. Я таже купилъ себѣ морошки; за громадную миску этой ягоды съ меня попросили 2 копѣйки. Морошку расхватали очень скоро; супруги посмотрѣли на опустѣвшія кадки, какъ то глупо и умоляюще улыбнулись намъ, что то еще предлагая, потомъ ударомъ весла вывели изъ оцѣпенѣнія сидѣвшихъ на кормѣ дѣтей, изъ которыхъ одинъ моментально вскочилъ на руль, а другой сталъ свертывать веревки, дружно ударили по весламъ и отъѣхали отъ парохода.

Семгу у зырянъ скупили два пріѣхавшихъ архангелгородца въ компаніи съ молодымъ Сумароковымъ по 6 руб. за пудъ и про-

давали ее по 20 к. за фунтъ. Такимъ образомъ уже сразу произошло вторженіе въ мѣстную торговлю чужаго элемента.

Къ 6 ч. вечера мы окончательно оставили „Кази“, переправивъ нашъ багажъ на „Ижму“. Ижма нѣсколько преобразилась. Палубные пассажиры ужинали б. ч соляной рыбой, нѣкоторые уже спали, нѣсколько зырянъ стояли на носовой части парохода на колѣнахъ и, безпрестанно дѣлая земные поклоны, молились.

Рубка перваго класса была заполнена народомъ. Здѣсь были зажиточные печоряне, чердынцы, пріѣзжіе архангелгородцы и нѣсколько ижемцевъ. Во главѣ компаніи былъ Сибиряковскій прикащикъ. Столъ былъ уставленъ пивными бутылками — праздновали большую сдѣлку. Чердынецъ купилъ большую партію пива, привезеннаго на нашемъ пароходѣ архангельскимъ мелкимъ торговцемъ. Напряженное состояніе общаго недовѣрія, послѣ нѣсколькихъ выпитыхъ бутылокъ, смѣнилось оживленнымъ разговоромъ. Конечно, говорили большею частью о выгодахъ, которыя сулитъ открытіе правильныхъ рейсовъ.

Развѣдчики отъ печорскихъ торговцевъ привезли извѣстіе, что сало нельзя отправлять въ Архангельскъ, т. к. цѣна въ Архангельскѣ 1 р. 80 коп., а на Печорѣ 2 р. 40 к. Поэтому мѣстное купечество послало уже съ нашимъ пароходомъ ходатайство къ архангельскому губернатору о томъ, чтобы слѣдующій пароходъ изъ Архангельска зашелъ въ Хабарово и взялъ бы тамъ 3.000 пудовъ сала для перевозки на Печору. Такъ какъ капитанъ нашего парохода не особенно сочувственно отнесся къ ихъ ходатайству, то положено было послать телеграмму изъ Усть-Цыльмы въ Архангельскъ. Эта телеграмма тутъ же и составлялась. Вмѣстѣ съ тѣмъ печоряне рѣшили къ слѣдующему рейсу приготовить нѣсколько бочекъ семги и омулей для отправки въ Архангельскъ, гдѣ цѣна на эти предметы выше, чѣмъ на Печорѣ.

Съ нашимъ же пароходомъ отправляется въ Архангельскъ нѣсколько сотъ пудовъ перьевъ и крыльевъ—кажется случайный грузъ Сибирякова.

Въ разговорѣ между печорянами и чердынцами замѣчается нѣкоторый антагонизмъ. Печоряне убѣждали чердынцевъ еще бо-

лѣе понизить цѣны на свои товары и тогда архангелгородцамъ не выдержать съ ними конкурренціи. Чердынцы, которые въ этомъ году и такъ страшно понизили цѣны на муку, чай и сахаръ, сообщили, что они въ убыткѣ не останутся, такъ какъ съ рейсами изъ Архангельска будетъ доставляться оттуда сало по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ существующая на Печорѣ, и что печорянамъ придется также понизить цѣны на сало; кромѣ того чердынцы думаютъ заработать на доставкѣ архангельскихъ товаровъ вверхъ по Печорѣ, а можетъ быть и на лѣсныхъ операціяхъ, которыя теперь началъ вести Черныхъ. Даже если лѣсное дѣло будетъ въ рукахъ шведовъ или архангельцевъ, болѣе опытныхъ въ лѣсныхъ операціяхъ, то на ихъ долю достанется достаточно выгодъ по буксированію плотовъ.

Тѣхъ и другихъ страшно волновало полученное недавно извѣстіе о намѣреніи произвести изысканіе для желѣзно-дорожной линіи отъ Обдорска до Хайпудырской губы. По этой линіи предполагается направить сибирскіе товары на европейскій рынокъ. При этомъ всѣмъ хотѣлось узнать мнѣніе по этому вопросу находившагося здѣсь довѣреннаго Сибирякова, который однако, внимательно ко всему прислушиваясь, хранилъ молчаніе и только отъ времени до времени таинственно, повторялъ, что готовъ поставить дюжину шампанскаго, если только въ Усть-Цыльмѣ получитъ одну телеграмму. Впрочемъ всѣ скептически относились къ этой телеграммѣ, увѣренные, что довѣренный ихъ „затуманиваетъ“.

Разговоръ очень оживился, когда зашла рѣчь о наплывѣ на Печору „чужаковъ“ изъ Архангельска. Особенно занимаютъ всѣхъ шведы. Всѣмъ однако хочется доказать, что шведы не умѣютъ взяться за дѣло, и что они непремѣнно прогорятъ, если не обратятся за помощью къ чердынцамъ — пароходчикамъ.

По словамъ чердынцевъ, шведы закупили въ казнѣ для вывоза за границу громадную партію лѣса. Зимою этого года они приготовили около 10 тыс. деревьевъ. Они все бьютъ на дешевку, плохо платятъ рабочимъ, такъ что эти разбѣгаются. Нанимая рабочихъ для сплава весною лѣсныхъ плотовъ, они обѣщали снаб-

жать ихъ своими канатами и якорями, но ни того, ни другого не дали; пришлось скрѣплять плоты своими средствами; плохо скрѣпленные плоты разметало при сравнительно слабомъ вѣтрѣ. Надо было заплатить пароходчику Суслову около 2.000 руб. за сборъ и дальнѣйшую доставку лѣса. Вслѣдствіе задержки плоты не могли попасть въ Кую къ опредѣленному сроку, когда туда долженъ былъ придти за лѣсомъ зафрахтованный въ Швеціи пароходъ. Пришлось и тутъ понести убытки. Теперь шведскій лѣсъ въ количествѣ 6½ тыс. деревьевъ заведенъ въ Глухое озеро, находящееся въ 17 верст. выше Куи, около Бѣлаго Щелья, недалеко отъ Тельвисочнаго. Стоянка для лѣса неудобная, потому что трудно будетъ собирать лѣсъ въ заросляхъ. Другая партія лѣса около 3½ тыс. дер. еще находится около Усть-Кожвы. Чердынцы относились съ большимъ злорадствомъ къ шведамъ, вѣроятно потому что представитель ихъ Черныхъ, срубивъ около 3 т. деревьевъ, тоже потерпѣлъ въ прошломъ году неудачу на лѣсной торговлѣ. По общему убѣжденію, лѣсное дѣло на Печорѣ только начинается и потому вслѣдствіе своей новизны оно рисковано.

Правда, были попытки поставить это дѣло на широкую ногу и раньше: такъ въ 1864 году купецъ Сидоровъ, имя котораго связано съ первымъ винтовымъ пароходомъ, появившемся на Печорѣ, сплавлялъ лиственницу въ Англію, имѣя становище въ 10 верстахъ выше Болванскаго носа, но дѣло оказалось мало выгоднымъ. Не шведамъ и не чердынцамъ поставить здѣсь это дѣло. Большія надежды возлагаются на агентовъ одной большой архангельской лѣсной фирмы, которая прислала теперь на Печору двухъ приказчиковъ. Одинъ изъ нихъ, довольно пожилой, хорошо знаетъ и понимаетъ лѣсное дѣло и посланъ въ качествѣ эксперта, другой молодой является довѣреннымъ агентомъ.

Чердынцы и печоряне съ нетерпѣніемъ ждутъ ихъ приговора: возможны ли и выгодны ли лѣсныя операціи на Печорѣ, при условіи сплава лѣса въ Архангельскъ и заграницу. Эти приказщики живутъ теперь другую недѣлю въ Усть-Цыльмѣ, никому не „сказываютъ, чьи они", все развѣдываютъ и „обходятъ" находящихся теперь тамъ же шведовъ, которые „очень прямодушны,

все откровенно имъ сказываютъ". Чердынцы видимо надѣятся извлечь выгоду отъ сплава плотовъ, а можетъ быть, присмотрѣвшись къ новому для нихъ дѣлу, и самимъ со временемъ имъ заняться. Теперь ихъ забота заключается въ томъ, чтобы въ свою очередь „обойти" шведовъ и пріѣзжихъ приказчиковъ.

До сихъ поръ разговоръ поддерживался чердынцами и печорянами. Первые производили впечатлѣніе чѣмъ то обезпокоенныхъ и угнетенныхъ, вторые были возбуждены. Видимо тѣ и другіе чувствовали себя выбитыми изъ обычной колеи. Всѣмъ хотѣлось высказаться, но всѣ боялись выдать себя и не проговориться. Я былъ пораженъ этой выдержкой и владѣніемъ собою. Присутствіе нѣсколькихъ архангелгородцевъ, пріѣхавшихъ съ нами, видимо стѣсняло компанію. На меня же никто не обращалъ вниманія и потому я все время оставался стороннимъ наблюдателемъ.

Пріѣзжіе русскіе слѣдили за всѣми разговорами очень внимательно, но сами участія не принимали. Изъ нихъ особенно выдѣлялся молодой парень, лѣтъ 25, франтовато одѣтый, въ высокихъ сапогахъ бутылками и въ пиджакѣ. На морскомъ пароходѣ онъ ходилъ съ гармоніей и книгою Энгельгарда „Русскій Сѣверъ", по которой справлялся о разныхъ мѣстностяхъ, проходимыхъ нами. Съ виду грубоватъ, но съ очень быстрымъ и острымъ взглядомъ. Онъ молча всѣхъ пронизывалъ своими взглядами; его товарищъ, добродушный брюнетъ, видимо простоватый и весь преданный своему спутнику, сидѣлъ рядомъ съ нимъ и только поддакивалъ про себя. Оба они всегда держались вмѣстѣ и видимо тоже были присланы кое что развѣдать о Печорѣ. Но, какъ всѣ развѣдчики, считали своимъ долгомъ скрывать цѣль своей поѣздки. Только наиболѣе откровенные изъ нихъ говорили, что ѣдутъ на Печору „искать дѣла", „пытать счастья", остальные ограничивались словами, „ѣдемъ по своему дѣлу".

Наконецъ быстроглазый парень тоже началъ вести разговоръ о томъ, что онъ читалъ въ книгѣ Энгельгарда о Печорѣ. Съ большими подходами, онъ сводитъ разговоръ на торговлю краснымъ товаромъ, о которомъ впрочемъ въ книгѣ Энгельгарда ниче-

го нѣтъ. Сначала онъ съ интересомъ слушалъ разсказъ одного усть-цылема, который вспоминалъ, какъ какой то старый купецъ, единственный торговецъ краснымъ товаромъ, издѣвался надъ покупателями, продавалъ имъ только то, что по его мнѣнію, имъ нужно, и не позволялъ ничего выбирать. Бывали случаи, что купецъ сердился на кого либо, и если находящійся въ опалѣ покупатель приходилъ къ нему, то за нездоровьемъ или за недосугомъ онъ отказывался идти за товаромъ. Все это приходилось терпѣть, но теперь съ каждымъ годомъ легче становится. Въ этомъ году одна купчиха изъ Архангельска пріѣхала на Печору съ краснымъ товаромъ и прекрасно торговала.

Быстроглазый парень съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за разсказомъ и незамѣтно перевелъ разговоръ на бакалейные товары. Оказывается, что и въ этомъ дѣлѣ онъ уже имѣетъ серьезныхъ конкуррентовъ, въ лицѣ распространенной на сѣверѣ фирмы братьевъ Фузлуиныхъ (татаръ, которыхъ на сѣверѣ называютъ князьями), которые въ этомъ году послали въ Усть-Цыльму своихъ приказчиковъ для развѣдокъ на мѣстѣ о положеніи дѣла. Однимъ словомъ выяснилось, что на Печору существуетъ изъ Архангельска цѣлое паломничество.

Наконецъ перешли и къ послѣдней злобѣ дня: въ малоземельской тундрѣ сибирская язва на оленяхъ въ полномъ разгарѣ. Считаютъ, что въ Іюлѣ погибло не менѣе 50 тыс. головъ оленей; тундра заражена; эпизоотія такъ сильна, что бывали случаи, когда стада, въ нѣсколько сотъ головъ, расположившись на ночлегъ, цѣликомъ погибали впродолженіе полусутокъ; очень многіе ижемцы и самоѣды совершенно раззорены и бѣгутъ изъ зараженной тундры, опасаясь заразиться самимъ. Среди кочеваго населенія полная паника. Разбѣжавшіеся кочевники разносятъ заразу и на осѣдлыя селенія; начался падежъ коровъ и лошадей въ Пустозерской волости.

Сибирская язва — страшное бѣдствіе сѣвера; это — народный бичъ, потому что она поражаетъ оленя, безъ котораго самоѣдъ не можетъ жить, а большинство ижемцевъ связали съ оленеводствомъ все свое состояніе. Въ одинъ мѣсяцъ можно

лишиться, совершенно случайно, всего имущества и сдѣлаться на всю жизнь нищимъ. Съ глубокою грустью разсказывали ижемцы на полупонятномъ языкѣ о несчастьи, постигшемъ тундру; ихъ простые безтолковые, но полные трагизма разсказы, одинаково вызывали сердечное сочувствіе и у чердынцевъ и у „русаковъ“ печорянъ и у чужаковъ — архангелгородцевъ. Мнѣ было очень стыдно за насъ, что мы не только не идемъ на помощь этому бѣдствію, но даже мало имъ интересуемся.

VI.

8 Августа. Рано утромъ, въ 5 часовъ, „Ижма“ снялась съ якоря, отвела къ берегу почти до борта нагруженную барку и безъ буксира отправилась вверхъ по Печорѣ, обмѣнявшись прощальными свистками съ „Кази“, тоже направлявшимся въ обратный путь. Рейдъ у Куи снова опустѣлъ и замеръ до слѣдующей встрѣчи пароходовъ. Я вышелъ на палубу около 8 часовъ утра; было вѣтренно, пасмурно и холодно, сѣверный, порывистый вѣтеръ подпиралъ теченіе Печоры, которая въ трудной борьбѣ заколыхалась, посинѣла и покрылась крупными волнами съ пѣнящимися гребешками — зайчиками; наиболѣе свирѣпыя и сильныя волны врывались на нашъ доморощенный пароходъ и омывали его носовую часть.

Подгоняемая вѣтромъ „Ижма“ съ трудомъ шла противъ теченія, какъ бы убѣгая отъ перегонявшихъ ее тучъ и облаковъ, несшихся другъ за другомъ такъ низко, что нѣкоторыя изъ нихъ окутывали насъ молочнымъ туманомъ и обдавали мокрою холодною мразью. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что на мостикѣ съ трудомъ можно было стоять. Я всѣми суставами чувствовалъ пронизывающую меня сырость, не смотря на то, что надѣлъ зимнее пальто, закутался въ пледъ и прикрылся клеенчатою накидкою. Лоцманы въ мѣховыхъ малицахъ и шапкахъ и такихъ же рукавицахъ и сапогахъ энергично поворачивали страшно шумѣвшее цѣпью колесо и видимо чувствовали себя такъ хорошо, будто на дворѣ стоялъ

іюльскій солнечный день. Они встрѣтили меня широкою и привѣтливою улыбкою, ободрившей меня въ этой мертвящей обстановкѣ, и, снявъ тяжелыя рукавицы, протянули свои мозолистыя сильныя руки.

Мы шли по самой серединѣ главнаго многоводнаго широкаго русла Печоры, окаймленнаго виднѣвшимися вдали, въ видѣ ровныхъ полосъ, низменными берегами — это были очертанія большихъ острововъ, за которыми шла безбрежная тундра съ песчаными буграми, характерная сѣверная пустыня, такая же безжизненная, какъ и острова, мимо которыхъ мы ѣхали; нигдѣ ни малѣйшаго признака жизни, ни человѣческаго жилья, ни птицы, ни скотины. Эти острова во множествѣ, раскинувшіеся по дельтѣ, находились на разной стадіи своего образованія и разнообразились по высотѣ и растительному покрову, начиная отъ песчаныхъ отмелей, то совершенно голыхъ и желтыхъ, то покрытыхъ мелкимъ ивнякомъ или болотистыми сочными травами, и кончая высокими частью заливными, частью совершенно сухими громадными лугами, въ мѣстахъ подмываемыхъ рѣкою круто обрывающимися и здѣсь обнажающими пестрыя перемежающіяся полосы желтаго песку, бурой глины и черпаго торфа, обыкновенно составляющаго карнизъ берега, а въ мѣстахъ своего роста окаймленными широкими намывными песчаными отмелями; наиболѣе высокіе изъ острововъ возвышаются саж. 4 надъ рѣкою, покрыты старицами то сухими и пріютившими въ себѣ группы кустарниковъ, то болотистыми и озерными, между которыми разстилались луга съ высокою и густою травою.

Зиждительница этихъ отложеній, живая мощная струя Печоры, какъ аккуратный скульпторъ, сосредоточенно и медленно, обрѣзывая въ одномъ мѣстѣ и прибавляя въ другомъ, вела свою кропотливую и вѣковую работу, унаслѣдованную отъ болѣе сильныхъ предковъ. По крайней мѣрѣ вырисовывавшіяся на лѣвомъ берегу террасовыя высоты, построенныя изъ желтаго песку и валунной глины, наводили на мысль, что еще недавно, выражаясь геологически, здѣсь имѣла мѣсто еще болѣе грандіозная дѣятельность воды.

На лѣвомъ берегу, у деревни Сопки, начинался материкъ, террасовидно спускавшійся къ сѣверу, въ сторону Ледовитаго океана. Пересѣченный въ меридіональномъ направленіи Печорою, онъ на своихъ вертикальныхъ обнаженіяхъ обнаруживалъ крайне несложное строеніе. Высотою саж. 20 — 25, онъ былъ сложенъ арктическими морскими валунными глинами и песками, свидѣтельствовавшими, что сюда когда то доходилъ океанъ, а громадные валуны, торчавшіе въ обнаженіяхъ и угрожавшіе каждую минуту паденіемъ или уже свалившіеся и покрывавшіе тамъ и сямъ бичевникъ, дополняли картину господствовавшаго здѣсь суроваго океана, рисуя на его поверхности ледяныя горы, принесшія сюда каменныя глыбы, можетъ быть оторванныя отъ скалъ сѣвернаго Урала, съ которыми онѣ сходны по петрографическому составу.

Этотъ материкъ спускался уступами сначала въ видѣ первой высокой террасы саж. 12 высотою, построенной внизу морскими глинами, а наверху сложенной изъ валуннаго песка и гравія; эта терраса можетъ быть разсматриваема, какъ результатъ размыванія материка отступающимъ моремъ.

Далѣе, къ упомянутой террасѣ прислонилась другая, исключительно песчаная терраса высотою саж. 8, сложенная рѣчными отложеніями со всѣми ихъ характерными особенностями и являющаяся остаткомъ грандіозной дѣятельности прежней, вѣроятно, болѣе многоводной Печоры.

Наконецъ шла и знакомая намъ третья луговая терраса, надъ образованіемъ которой мѣстами и теперь во время большаго половодья работаетъ Печора, а къ ея подножью прислонились еще небольшія террасы, находящіяся въ самомъ періодѣ своего образованія и рѣзко очерчивающія уровень Печоры въ полую воду и во время межени.

Благодаря отсутствію лѣсной растительности рельефъ мѣстности очерчивался во всей его пластичности. На материкѣ, среди грязно-зеленаго травянистаго покрова, возвышались песчаные, безформенные холмы; по склонамъ протянулись къ рѣкѣ глубокія логи, балки, большею частью покрытыя кустарниками, между ко-

торыми протекали въ торфянистыхъ и песчаныхъ берегахъ среди заболоченной мѣстности рѣчки и ручьи. Устья логовъ отдѣлены другъ отъ друга пологими задернованными склонами или вертикальными обрывами, обнажающими мощные слои бурой валунной глины и песковъ.

Мы подъѣзжаемъ къ селу Оксину, главному населенному пункту Пустозерской волости, конкурирующему съ вымирающимъ Пустозерскомъ. На пароходѣ, находившемся въ полудремѣ, проявилось движеніе: группа пустозерскихъ промышленниковъ и оксинская матушка стали приготовляться къ высадкѣ, собирая свои пожитки. Энергичная молодая матушка такъ и разцвѣла, увидя свое село, а сынишка безъ умолку закидывалъ ее вопросами. На мой вопросъ, хорошо ли живется въ Оксинѣ, матушка удивленно посмотрѣла на меня и съ восторгомъ произнесла: „въ Оксинѣ у насъ весело; во всей Пустозерской волости нѣтъ лучше Оксина".

Дѣйствительно Оксино выглядѣло издали лучше Куи: оно расположено на островѣ, при впаденіи въ Печору небольшой курьи („виски"); со стороны рѣки окаймлено широкою песчаною косою; самое село построилось на наиболѣе возвышенной части острова, на третьей террасѣ, сверху прикрытой мощнымъ торфянистымъ покровомъ такого же характера, какъ и въ Куѣ. Со стороны курьи обрывистый берегъ подмыло рѣкою и дальнѣйшее подмываніе сильно угрожаетъ селу.

На этомъ возвышеніи скучилось нѣсколько десятковъ почернѣвшихъ однообразныхъ избъ, между которыми выдѣлялись три громадныхъ двухъ-этажныхъ дома съ мезонинами, принадлежащіе представителямъ мѣстной аристократіи,—Сумароковымъ; поотдаль бѣлѣла небольшая деревянная церковь.

Скоро на песчаной косѣ появились черныя фигуры, бѣжавшія изъ деревни къ рѣкѣ, къ лодкамъ, чтобы первыми прибыть на нашъ пароходъ. Мы пристали къ берегу противъ Оксина, походили вдоль рѣки по торфянистому и болотистому лугу, съ трудомъ выбирая менѣе мокрое мѣсто, чтобы не увязнуть, и запачканные глиною, въ довольно печальномъ видѣ, вернулись на пароходъ, который значительно опустѣлъ.

Опять мы вышли на главное русло и идемъ вдоль лѣваго высокаго материковаго берега, который становится все выше и выше, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается все болѣе пологимъ и покрывается муравою и сплошнымъ кустарникомъ, между которымъ начинаютъ попадаться тамъ и сямъ одиноко стоящія хвойныя деревья; потомъ мы свернули влѣво въ довольно широкій шаръ, проливъ, окаймленный низменными островами съ ровнымъ ивняковымъ покровомъ и наконецъ постепенно перебравшись на правый берегъ печорской долины подошли къ суровому и красивому материку т. н. „Вастьянскій Конь“, начинающемуся въ верстахъ трехъ выше с. Лабаскаго.

Здѣсь уже весь склонъ покрытъ былъ сплошнымъ кустарникомъ съ довольно часто встрѣчающимися отдѣльно стоящими деревьями — лиственницы, сосны, березы и т. д. Въ нижнихъ частяхъ склоновъ часто попадаются высокія обнаженія желтаго песку съ діагональною слоистостью: нѣкоторыя обнаженія достигаютъ грандіозныхъ размѣровъ, прорѣзывая сверху до низу весь склонъ, и отчетливо обнаруживаютъ сверху желтые пески до 5 саж. мощности, подъ которыми залегаютъ бурыя валунныя слоистыя глины (до 4 саж.) съ песчаными прослоями, подстилаемыя весьма мощными отложеніями (саж. 10) желтыхъ слоистыхъ песковъ съ глинистыми пропластками.

Средній глинистый горизонтъ, служа ложемъ для грунтовой воды, рѣзко обозначенъ рядомъ выходящихъ источниковъ, заболачивающихъ этотъ склонъ. Очень часто можно наблюдать срединную широкую полосу болотной растительности, или мать — мачихи, занявшей выходы глинистаго горизонта, окаймленную сверху и снизу желтыми бордюрами обнажающихся верхняго и нижняго песчаныхъ горизонтовъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ материкъ все болѣе и болѣе повышался и покрывался все болѣе и болѣе густымъ лѣснымъ покровомъ, смѣнившимъ собою кустарники; недалеко отъ села Великовисочнаго на этомъ материкѣ можно было видѣть грандіознѣйшее обнаженіе желтыхъ песковъ съ бурыми глинами, отъ котораго мы свернули вправо, пробираясь по „шару“ между низменными островами, по-

крытыми сочными лугами или высокимъ ровнымъ ивнякомъ, къ лѣвому низкому берегу, на которомъ расположено упомянутое большое село—Великовисочное.

У этого села мы высадили двухъ крестьянъ и сдавъ почту, двинулись по Боршовскому шару, среди безконечныхъ и безжизненныхъ луговъ, поперекъ Печоры, къ правому берегу, къ оставленнымъ нами высотамъ Вастьянскаго Коня.

Здѣсь грандіозные высокіе склоны были уже покрыты густымъ лиственничнымъ лѣсомъ, среди котораго въ видѣ громадныхъ пятенъ выдѣлялись песчаныя обнаженія, особенно многочисленныя въ нижнихъ горизонтахъ.

Однако намъ недолго пришлось разсматривать эту дѣвственную лѣсную чащу: громадный лугъ все болѣе и болѣе разростался у ея подножья; только верстъ черезъ 6—7, обогнувъ это луговое пространство, мы снова подошли къ еще болѣе густому, но малорослому лѣсу, окутывавшему весь материкъ. Недалеко отъ рѣки Махины склоны стали круче и перешли въ рядъ вертикальныхъ обнаженій, которыя закончились красивымъ и угрюмымъ мысомъ.

У этого мыса высоты отходили отъ Печоры, образуя грандіозный полуциркъ, спускавшійся къ долинѣ Печоры тремя широкими террасами, занятыми непроглядною лѣсною чащею малорослой лиственницы.

Эти террасы послѣдовательно подмываются русломъ Печоры до самаго впаденія въ нее рѣчки Махины. Одинокій мысъ, стоящій на окраинѣ цирка, сразу обрывался къ первой террасѣ, тоже лѣсистой. За нею дальше идетъ желтѣющая песчаными обнаженіями вторая терраса, которую мѣстами смѣняютъ желтые песчаные холмы съ жалкою хвойною растительностью; эти послѣдніе, все понижаясь, переходили въ зеленую ивняковую и болотистую луговую террасу, окаймляющую Махину.

За спокойнымъ зеркальнымъ устьемъ этой рѣчки опять пошли безотрадные песчаные холмы, переходящіе въ холмистую вторую террасу, за которой уже противъ села Тошвинскаго опять слѣдовалъ высокій, но пологій лѣсистый материкъ.

Мы опять повернули вправо, идемъ среди третьихъ низкихъ террасъ, окаймляющихъ русло Печоры, покрытыхъ ровнымъ замѣчательно густымъ лиственнымъ лѣсомъ, въ которомъ очень тонкія и высокія молодыя деревца тѣсно прижались другъ къ другу, какъ бы ища взаимопощи противъ порывовъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, волновавшаго ихъ гибкія вершины. Мѣстами на нѣсколько верстъ обширные участки этого лѣса были положены на землю, иногда вырваны съ корнями и выворочены какъ бы гигантскимъ плугомъ съ громадными мощными слоями глинисто-торфянистой почвы — это грандіозная работа весенняго ледохода, образовавшаго высокіе заторы.

Теперь мы идемъ, совершенно утопая въ зелени. Многоводное русло проходитъ по широчайшей и глубочайшей долинѣ, окаймленной очень пологими, но высокими склонами, вершины которыхъ въ видѣ темносиней волнистой полосы едва обозначаются на горизонтѣ. Отъ нихъ ко дну долины идутъ широчайшія, занятыя сплошнымъ лѣснымъ покровомъ и потому мягко очерченныя террасы. Вѣковые дремучіе лѣса, покрывающіе материкъ и верхнія террасы по мѣрѣ пониженія склона долины смѣняются болѣе молодыми деревьями, а у самаго русла густо разросшійся молоднякъ окаймляетъ живую струю Печоры ровнымъ зеленымъ высокимъ бордюромъ.

Какая громадная разница между тою мертвенною природою, отъ которой мы еще сегодня утромъ приходили въ ужасъ и этой все еще суровой, но все же успокоивающе дѣйствующей безбрежною лѣсною чащей. Не проѣхали мы и полутораста верстъ, какъ изъ типичной тундры попали въ характерную тайгу.

На „Ижмѣ“ у насъ сразу установилось распредѣленіе дня. Мы вставали въ 8 часовъ утра, обѣдали около 2 и ложились въ 11 часовъ вечера. Наша кухарка толстая Аннушка не знала, какъ намъ угодить, ежедневно пекла намъ довольно вкусные пироги изъ семги, единственное съѣдобное блюдо; эти пироги отличались необыкновенно большими размѣрами; на наши неоднократныя замѣчанія Аннушка плаксивымъ голосомъ оправдывалась, что она всегда старается приготовить маленькій пирогъ, а онъ уже самъ въ печкѣ разростается.

Все время мы проводили на капитанскомъ мостикѣ, на скамейкѣ, находившейся подъ навѣсомъ. Здѣсь всѣмъ распоряжался старый лоцманъ Иванъ Ивановичъ Федосѣевъ, государственный крестьянинъ с. Похчи Чердынскаго уѣзда. Ив. Ив, бодрый и подвижный старикъ, лѣтъ шестидесяти, пользуется большимъ довѣріемъ старика Норицына, (пароходовладѣльца); ему видимо и ввѣренъ пароходъ. Нашъ новый капитанъ Михаилъ Степановичъ, — еще молодой человѣкъ, вѣдаетъ, главнымъ образомъ, внутреннимъ порядкомъ на пароходѣ и сохранилъ за собою неотъемлемое право давать продолжительные и оглушительные свистки при приходѣ и отходѣ отъ пристаней и при встрѣчѣ пароходовъ. Ив. Ив. уже болѣе 25 лѣтъ ходитъ по Печорѣ и хорошо знаетъ мѣстность. Стоя за колесомъ, въ спокойное время, онъ поетъ кондаки Святымъ, преимущественно Пресв. Богородицѣ и Николаю Чудотворцу, разсказываетъ о прошломъ Печоры, которое связано у него съ именами Сибирякова и Сидорова, объясняетъ молодымъ лоцманамъ разныя примѣты на пути или учитъ, какъ пройти въ трудныхъ мѣстахъ, напр. удачно пересѣчь стругу, чтобы не задѣвая дна отмели, попасть подъ стругу, гдѣ всегда глубже; дѣлая распоряженія онъ всегда выражается образно, напр., „не бери такъ харчисто, а ты прыснетъ", остерегалъ онъ молодого рулеваго, который съ такою силою повернулъ колесо, что цѣпи натянулись какъ струны. Онъ знакомъ и съ исторіей Печорскаго края, съ большою охотою разсказываетъ книжнымъ языкомъ о крещеніи самоѣдовъ и зырянъ, о ихъ прежней языческой религіи, о заблужденіяхъ здѣшнихъ раскольниковъ и старообрядцевъ, о протопопѣ Аввакумѣ. Онъ знаетъ о путешествіяхъ Крузенштерна и А. А. Штукенберга. Кромѣ того Ив. Ив. человѣкъ бывалый; онъ посѣтилъ Ирбитъ, Нижній, Москву и Кіевъ; его интересуютъ не только святыя мѣста, но и музеи; онъ очень толково разсказывалъ о Московскомъ историческомъ музеѣ, о Румянцевскомъ музеѣ и Третьяковской галлереѣ.

Къ намъ онъ относился очень дружественно и привѣтливо, стараясь быть полезнымъ своими свѣдѣніями. Меня онъ принялъ за географа и между прочимъ разсказалъ, что лѣтъ 20 тому на-

задъ на Печору пріѣзжали „члены французскаго географическаго общества“ и вывезли съ Печоры много самоѣдскихъ идоловъ. Долго они при помощи мѣстной полиціи безуспѣшно розыскивали самоѣдскія капища, пока наконецъ не удалось, напоивъ одного совсѣмъ раззорившагося самоѣда, вывѣдать отъ него мѣстонахожденіе главнаго капища, скрывавшагося въ лѣсной чащѣ у „Самоѣдской ярмарки“, которую мы проѣхали сегодня ниже рѣчки Махины. Здѣсь удалось найти очень много самоѣдскихъ идоловъ, изъ которыхъ нѣкоторые были очень большихъ размѣровъ. Самоѣдъ, который въ пьяномъ видѣ выдалъ мѣсто капища, когда протрезвился и узналъ, что онъ надѣлалъ, горько плакалъ, хотѣлъ наложить на себя руки и потомъ пропалъ безъ вѣсти. „Должно быть покончилъ съ собою“, заключилъ Ив. Ив., „потому что самоѣды очень къ идолопоклонству привержены“. На мой вопросъ, гдѣ же эти идолы, Ив. Ив. отвѣтилъ: „должно быть хранятся гдѣ либо въ археологическомъ музеѣ, въ Парижѣ“. Я останавливаюсь на личности Ив. Ив., потому, что этотъ простой крестьянинъ меня поразилъ своею развитостью и интересомъ, съ которымъ онъ относился къ жизни.

V.

9 Августа. — Еще девять часовъ утра, но уже тепло, погода солнечная и безвѣтренная. Всѣ поснимали малицы и немного принарядились, по случаю праздника. Пароходъ тихо плетется по зеркальной, переливающейся искрами поверхности воды, среди дремучей тайги. На мостикѣ за колесомъ стоитъ Иванъ Ивановичъ и поетъ молитвы. Намъ не вѣрится, что мы всего лишь сутки, какъ покинули тундру. Теперь мы совершенно искренно наслаждаемся чудною погодою, грѣемся на солнцѣ и любуемся природой — широкою далью необозримаго лѣснаго моря. Мы проѣзжаемъ нижнее Бугаево, оставивъ за собою правый высокій берегъ, покрытый лиственничнымъ лѣсомъ, сквозь который виднѣются бурыя обнаженія валунной глины, иногда образующія сплош-

ную стѣну, и попадаемъ въ самыя нѣдра величественной Печорской долины, окаймленной по обѣимъ сторонамъ широкими террасами.

Всѣхъ террасъ можно насчитать до пяти. Живая струя Печоры окаймлена желтыми песчаными отмелями, на которыхъ нагромождены вѣтромъ дюнные гряды и холмы. За этой безжизненной пустыней сыпучаго песку обыкновенно безъ всякаго перехода, или чрезъ небольшую полосу, занятую рѣдкими кустиками ивняка, тянутся роскошные луга съ сочною, густою и высокою травою и съ участками, занятыми кустарникомъ.

За лугами, рѣзко отдѣлясь отъ нихъ уступомъ въ саж. $1\frac{1}{2}$—2, на которомъ иногда бѣлѣютъ пески съ прослоями и покрышкою изъ чернаго торфа, слѣдуетъ широкая терраса, обыкновенно покрытая ровнымъ, молодымъ, смѣшаннымъ лѣсомъ — березы, ольхи, ивы, рѣже лиственницы. Еще одинъ, еще болѣе пологій уступъ, и за нимъ разстилается прерывающаяся терраса, занятая молодымъ стройнымъ дровянымъ лиственнымъ лѣсомъ, образующимъ непроходимую чащу.

Наконецъ послѣдній уступъ, ведетъ къ широкой террасѣ, покрытой строевымъ лѣсомъ. Эта терраса повышается и сливается съ водораздѣльными высотами, синѣющими на горизонтѣ.

Первыя три нижнія террасы — эти естественные указатели высоты воды въ Печорѣ во время межени и половодья — могутъ быть объяснены современной дѣятельностью Печоры. Послѣдвія двѣ — наиболѣе высокія — указывая на болѣе высокое положеніе русла Печоры въ отдаленное время, вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ намекъ на существованіе двухъ періодовъ усиленной размывательной дѣятельности въ долинѣ Печоры. Вѣроятно эти двѣ террасы слѣдовало бы привести въ связь съ тѣми террасами, которыя мы наблюдали вчера на склонѣ материка въ сторону океана.

Вѣроятно два періода напряженнаго отступанія океана и два періода наиболѣе интенсивной размывательной дѣятельности въ долинѣ Печоры обусловлены одной и той же причиною.

Вообще, любуясь величественой долиною этой могучей рѣки, невольно задаешься массою историческихъ вопросовъ о прошломъ

ся, а вмѣстѣ съ тѣмъ о недавнемъ прошломъ нашего сѣвера, скрывающаго въ себѣ столь много научныхъ тайнъ.

Безлюдіе и вообще мертвенность въ природѣ — одна изъ характерныхъ чертъ этой суровой мѣстности. Изрѣдка встрѣчающіяся группы жалкихъ лачугъ, носящія громкія для нихъ названія деревенъ, а именно: Шелино, состоящее изъ 3 — 4 избъ и Лаврино, самымъ неудобнымъ образомъ пріютившееся на заливной террасѣ и потому полуразрушенное весенними разливами и другія жалкія поселенія — Еловое Веретье, Ушкъ, Быкъ, благодаря своему убожеству, мало нарушаютъ первое впечатлѣніе мертвенности.

Мы были въ восторгѣ, когда у д. Шелино встрѣтили первый разъ небольшое поле ячменя: чѣмъ то культурнымъ и уютнымъ повѣяло на насъ; но и это поле долгое время оставалось одиночнымъ явленіемъ.

Мы всюду отыскивали признаки жизни и къ нашему удовольствію замѣтили двухъ журавлей, расхаживавшихъ по песчаному берегу, а потомъ громадную стаю гусей, вѣроятно, собиравшихся на отлетъ, и пестрѣвшихъ на бѣломъ фонѣ песчаной отмели. Далѣе на лугу увидѣли табунъ лошадей, долгое время въ оцѣпенѣніи глядѣвшихъ на насъ, и при нашемъ приближеніи вдругъ бросившихся самымъ неистовымъ карьеромъ вдоль берега, ломая кусты и перескакивая ручьи.

Мы приближались къ болѣе населенной (до 10 домовъ), но все же убогой деревушкѣ Хабарихѣ, неуклюже расположенной на правомъ песчаномъ берегу у устья жалкой рѣчонки того же имени и едва замѣтной на фонѣ корявого лиственнаго лѣса. Въ деревнѣ — ни души, ни собаки, ни скотины.

Можно было подумать, что здѣсь все вымерло, если бы пройдя нѣсколько верстъ, мы совершенно неожиданно не увидѣли на громадной песчаной отмели какого то совершенно пустыннаго острова громадное количество ивовыхъ шалашей, обложенныхъ землею и дерномъ съ цѣлымъ лѣсомъ жердей, на которыхъ были развѣшаны гигантскія сѣти и самыя разнообразныя рыболовныя принадлежности. Весь берегъ чернѣлъ отъ сплошнаго ряда ло-

докъ, бочекъ и мѣстами грудъ только что пойманной рыбы. Рядъ дымящихся костровъ на берегу и въ самихъ шалашахъ-землянкахъ, при совершенно тихой погодѣ покрывали эту ватагу прозрачнымъ молочнымъ пологомъ. При нашемъ приближеніи изъ всѣхъ шалашей повылѣзало всѣхъ возрастовъ многочисленное населеніе, б. ч. одѣтое въ малицы, начиная отъ дѣтей и до старцевъ, и постепенно составило громадную толпу, которая долгое время провожала насъ глазами. Здѣсь ловятъ семгу, омулей и селедь.

Чрезъ нѣсколько часовъ мы приблизились къ д. Сергіево Щелье, выше котораго русло Печоры подходитъ къ древнему склону долины.

Сначала Печора подмываетъ обрывистый, высотою саж. 7, песчаный берегъ второй террасы, рѣзко выдѣляющійся желтизною песка, образующаго рядъ вертикальныхъ обнаженій, круто спускающихся къ рѣкѣ и окаймляющихъ подножье находящагося вдали отъ берега лѣсистаго материка. Миновавъ песчаную террасу, Печора подходитъ къ самому материку, служащему древнимъ склономъ ея необозримой долины, возвышающемуся саж. на 30 — 40 надъ рѣкою. Наверху онъ покрытъ сплошнымъ лѣсомъ, внизу у рѣки обрывистъ и оголенъ съ рядомъ вертикальныхъ обнаженій, на которыхъ отчетливо видѣнъ вверху карнизъ желтобурой моренной глины съ валунами, подъ которымъ лежатъ желтые діагонально слоистые пески, часто скрученные и падающіе на югъ подъ угломъ около 30 градусовъ, а основаніемъ служатъ темносѣрыя глины съ многочисленными песчаными прослоями, съ рѣзко обозначенными по нимъ водоносными горизонтами. Эти обнаженія переносили насъ въ недалекую геологическую эпоху, еще болѣе суровую, чѣмъ теперешнія физико-географическія условія Печорскаго края, когда дѣятельность снѣга и льда преобладала намъ дѣятельностью воды.

Оголенныя и непригдядныя профили обнаженій отдѣлены другъ отъ друга зеленѣющими балками и оврагами. Эти послѣдніе берутъ начало въ верхнихъ частяхъ древняго склона, гдѣ они широки и циркообразны; съуживаясь книзу, они кончаются узкими ущельями, не доходящими до нижней трети склона и отдѣленными другъ отъ друга упомянутыми выше обрывистыми участками бе-

рега. Овраги и балки служатъ естественными ложами, по которымъ сверху спускаются, оползая по многочисленнымъ водоносным горизонтамъ, покровы валунной глины, увлекающіе съ собою и растущій на нихъ лѣсъ. Сползшія сверху деревья, покосившіяся и нагроможденныя другъ на друга, въ видѣ хаотической чащи, столпились въ устьѣ оврага, какъ бы нетерпѣливо ожидая, пока вытекающій изъ подъ нихъ потокъ не вынесетъ ихъ на бичевникъ, гдѣ уже образовались безформенныя скопленія глины, торфа, валуновъ, хвороста, пней, деревьевъ, сверху размываемыя ручьемъ, а снизу подмываемыя Печорою. Не болѣе 3—4 верстъ мы наблюдали этотъ своеобразный пейзажъ. Вскорѣ высоты отступили отъ рѣки и опять Печора перерѣзала первую и вторую террасы, которыми спускается къ рѣкѣ виднѣвшійся издали материкъ.

Вскорѣ предъ нами развернулась широкая панорама, дышавшая жизнью. Лѣсной покровъ отодвинулся далеко къ высотамъ материка и оттуда темнозелеными клиньями врѣзывался въ сплошную скатерть полей, спускавшихся пестрыми полосами по склонамъ первой и второй террасъ до самаго песчанаго обрывистаго берега Печоры. Въ неглубокихъ балкахъ, съ небольшими ручейками на днѣ, раскинулись довольно чистенькія деревушки — Оленино, Рощинскій ручей, Усть-Цылемскія выселки, Высокая гора, около которыхъ пріютились овины. Теперь мы попали въ земледѣльческій раіонъ, такъ сказать житницу здѣшняго края. Материкъ все больше и больше отдаляется отъ рѣки, склоны становятся шире и положе и наконецъ переходятъ въ рядъ округлыхъ уваловъ, покрытыхъ полями съ промежуточными неглубокими балками, заросшими кустарникомъ; наконецъ начинается широкій и пологій ровный склонъ, у подножья котораго постепенно развернулась передъ нами столица печорскаго края — Усть-Цыльма. Она вытянулась вдоль Печоры на 2¼ версты, отдѣляясь отъ рѣки широкою полосою обнаженнаго берега, покрытаго пескомъ или валунами.

Со всѣхъ сторонъ села устремились къ пристани черныя точки, которыя къ нашему пріѣзду составили огромную толпу, занявъ

щую всю пристань и прилегающую часть берега. Преобладали крестьяне съ велико-русскими, зырянскими и самоѣдскими чертами лица. Тутъ же собралась и вся администрація съ исправникомъ во главѣ. Въ толпѣ выдѣлялась группа изъ трехъ человѣкъ— непомѣрно толстаго высокаго купца, одѣтаго въ длинно-полый сюртукъ и сапоги бутылками, и составлявшаго съ нимъ совершенный контрастъ, маленькаго тщедушнаго, юркаго молодого человѣка съ типичными еврейскими чертами лица, одѣтаго туристомъ, въ шелковой шапочкѣ. Рядомъ съ ними стоялъ красивый коренастый шведъ. Мы сразу узнали лѣсныхъ приказчиковъ, которые „обходили шведовъ". Поодаль стоялъ, облокотясь на велосипедъ телеграфный техникъ и привѣтствовалъ подъѣзжавшую на крестьянской лошаденкѣ „амазонку". Какъ можно было ѣздить на велосипедѣ по здѣшнимъ болотамъ, при совершенномъ отсутствіи дорогъ, для меня осталось непонятнымъ. Еще раньше чѣмъ причалили къ берегу начались распросы о цѣнахъ и промыслахъ. Едва были уложены сходни, какъ нашъ пароходъ наполнился народомъ, а рубка обратилась въ клубъ. И здѣсь общею приманкою послужило пиво. Съ пароходомъ доставлена была почта и рядъ всякихъ административныхъ предписаній. Всѣ новости обсуждались при такомъ общемъ оживленіи, что можно было подумать, что здѣсь рѣшаются судьбы края.

Печальная новость о падежѣ оленей уже была извѣстна администраціи. Мѣстный исправникъ что то объяснялъ ветеринару, который безнадежно пожималъ плечами и старался отказаться отъ предлагаемой ему командировки, находя ее безцѣльной, съ чѣмъ въ концѣ концовъ и согласился исправникъ.

Новая личность на пароходѣ не могла остаться не замѣченной и исправникъ г. Рогачевъ очень любезно представился мнѣ и пригласилъ меня къ себѣ. Меня интересовало, какъ живутъ здѣсь интеллигентные люди, и потому я съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе. Пройдя топкую полосу, окаймлявшую рѣку, мы попали на длинную и широкую улицу, тоже топкую и болотистую, но окаймленную хорошо построенными деревянными мостками для пѣшеходовъ. Постройки — обыкновенныя крестьянскія, большія

двухъ-этажныя избы, рѣже встрѣчаются и дома съ городскимъ характеромъ. Исправникъ живетъ въ большой крестьянской избѣ во второмъ этажѣ, который и представляется здѣсь возможнымъ для житья, ибо въ нижнемъ этажѣ страшно сыро. Совершенное отсутствіе зелени и самаго элементарнаго комфорта и черная грязь на улицахъ и дворахъ производятъ довольно удручающее впечатлѣніе. По очень крутой наружной лѣстницѣ мы поднялись въ квартиру г. Рогачева; городская чистенькая скромная обстановка пяти или шести крестьянскихъ комнатъ насъ пріятно ласкала, особенно послѣ двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ нами въ лодкѣ или на пароходѣ. Самъ г. Рогачевъ, уроженецъ юга, но съ повышеніемъ по службѣ и по мѣрѣ увеличенія семейства, онъ передвигался къ сѣверу, гдѣ больше льготъ по пенсіи и воспитанію дѣтей; г-жа Рогачева уроженка остъ-зейскаго края. Теперь съ переводомъ изъ Пинеги въ Усть-Цыльму, котораго они долго добивались, они получили самыя большія льготы, какія только даетъ служба въ Архангельской губерніи. На каникулы, всего на 1 мѣсяцъ, къ нимъ пріѣхали ихъ 2 дочери, гимназистки, учащіяся въ Архангельскѣ. И родители и дѣти очень счастливы, что существуетъ столь удобное и обставленное такимъ комфортомъ пароходное сообщеніе съ Архангельскомъ, дающее имъ возможность видѣться лѣтомъ. Оживленное и радостное настроеніе молодежи, разсказывавшихъ намъ о прелестяхъ ихъ побывки въ Усть-Цыльмѣ, сразу скрасило неприглядность усть-цылемской жизни и природы. Впрочемъ всѣ усть-цылемскія прелести сводились къ хорошей, по ихъ мнѣнію, погодѣ, которая, въ видѣ исключенія стояла здѣсь около мѣсяца, къ одной прогулкѣ за городъ, которую можно было совершить, не рискуя завязнуть въ болотѣ, катанію на лодкѣ въ тихую погоду, которая къ слову сказать здѣсь рѣдкость, къ обилію морошки, которую нужно собирать съ опасностью завязнуть въ болотѣ и т. д. Но ничто не можетъ сравниться съ удовольствіемъ встрѣтить пароходъ, узнать здѣсь массу новостей, получить письма и привезенныя изъ Архангельска новинки. Родители смотрѣли на жизнь въ Усть-Цыльмѣ не такъ оптимистически: жизнь здѣсь особенно зимою невы

носимо скучна и тяжела. При страшныхъ холодахъ, вѣтрахъ, вьюгахъ и заносахъ страшно выйти на воздухъ, страшно заболѣть, такъ какъ докторъ почти всегда отсутствуетъ и въ городѣ нѣтъ аптеки. Общество интеллигентныхъ людей, т. е. чиновниковъ, небольшое и какъ водится разрозненное. Населеніе состоитъ изъ русскихъ, обрусѣлыхъ самоѣдовъ и зырянъ; большинство раскольники, которые держаться изолированно отъ небольшой группы православныхъ и ограждены отъ послѣднихъ неприступною стѣною самыхъ дикихъ обычаевъ и предразсудковъ. Для борьбы съ расколомъ въ Усть-Цыльмѣ живетъ миссіонеръ, но наилучшимъ средствомъ борьбы съ расколомъ служатъ школы, которыхъ однако въ Печорскомъ краѣ очень мало. Не смотря на грубость нравовъ, преступленія рѣдки, грабежи и убійства почти неизвѣстны, но пьянство и развратъ особенно въ Усть-Цыльмѣ страшные. Въ общемъ жители отличаются самостоятельностью и исполнительностью въ отношеніи всякихъ натуральныхъ повинностей. Такъ, напр. крестьяне ходятъ за сотни верстъ устраивать и чинить земскую почтовую дорогу отъ Усть-Цыльмы до Пинеги. Собираются артелями и работаютъ безъ административнаго надзора. По прибытіи на назначенный имъ участокъ, они ставятъ на мѣстѣ начала работъ крестъ, на которомъ обозначаютъ названіе обществъ и время приступа къ работѣ, а потомъ, проработавъ обязательный для нихъ срокъ, ставятъ другой крестъ, на которомъ обозначаютъ время окончанія работъ.

Теперь Усть-Цыльма ожила; съ каждымъ рейсомъ пріѣзжаютъ изъ Архангельска разные люди искать дѣла; въ свою очередь и усть-цылемы прислушиваются къ новому теченію и наѣдываются въ Архангельскъ. Еще годъ тому назадъ всѣ покупатели были въ рукахъ нѣсколькихъ купцовъ, которые теперь, при появленіи новыхъ конкуррентовъ насторожились. Въ Усть-Цыльму пріѣхали и татары, зарекомендовавшіе себя на сѣверѣ добросовѣстностью въ торговлѣ—на нихъ возлагаются большія надежды. Вѣроятно, начнетъ развиваться и промышленность. По крайней мѣрѣ, съ нашимъ рейсомъ сюда ожидали пріѣзда представителей одной московской технической конторы, которая намѣревается приступить къ буренію на нефть.

Наша бесѣда была въ самомъ разгарѣ, когда протяжный свистокъ пригласилъ насъ возвратиться на пароходъ.

Физіогномія нашего парохода совсѣмъ измѣнилась: было очень многолюдно и шумно; въ рубкѣ большое общество, вѣроятно мѣстныхъ чиновниковъ, наслаждалось тѣмъ жалкимъ комфортомъ, который предоставлялся пассажирамъ перваго класса. Каюты были полны; ихъ занимали два приказчика, ѣхавшіе осматривать лѣса и условія сплава по Печорѣ, лѣсничій, ревизовавшій свой участокъ и становой приставъ, ѣхавшій дѣлать дознаніе въ одно изъ печорскихъ селеній. Провожатыхъ или лучше сказать любопытныхъ было очень много; они тѣснились и толкались на палубѣ исключительно потому, что и отходъ парохода въ этой трущобѣ составлялъ событіе. Уже темнѣло, когда мы отчалили при довольно шумныхъ привѣтствіяхъ провожавшей насъ толпы.

Теперь составъ пассажировъ совсѣмъ иной: искатели счастія остались въ Усть-Цыльмѣ, совершенно опустѣла палуба, за то было очень и очень оживленно въ первомъ классѣ; оттуда до насъ доносились веселые возгласы и пѣніе. Наше мирное одиночество было нарушено. Ночью на пароходъ сѣли, мѣстный чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ г. Матавтинъ и сельскій учитель, ѣхавшіе въ Усть-Кожеву принимать крестьянскую школу.— Мы теперь знакомы почти со всей печорской администраціей.

VIII.

10 Августа. Понедѣльникъ, $8\frac{1}{2}$ утра. Мы совершенно усталые: ночью пароходъ сѣлъ на мель и его едва стащили съ мѣста. Суматоха была страшная.

Солнечная со свѣжимъ вѣтеркомъ погода манила скорѣе на мостикъ. Иванъ Ивановичъ, стоявшій у колеса, былъ угрюмъ; однако онъ широко улыбнулся, привѣтствуя меня. Я съ наслажденіемъ, полною грудью, вдыхалъ чистый воздухъ, вглядываясь въ даль, еще подернутую синеватою дымкою. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія Ив. Ив. постепенно вошелъ въ роль моего ментора

по красотамъ и оригинальностямъ Печоры. Прежде всего онъ началъ жаловаться, что Печора съ каждымъ годомъ мелѣетъ. Видимо онъ хотѣлъ оправдать наше ночное приключеніе. Къ счастью мы вчера сѣли на пескѣ и хотя наскочили на мель на полномъ ходу, но, идя противъ теченія, были скоро снесены съ мели кормою назадъ. По словамъ Ив. Ив. выходило, что мы избѣжали опасности, благодаря тому, что нашъ пароходъ деревянный, слѣдовательно легкій и обладаетъ такою малосильною машиною, съ которой, идя противъ теченія глубоко не врѣжешься въ песокъ. „Пустяки", заключилъ Ив. Ив. „вѣдь не внизъ шли, песочка дномъ хватили и сейчасъ соскользнули; вотъ будь желѣзное дно, тутъ бы и застряли".

Пришелъ и капитанъ. Онъ тоже чувствовалъ себя неловко, но имѣлъ смѣлость спросить насъ, хорошо ли мы провели ночь. По его озабоченному виду можно было заключить, что его преслѣдуетъ какая то мысль, которая не даетъ ему покоя.

День стоялъ чудный, немного вѣтрено. Мы безмолвно любовались величественною рѣкой, переливающеюся на солнцѣ, дикимъ овражистымъ правымъ берегомъ и безбрежнымъ лѣснымъ моремъ лѣваго берега, сѣнѣющею далью, разстилающеюся спереди и сзади, прислушиваясь къ странному хлябанію пароходной машины, которая казалась совершенно разслабленной. Вдругъ, съ испуганнымъ и блѣднымъ лицомъ, появился на трапѣ капитанъ и торопливо скомандовалъ отдать якорь; но не успѣли матросы подойти къ цѣпи, какъ машина странно залепетала и умолкла. У капитана вырвался возгласъ отчаянія, заключавшійся въ словѣ, „сломалось".

Мы стоимъ на якорѣ по срединѣ рѣки, изъ машиннаго помѣщенія слышится стукъ молота о наковальню. Пользуясь хорошею погодою мы ѣдемъ на берегъ. Выходя изъ лодки жена оступилась и упала въ ледяную воду Печору: на половину промокла. Наша пароходная обстановка такъ намъ надоѣла, что она предпочитаетъ просушиться на солнцѣ, на берегу. Въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ вѣтра, жарко.

Берегъ глинистый, вязкій, очень топкій. Приходится выбирать болѣе сухое и крѣпкое мѣсто. На бичевникѣ много валуновъ, нѣкоторые въ видѣ гигантскихъ глыбъ. Эти валуны то угловатые, то окатанные водою, состоятъ изъ брекчій и конгломератовъ кристаллическихъ породъ, голубовато сѣрыхъ кремнистыхъ сланцеватыхъ мергелей, темныхъ кремнистыхъ известняковъ, темножелтыхъ, красноватыхъ и сѣроватыхъ песчаниковъ, тонко-сланцеватыхъ, съ массою обугленныхъ растительныхъ остатковъ, расположенныхъ по сланцеватости и съ болѣе рѣдко встрѣчающимися окремнѣлыми стволами деревьевъ. Нерѣдки также колчеданистыя и сидеритовая конкреціи съ юрскими раковинами — ауцелами. Предъ нами былъ одинъ изъ тѣхъ гигантскихъ оползней, которые мы наблюдали ранѣе. За этимъ оползнемъ находилось вертикальное обнаженіе кореннаго берега, состоящее исключительно изъ темносѣраго мореннаго суглинка со всѣми типичными признаками ледниковаго происхожденія — неслоистаго съ многочисленными валунами, въ безпорядкѣ залегающими, изъ которыхъ нѣкоторые, песчаниковые, отполированы и покрыты ледниковыми шрамами. Я еще разъ убѣдился, что печорскій край въ недалекое отъ насъ время былъ покрытъ ледниками. Лежащія подъ мореною тяжелыя вязкія и жирныя глины съ остатками раковинъ моллюсковъ, нынѣ живущихъ въ Ледовитомъ океанѣ, указывали, что послѣднему ледниковому періоду здѣсь предшествовало покрытіе материка водами Ледовитаго океана. Море отступило передъ началомъ ледниковаго періода, ибо между мощными арктическими глинами и налегающею на нихъ мореною лежали пески съ тонкими прослоями торфа, вѣроятно озернаго или рѣчнаго происхожденія. Эти песчаные слои служатъ водоносными горизонтами, по которымъ просачивающаяся въ обиліи вода, производитъ грандіозные оползни.

Съ большимъ трудомъ и не безъ опасности завязнуть въ набухшей глинѣ, подобрался я къ боковой части обнаженія и здѣсь, карабкаясь и цѣпляясь за оползшія кустарники и деревца, взобрался на вершину обрыва, покрытую лѣсомъ. Отсюда разстилался у подножья необычный для цивилизованныхъ странъ видъ

дѣвственной природы: могучіе, въ буквальномъ смыслѣ, дремучіе лѣса, покрывавшіе вдали противоположный пологій склонъ печорской долины смѣнялись къ ложу долины болѣе молодымъ лѣснымъ и кустарниковымъ покровомъ, среди котораго рѣзко выдѣлялось русло рѣки, шары, рукава, старицы, озера и торфяниковыя болота. Могучая, но однообразная растительность, поразительная тишина, холодный, сырой, удивительно чистый воздухъ, безъ всякаго слѣда какого либо аромата, который такъ свойственен каждому нашему лѣсу, блѣдное солнце и замѣчательная прозрачность атмосферы, все это дѣйствуетъ особымъ оцѣпеняющимъ образомъ. Какъ это все рѣзко отличается отъ нашихъ полныхъ жизни и пестрѣющихъ разнообразными ландшафтами—лугами, перелѣсками, полями, рощами, селами, церквами, огородами — Волжской, Окской, Двинской и др. долинъ.

Жалкій свистокъ Ижмы вывелъ меня изъ созерцательнаго настроенія. Жена тѣмъ временемъ просушилась на солнышкѣ, читая незабвенныя записки Пиквикскаго клуба, а изъ перелѣска вышли наши спутники — довѣренный Сибирякова и юркій еврейчикъ изъ Архангельска, которые ходили за ягодами. Съ ихъ помощью мы переправились на Ижму и простоявъ еще съ полчаса, впродолженіе котораго мы съѣли нашъ обѣдъ, весьма незатѣйливый (пирогъ съ семгою и супъ съ пильменями), но приготовленный съ усердіемъ нашей Аннушкой, двинулись далѣе не безъ страха за исправность пароходной машины.

Въ три часа дня, мы, по обыкновенію, тепло закутавшись, усѣлись на нашъ наблюдательный пунктъ — на скамейку около рулеваго. Уже верстъ пять мы отъѣхали отъ нашей невольной стоянки: влѣво за громадною песчаною мелью отчетливо выясняется пологій склонъ той гряды, у которой мы стояли. Прежніе смѣшанные лѣса — пихты, ели и березы уходятъ вверхъ, гдѣ они образуютъ сплошный покровъ, оставаясь внизу только въ видѣ узкихъ языковъ по неглубокимъ оврагамъ и балкамъ, спускающимся къ рѣкѣ и перерѣзывающимъ сплошной полосатый коверъ пашенъ, окаймляющій берегъ. Наверху у опушки лѣса красиво раскинулось громадное село Качкаръ: среди многочисленныхъ избъ

возвышается большая колокольня въ видѣ башни, увѣнчанная высокимъ шпилемъ, изъ за которой едва выглядываетъ бѣлая маленькая церковь. Часть села спустилась по неглубокому логу и потомъ снова вошла на угоръ; нѣсколько избенокъ, составляющихъ, вѣроятно, выселокъ, пріютились на уступѣ второй террасы. На лѣвомъ противоположномъ берегу по прежнему безконечные лѣса идутъ отъ русла рѣки по широчайшему и пологому склону печорской долины и постепенно взбираясь на материкъ теряются въ синевѣ горизонта.

Въ верстахъ трехъ выше Качкара мы завернули влѣво и снова подошли къ правому лѣсистому высокому и крутому материку съ массою грандіозныхъ оползней, спускающихся сверху, съ многочисленными обнаженіями сѣрой-бурой глины, по верхнимъ плоскостямъ которыхъ произошли оползни. Бичевникъ буквально загроможденъ валунами самыхъ разнообразныхъ размѣровъ и формъ. Скоро этотъ склонъ понизился тремя террасами къ лѣсистой долинѣ рѣки Чулея и пропустивъ ее, опять постепенно поднялся, не достигши впрочемъ прежней высоты. Здѣсь вдоль вертикальной стѣны изъ бурой глины расположился въ видѣ террасы громадный оползень, протянувшійся версты 1¼, покрытый болотами, лѣсами, полянами мать-мачихи. Лѣса мѣстами переломаны, взгромождены въ большія кучи и перемѣшаны съ слоями глины, торфа, дерна и разнообразными валунами — все это даетъ неприглядную, но грандіозную картину разрушенія. Въ д. Кипѣевой-Севастополь этотъ материкъ нѣсколько понижается: оползни маскируются болѣе спокойно лежащимъ лѣснымъ и кустарниковымъ покровомъ, который у самой деревни смѣняется пашнями. Это небольшое жалкое селеніе прежде было расположено на противоположномъ лѣвомъ низменномъ берегу, но въ виду наводненій было перенесено на правый берегъ, на второй террасѣ котораго оно теперь и стоитъ. Проѣхавъ Севастополь мы попали въ лѣсную чащу; оба берега низменные; за покрывающими ихъ громадными лѣсами не видно склоновъ печорской долины, которая очевидно здѣсь очень широка.

Эти однообразныя лѣсныя чащи скоро намъ надоѣли; мы были рады, когда у Чарки-Божъ пароходъ снова подошелъ къ правому высокому материку, образующему здѣсь грандіозный обрывъ, съ интереснымъ и отчетливымъ обнаженіемъ двухъ моренъ: верхней, выраженной валуннымъ щебнемъ и конгломератомъ и нижней представленной валунною сѣрою глиною. Эти двѣ морены, раздѣленныя слоистыми, скрученными движеніемъ верхнихъ ледниковъ песками, еще разъ свидѣтельствуютъ, что и въ печорскомъ раіонѣ было двѣ эпохи оледенѣнія съ промежуточною эпохою болѣе мягкаго климата.

На далекое пространство протянулся этотъ дикій и сумрачный материкъ, все болѣе и болѣе подымавшійся вверхъ по рѣкѣ, увѣнчанный вверху, какъ правильнымъ частоколомъ, рядомъ заостренныхъ обнаженій желтаго песку, раздѣлявшихъ глубокіе овраги, занятые лѣсною чащею. Не долго намъ пришлось углубляться въ чтеніе этой недавней страницы изъ исторіи печорскаго края. Скоро обрывы смѣнились грандіозными оползнями, покрытыми лѣсомъ и кустарникомъ, а еще далѣе мы, огибая „Двойники" — два большихъ террасовыхъ острова на Печорѣ — оставили материкъ по лѣвую сторону и лишь издали любовались его волнистымъ мягкимъ контуромъ, увѣнчаннымъ чащею лѣсовъ и спокойно выдѣлявшимся на горизонтѣ. Версты 3 — 4 мы шли среди названныхъ острововъ, покрытыхъ высокою густою травою и стройнымъ и сильнымъ молодымъ ивовымъ лѣсомъ; наконецъ снова подошли къ покинутому нами материку; здѣсь онъ образовывалъ величественный одинокій мысъ, спускающійся къ рѣкѣ тремя террасами, двумя верхними съ пологими и мягкими уступами, и третьей самой молодой, круто обрывающейся къ рѣкѣ. Такъ заканчивается материкъ „Горная Чарка", до 40 саж. высотою, дикій, мрачный, скрытый подъ густою чащею лѣсовъ, изъ которой онъ проглядываетъ своими желтыми песчаными обнаженіями, коегдѣ выдѣляющимися въ верхнихъ горизонтахъ.

Настали сумерки, бодрящій холодъ давалъ себя чувствовать, а между тѣмъ спокойные цѣпенѣющіе контуры тянули къ себѣ.

Объ окружающихъ холодныхъ картинахъ природы совсѣмъ

не думали пассажиры перваго класса, горячо игравшіе въ карты напролетъ всю ночь. Наша „Ижма“, вообще нерасположенная къ ночнымъ путешествіямъ, на этотъ разъ хотя и не заночевала, но нѣсколько разъ дѣлала продолжительныя остановки.

IX.

11 Августа. Утро пасмурное; туманъ, сырость и холодъ насквозь пронизываютъ. Идемъ въ 20 верстахъ выше „Щелья Юрскаго“, вдоль лѣваго высокаго берега; всюду видны массивные оползни съ покривившимися деревьями и обвалы бурой глины съ громадными валунами. Обогнувъ выступъ зеленаго съ сочной травою луга опять прижались къ высотамъ лѣваго берега; на этотъ разъ онѣ обрывисты, почти вертикальны — сѣрая тяжелая глина съ выступающими въ видѣ пятенъ валунами красноватаго песчаника дѣлаетъ общій видъ крайне печальнымъ; топкій грязный бичевникъ, усѣянный валунами, съ грязевыми оплывинами сѣрой глины, дополняютъ эту картину запустѣнія, которую не скрашиваютъ и пятна мать-мачихи, скрывающія наиболѣе топкія мѣста. Къ счастью этотъ унылый склонъ скоро ушелъ въ даль материка и на смѣну ему слѣва (правый берегъ) приблизилась широкая долина съ тремя террасами, съ обычно смѣняющими другъ друга полосами песку, ивняка, луговъ, а далѣе стройнымъ молодымъ лѣсомъ лиственницы и березы. Нѣкоторое время идемъ среди чащи лѣсовъ и вдыхаемъ ихъ весьма слабый ароматъ.

За лугами и лѣсами, по лѣвую руку видимъ высокій волнистый материкъ — здѣсь находится устье р. Уссы, впадающей въ Печору у с. Усть-Уссы. По разсказамъ нашего старика лоцмана мутная струя усской воды отклоняетъ печорскую прозрачную воду влѣво и даже нѣкоторое время, не смѣшиваясь съ ней, течетъ вдоль праваго берега, скрытая отъ насъ островами.

Обогнувши островъ, мы приближаемся у Новикъ-Божъ къ правому высокому склону, покрытому жалкимъ лѣсомъ.

Увидавъ съ версту выше села замѣчательное по своей грандіозности обнаженіе, я попросилъ капитана остановиться. Впрочемъ мое желаніе совпало и съ необходимостью для пристава сойти на берегъ для какого то дознанія.

Мягкій, какъ тюфякъ, топкій бичевникъ усыпанъ поразительными по равнообразію валунами краснаго песчаника съ углистыми отпечатками, голубоватыхъ кремнистыхъ известняковъ и кремней съ каменно-угольными кораллами и др. окаменѣлостями, желтыхъ кремнистыхъ сланцевъ, кварцита, рѣже массивныхъ породъ — сіенита и др.

Переступая съ камня на камень, боясь увязнуть, я кое какъ перебравшись черезъ оползень, очутился передъ грандіознѣйшимъ обнаженіемъ, на которомъ, начиная сверху, можно было видѣть:

1) Гравій и громадные валуны — 1 с.

2) Желтые діагонально слоистые пески, иногда лессовидные, съ прослоями темной валунной глины—до 5 саж.

3) Рыхлый, темный, неслоистый валунный суглинокъ, со столбчатою отдѣльностью, съ массою самыхъ разнообразныхъ по составу и величинѣ валуновъ, изъ которыхъ многіе съ ледниковою полировкою и шрамами — 9 саж.

4) Пески діагонально слоистые, желтые — 3 саж.

5) Твердая сланцеватая валунная глина — 6 саж.

Мнѣ, какъ геологу, это обнаженіе говорило очень многое. Оно опять перенесло меня въ недавнее прошлое печорскаго края, когда съ высотъ Уральскаго хребта спускались мощные ледниковые покровы, оставившіе столь грандіозныя морены (слои 3 и 5) изъ принесенныхъ ими съ Урала горныхъ породъ. Эти мощные ледяные покровы временами стаивали и тогда образовывались многоводныя рѣки и озера; затѣмъ все опять сковалось въ ледяномъ покровѣ, пока по стаиваніи послѣдняго, благодаря наступленію періода съ болѣе мягкимъ климатомъ, страна не покрылась озерами, рѣками, непосредственными остатками которыхъ служитъ теперешняя водная система Печорскаго края.

Пройдя 3 — 4 версты низменными берегами мы подошли къ высотамъ Смольнаго материка. Все тотъ же вѣнчающій материкъ лѣсной покровъ, пестрѣющій мѣстами желтыми обнаженіями пес-

ку и окаймленный снизу почти сплошной вертикальной стѣной темныхъ глинъ, перерѣзанный оврагами вверху, а внизу подпираемый безформенными оползнями, которые, все увеличивались вверхъ по теченію, дѣлаютъ берегъ пологимъ.

За то, на противоположномъ лѣвомъ берегу открылся у д. Усть-Лыжи совершенно оголенный отъ растительности, дикій, суровый, мрачный, высокій полуциркъ. На протяженіи пяти верстъ, въ видѣ полукруга тянется это высокое обнаженіе сѣрой глины и песку, разсѣченное узкими и глубокими оврагами и ущельями, уходящими во внутрь материка и здѣсь развѣтвляющимися. Голыя сѣрыя, обрывистыя скалы, съ безпрестанно осыпающимися слоями песку и глины, съ нависшими камнями, оползшими тягучими глинами, съ темными и грязными полосами отъ воды, просачивающейся изъ водоносныхъ горизонтовъ, топкія непроходимыя болота внизу на бичевникѣ, на днѣ овраговъ, даже по склонамъ, благодаря просачивающейся водѣ изъ многочисленныхъ водоносныхъ прослоевъ, и болотистая непроходимая тундра наверху еще больше дѣлаютъ непригляднымъ этотъ пустынный дикій видъ. Шагу нельзя сдѣлать, чтобы не увязнуть въ глинѣ и сотрясеніемъ почвы не вызвать оплывенъ, оползней, обваловъ и паденія глыбъ глины и камней. Въ узкихъ ущельяхъ и оврагахъ мѣстами видны грязныя пятна не растаявшаго и обледенѣлаго снѣга.

Обнаженные склоны построены крайне однообразно, а именно:

1) подъ тундровымъ торфянымъ покровомъ лежатъ діагональнослоистые пески мощностью до 5 саж., подъ ними 2) бурыя глины съ громадными валунами и щебнемъ, то увеличивающіяся въ мощности до 10—12 саж., то уменьшающіяся въ толщинѣ до 4 саж., затѣмъ идутъ опять 3) діагонально слоистые пески съ прослоями песчаной глины, мѣстами скрученные, мѣстами волнисто изогнутые до 12 — 15 саж., и наконецъ внизу развита 4) мощная толща темной глины до 10 саж.

На разстояніи верстъ 2—3 отъ Усть-Лыжи, этотъ негостепріимный циркъ покрывается лѣсомъ и понижается тремя террасами въ долину небольшой рѣчки Лыжи. Деревня Усть-Лыжа пріютилась на болѣе высокой первой террасѣ на мысу, у котораго кончается описанный выше полуциркъ. Жалкія пашни и прекрасные

луга разнообразятъ эту мрачную мѣстность. Выше Усть-Лыжи — берега низменные, луговые и лѣсистые, вдали за ними виднѣются высоты древнихъ склоновъ.

Наступилъ холодный вечеръ и началъ накрапывать дождь.

X.

12 Августа. — Ночь провели очень безпокойно. „Ижма" опять много разъ садилась на мель и безконечно царапала дномъ о песокъ и камни. Толчки, трескъ при наскакиваніи парохода на камни, суматоха команды, шумъ, ругань, суета пароходной прислуги и страшный гамъ, подымаемый пассажирами, — все это не давало сомкнуть глазъ. Два раза я вскакивалъ и выбѣгалъ изъ каюты, думая, что пароходъ проломился и случилась катастрофа, но всегда получалъ утѣшительный отвѣтъ, что немного задѣли о камни; два раза по долгу стояли на мѣстѣ, пока матросы, то бродя въ холодной водѣ, то въ лодкахъ, отыскивали форватеръ, по которому можно было бы идти дальше. Все время шли тихимъ ходомъ, безпрестанно давая задній ходъ и мѣняя направленіе; достаточно сказать, что послѣднія сорокъ верстъ шли 12 часовъ; наконецъ въ 8 часовъ утра достигли конечнаго пункта Усть-Кожевы.

Погода — пасмурная, холодная; туманъ и сырость пронизываютъ насквозь. Съ головною болью и совсѣмъ разбитый отъ безсонной ночи, я вышелъ на берегъ. Предъ мною болотистая луговая терраса, которая ниже по рѣкѣ переходитъ во вторую и первую песчаныя террасы, на которыхъ расположено село Усть-Кожева, окаймленная пашнями и лѣсами. На песчаномъ склонѣ второй террасы стоитъ очень скромная деревянная церковь. Всѣ пассажиры перваго класса ушли въ село открывать вновь построенную школу. Я былъ въ такомъ удрученномъ состояніи, что даже не пошелъ за ними и теперь очень сожалѣю, что ближе не познакомился со школьнымъ дѣломъ въ этомъ краѣ. — Уныло бродилъ я по топкому бичевнику, когда на встрѣчу попалась мнѣ двуколѣс-

ка, съ трудомъ передвигавшаяся по болотистому грунту; за ней шли двѣ женщины, въ крестьянскихъ платьяхъ, съ двумя дѣвочками, говорившими по-зырянски, а за ними поодаль шелъ священникъ лѣтъ 40, смуглый, съ зырянскими чертами лица. Увидя меня, онъ поздоровался, и узнавъ, что я проѣзжій и ѣду въ Архангельскъ, просилъ меня присмотрѣть за его маленькою дочерью 10 лѣтъ, Саней, которая одна отправлялась въ Архангельское духовное училище. Онъ показалъ рукою на приближающихся къ пароходу встрѣченныхъ мною женщинъ и сообщилъ, что большая изъ дѣвочекъ и есть Саня.

Въ Усть-Кожевѣ намъ нечего дѣлать. Въ 1 дня мы отправились въ обратный путь. Изъ новыхъ пассажировъ нѣсколько зырянъ и Саня. Прощаніе Сани съ родителями было молчаливое; дѣвочку благословили и дали поцѣловать руку. Ни проявленія нѣжностей, ни слезъ не было ни съ той ни съ другой стороны. Саня, маленькая худенькая дѣвочка съ зырянскими чертами лица, смотритъ изъ подлобья, но острымъ взглядомъ; дикая, на мой вопросъ совсѣмъ не отвѣчаетъ; однако женѣ удается добиться отъ нея нѣсколько односложныхъ отвѣтовъ. Но на пароходѣ она совершенно самостоятельна, совсѣмъ не чувствуетъ себя потерянной, какъ будто она отправлялась на часовую прогулку. — На пароходѣ тишина — пассажиры, уставшіе за ночь и посѣтившіе село, спятъ.

Мы идемъ въ обратный путь по узкому руслу Печоры, окаймленному луговыми террасами, за которыми виднѣются лѣсистыя высоты материка. У Соколова на лѣвомъ берегу появилась высокая песчаная терраса въ оползняхъ, которая далѣе переходитъ въ очень высокій Лиственничный материкъ, носящій далѣе у „Голаго ручья“ названіе Голорученскаго. Вскорѣ и эти высоты уходятъ вдаль и мы идемъ въ центрѣ Печорской долины, окаймленной съ обѣихъ сторонъ широчайшими сначала луговыми, а потомъ лѣсными пространствами, поднимающимися къ материку. Наконецъ вечеромъ добрались до знакомой уже намъ Усть-Лыжи. Теперь мы попали въ довольно многоводное русло Печоры, идемъ полнымъ ходомъ и спокойно.

Позднимъ вечеромъ остановились брать дрова, сложенные на лугу, у котораго стояла баржа нашего пароходовладѣльца. Было страшно, пронизывающе холодно и сыро. Горѣлъ костеръ и около него грѣлись закутанные въ малицы мужики и бабы. Около нихъ нервно лаяла, бѣгала, ложилась и вновь вскакивала молодая собака съ острой мордой, съ ушами вверхъ и длинною шерстью. Это типичная сѣверная лайка — удивительная сѣверная порода собакъ сангвиническаго темперамента. На бочкѣ сидѣлъ, насупившись, громадный филинъ съ прошибленнымъ крыломъ. Заигрывавшую съ нимъ собаку онъ больно хваталъ клювомъ и та жестоко вопила, но потомъ скоро забывала обиду и опять принималась заигрывать до новаго щипка. Собаку и филина взяли на пароходъ. Здѣсь къ намъ присоединились сестры капитана — старшая лѣтъ 18, миловидная блондинка, спокойная и тихая, съ задумчивыми глазами, и маленькая Маша, — дѣвочка лѣтъ 10, темно-волосая, шустрая, съ острымъ взглядомъ, все время суетившаяся и исполнявшая съ быстротою молніи порученія брата; обѣ уроженки села Мохчи, расположеннаго на Ижмѣ.

XI.

13 Августа. Ночью останавливались въ Усть-Уссѣ и высадили чиновниковъ. Утро пасмурное, хотя есть надежда, что выглянетъ солнце. Маша и Саня на мостикѣ щебечутъ по-зырянски, кормятъ сыча сырымъ мясомъ и играютъ съ собакою. Саня, оказывается, плохо говоритъ и понимаетъ по-русски, за то совершенно свободно изъясняется по-зырянски. Обѣ дѣвочки, играя съ зырянскими дѣтьми, усвоили лучше ихъ языкъ, нежели свой родной. На пароходъ сѣло нѣсколько человѣкъ зырянъ, которые производятъ сильное впечатлѣніе своимъ видомъ и костюмомъ; высокаго роста, худощавые, черноволосые, съ сосредоточеннымъ и мрачнымъ выраженіемъ, одѣты въ мѣховыя куртки шерстью кверху, подпоясаны поясомъ, на которомъ виситъ въ кожанной оправѣ съ мѣдною ручкою большой ножъ; на головѣ мѣховая шапка,

заостренная кверху и со спускающимися концами по плечамъ; на ногахъ высокіе сапоги и лосины; они ни слова не понимали и не говорили по-русски. Совершенный контрастъ съ ними составляли два самоѣда, изуродованные оспою, малаго роста, суетливые, одѣтые въ старыя малицы, грязные. Они везли оленьи шкуры.

Мы ѣдемъ между Проскино и Лебедь, вдоль Денисовскаго материка, выступающаго по правую сторону. Все тѣже лѣса и оползни, сдѣлавшіе изъ материка рядъ курчавыхъ уваловъ. Верстъ на 30-40 тянутся ихъ спокойные и плавные контуры до деревни Денисовки-Божъ, гдѣ материкъ, спустившись къ рѣкѣ тремя террасами, уходитъ въ даль, оставивъ у берега обширное низменное лѣсное пространство, вдоль котораго мы ѣхали до рѣки Мутной, когда вновь къ берегу приблизился лѣсной материкъ подъ названіемъ Мутнаго. Онъ ограничиваетъ справа непроходимую лѣсную чащу долины Большой Мутной рѣки, спускаясь къ ней тремя спокойно выраженными террасами.

Здѣсь мы сдѣлали остановку. Приставу нужно было произвести дознаніе, по случаю какого то преступленія, а я высадился, чтобы ближе осмотрѣть разрѣзы материка. Взобравшись по тропинкѣ наверхъ, я очутился въ лѣсной чащѣ и былъ просто пораженъ большимъ количествомъ громадныхъ грибовъ, подъосиновиковъ и березовиковъ, которые цѣлыми гнѣздами покрывали прогалины между деревьями; многіе изъ нихъ достигали въ діаметрѣ больше четверти аршина. Всмотрѣвшись ближе въ растительность, я залюбовался могучимъ развитіемъ грибовъ, лишаевъ и мховъ, густою корою покрывавшихъ всѣ пни и стволы. Пробираясь по чащѣ лѣса, я прокладывалъ себѣ рѣзкую тропу среди сѣраго грибно-лишайниковаго покрова. Я убѣжденъ, что въ образованіи развитаго здѣсь мощнаго лѣснаго войлока не малое участіе принимаетъ эта растительность.—Какъ ни интересно было слѣдить за уголками лѣсной чащи, открывавшейся передо мною и заглядывать сквозь деревья на необъятное лѣсное пространство печорской долины, среди которой виднѣлись спокойная поверхность рѣчнаго русла и множество озеръ и болотъ, тѣмъ не менѣе я скорѣе спѣшилъ добраться до геологическаго разрѣза, ранѣе мною намѣченнаго. Найдя его,

мнѣ пришлось чуть ли не по вертикальному обрыву спуститься внизъ и увидѣть предъ собою грандіознѣйшее обнаженіе темной моренной глины съ многочисленными валунами, подобное тому, которое, я уже описалъ при Усть-Уссѣ. Спускаясь далѣе внизъ къ рѣкѣ я пошелъ напрямикъ по оползнямъ, сквозь кустарники, ломая кусты, деревья, продираясь черезъ лѣсную чащу и кучи хвороста, проваливаясь въ трясину выше колѣна, падая, подымаясь, хватаясь за деревья, переползая черезъ оплывины по нагроможденнымъ пнямъ, иногда перескакивая съ камня на камень. Весь въ грязи и усталый, я былъ въ величайшемъ восторгѣ, когда совершенно неожиданно для самого себя я выкатился изъ этого хаоса на бичевникъ и увидѣлъ въ нѣсколькихъ саженяхъ нашу „Ижму“.

Опять мы ѣдемъ вдоль Мутнаго материка, удивляясь грязевымъ глинистымъ потокамъ, спускающимся съ громадныхъ полуцирковъ, виднѣющихся наверху материка, который затѣмъ террасовыми увалами понизился въ очень широкую долину рѣки Малой Мутной, съ деревней того же имени, пріютившейся на правой второй песчаной террасѣ, среди полей, отдѣляющихъ ее отъ лѣсного покрова. Въ скоромъ времени, оставивъ этотъ материкъ и пройдя нѣсколько верстъ низменными берегами, мы подошли у Керка-Васъ или въ переводѣ у избы Василья къ пологому склону съ рѣдкими плавными увалами, который служитъ началомъ высокаго материка — „Горная Чарка“, уже описаннаго мною. На Печорѣ, гдѣ еще часто образуются новыя поселенія, существуетъ обычай называть селеніе именемъ перваго крестьянина, поставившаго избу. Такъ объяснилъ мнѣ Ив Ив. названіе Керка-Васъ.

Сегодня намъ начали попадаться навстрѣчу паузки зырянъ, доставлявшихъ съ низовьевъ промыселъ. Плавно скользили они подъ громадными парусами по рябѣющей зыби, напоминая собою какъ бы сказочныхъ птицъ. На ихъ сводообразной палубѣ, скорѣе крышѣ, предоставивъ судно вѣтру, въ полномъ бездѣйствіи, спокойно, неподвижно, въ громадной группѣ, лежали зыряне — мужчины, бабы, дѣти, одѣтые въ малицы, люпты и чабаки. Какъ живая цѣпенѣющая картина на туманномъ фонѣ пэйзажа глубо-

каго сѣвера, плавно проносились они мимо нашего парохода, который на этотъ разъ волновался по поводу преступленія, служившаго предметомъ дознанія, произведеннаго приставомъ. Преступленіе несложное — мужикъ укралъ у своего сосѣда 270 руб. и остался безнаказаннымъ. Воръ разбогатѣлъ, а потерпѣвшій впалъ въ нищету. Жена потерпѣвшаго, выждавъ, когда воръ напился пьянымъ, бросилась на него и раскроила ему топоромъ черепъ. Преступницу арестовали и предали суду; благодаря этому семья совсѣмъ разорилась, потому что лишилась хозяйки. Наши пассажиры, исходя изъ того положенія, что баба своимъ умомъ на такое дѣло не рѣшилась бы, считали нужнымъ арестовать ея мужа, а ее отдать на поруки, чтобы не оставлять дѣтей безъ матери: „потому что мужъ отвѣчаетъ за жену передъ Богомъ и людьми".

Капитанъ, указавши мнѣ на паузки зырянъ, не безъ гордости сообщилъ, что завтра встрѣтимъ ихъ караванъ. Уже наступило время подниматься вверхъ къ Якшѣ, куда они должны прибыть къ срединѣ Сентября, а потомъ капитанъ мечталъ провести зиму на Ижмѣ. Капитанъ съ восторгомъ разсказывалъ мнѣ, какъ весело проводятъ они время въ Ижмѣ. Однако три года тому назадъ ему было не до веселья — думалъ, что помретъ; а все произошло только оттого, что сосѣдъ пошутилъ. Тутъ капитанъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: „На Покрова стали мы караваномъ въ Курьѣ. Встрѣтилъ я тамъ сосѣда, а онъ и говоритъ мнѣ: наказалъ тебѣ батюшка не мѣшкать, скорѣе вернуться въ Ижму. Никогда мнѣ папенька ничего такого не наказывали; знаютъ они сами, что до санняго пути въ Ижму попасть нельзя. Ну думаю себѣ, если ужъ наказалъ, значитъ есть дѣло, надо идти. Сначала верстъ 60 шелъ лодкою — начался ледоходъ, выбился я изъ силъ, того и смотри, затретъ льдомъ, бросилъ лодку и пошелъ лѣсными тропами. Провожатыхъ и за большія деньги трудно было достать, вѣдь иной переходъ — сутокъ по четыре по пяти. Приходилось б. ч. идти одному и ночевать сряду по нѣсколько ночей въ лѣсу, прямо на морозѣ. Огородишься хворостомъ отъ звѣря, окопаешься снѣгомъ, что-

бы теплѣе было, разложишь костеръ, поставишь чайникъ, грѣешься чаемъ и сухарями. Утромъ проснешься весь застывшій, опять погрѣешься чаемъ да и въ путь. За ночь немного поотдохнешь, такъ сначала, чтобы согрѣться бѣжишь, а потомъ къ вечеру еле ноги волочишь. Много разъ блуждалъ я и одинъ и съ провожатымъ; тоже съ тропы сбивались; запорошитъ ее снѣгомъ, какъ тутъ узнаешь: охотничья или звѣриная тропа. Спасали меня только охотничьи избушки. А разъ такъ совсѣмъ чуть не померъ: заплутался я, сухари вышли, долго искалъ я избушку, совсѣмъ отъ холоду и голоду ослабѣлъ, съ тропы сбился; только подъ вечеръ попалъ на тропу, а тамъ и на стогъ сѣна въ лѣсу, обрадовался я, значитъ близко жилье. Уже поздно идти, да и отъ голоду совсѣмъ ослабѣлъ. Хотѣлъ я зарыться въ стогъ, вдругъ ощупалъ сумку, а въ ней корочки отъ шанешекъ — самыя шанешки мыши съѣли; обрадовался я этой находкѣ, помолился за того, кто эту сумку забылъ, и какъ ни противно было мышиные объѣдки доѣдать, а все же съ большимъ аппетитомъ подкрѣпилъ себя ими, пока къ вечеру, на другой день, не дошелъ наконецъ до зырянской деревни. Такъ шелъ я цѣлый мѣсяцъ, ноги опухли, пальцы отморозилъ, кожа съ лица сошла. Пришелъ въ Ижму въ началѣ Ноября и пролежалъ до весны. Едва отошелъ. Да вѣдь вотъ что обидно, еслибы точно нужно было, а такъ зря сосѣдъ совралъ. Папенька только уже очень меня жалѣли. Ну а теперь я совсѣмъ поправился".

XII.

14 Августа. — За туманомъ и темнотою останавливались на ночевку у Наше-Божскаго. Утромъ погода пасмурная, по временамъ погружаемся въ туманъ, пронизывающій насъ насквозь сыростью; временами сквозь облака старается выглянуть солнце. Пароходъ принялъ еще болѣе грязный видъ: на палубѣ развѣшаны части туши коровы, убитой сегодня утромъ въ Щельѣ Юрскомъ; прибавилось нѣсколько бочекъ съ рыбою и тюки шкуръ и мѣха.

На лѣвомъ берегу Щельюрскій материкъ съ отлогими балками и логами, съ округленными склонами и гребнями, покрытый ровнымъ могучимъ строевымъ лѣсомъ, выглядитъ бархатнымъ покровомъ съ гигантскими мягкими складками.

На правомъ берегу за песчаною унылою мелью, начинается пойма, вся покрытая плотно стоящими другъ около друга деревцами лиственницы и ивняка, буквально образующими непроницаемую для свѣта чащу; далѣе мѣстность террасами подымается къ высокому материку, въ который снизу вклиниваются длинные и глубокіе овраги, заросшіе непроходимымъ вѣковымъ хвойнымъ лѣсомъ, отдѣленные другъ отъ друга длинными гривами, или совершенно обнаженными отъ растительности и покрытыми желтыми песками и бурыми оплывшими сверху глинами, или усѣянные корявымъ полузасохшимъ кустарникомъ, прерываемымъ зелеными островками мать-мачихи, съ торчащими усохшими стволами лиственницы. Этотъ корявый материкъ выходитъ къ рѣкѣ противъ устья Ижмы, въ видѣ бураго песчанаго обрыва, называемаго „Поганымъ носомъ“.

Остановившись у скрытаго въ лугахъ устья Ижмы, мы забрали ждавшихъ насъ нѣсколькихъ пассажировъ и почту съ Ижмы. Вдали стояла крытая почтовая лодка, на мачтѣ которой развивался трехцвѣтный флагъ. На лодкѣ имѣется два отдѣленія—одно на кормѣ для болѣе чистой публики и другое посрединѣ для остальныхъ пассажировъ и для клади. Четыре гребца, они же и тянутъ лодку бичевою противъ теченія, и одинъ рулевой — всѣ въ малицахъ — вотъ и весь подвижной и служебный составъ при этомъ первобытномъ способѣ передвиженія.

Погода разгулялась. Вѣтра нѣтъ. Кругомъ мертвящая пустыня и тишина. Громадный утиный выводокъ, шарахнувшись, при приближеніи парохода, напомнилъ, что и здѣсь возможна жизнь.

По правую сторону, у Микшина и Мозалина, протянулся ровный лѣсной материкъ, а на лѣвомъ низменномъ берегу между кустарниками, перелѣсками и лужайками затерялась избушка съ забитыми окнами, служащая зимою земскою почтовою станціей т. н. Сосновецъ.

У Горева и Полушина высокій лѣсной материкъ перешелъ въ округленные холмы, отороченные снизу обнаженіями желтаго песку, которые далѣе, отойдя отъ русла, смѣнились громадными долинами и логами, широкими устьями впадающими въ печорскую долину. У Карпашева начались оползни, то въ видѣ террасовыхъ уступовъ, то безформенныхъ хаотическихъ нагроможденій песку, глины, торфа, лѣса, и скоро смѣнились однообразною невысокою песчаною террасою, которая, перерѣзываясь небольшими оврагами и прерываясь широкою террасовою долиною Коровьяго ручья, нѣсколько возвышается у Капахиной и круто обрывается у Усть-Цыльмы.

Въ Усть-Цыльмѣ назначена двухчасовая стоянка. Въ городъ я не пошелъ, попросивъ городового доставить мнѣ ожидаемую мною телеграмму. По топкому глинистому бичевнику, выбирая менѣе зыбкія мѣста, мы кое-какъ добрались до намѣченнаго нами разрѣза въ верстахъ 2—3 выше Усть-Цыльмы, оказавшагося состоящимъ изъ песковъ мощностью до 3 саж. съ громадными валунами, подстилаемыхъ темными слоистыми валунными глинами (до 4 саж.). Едва успѣлъ я удовлетворить своему любопытству, какъ послышался свистокъ Ижмы, а затѣмъ толпы народа повалили изъ города къ нашему пароходу.

Пароходная пристань, бичевникъ, все было полно людьми. Толпа крестьянъ разбилась на нѣсколько группъ, въ центрѣ каждой изъ нихъ можно было замѣтить отъѣзжавшаго мужика, на шеѣ котораго буквально висѣла баба и, обливаясь слезами, голосила и причитывала самыя трогательныя слова въ родѣ: „кто меня сиротину въ сырую землю зароетъ и т. д.“ другія бабы ей помогали и вторили. Окружающіе мужики держали въ рукахъ бутылки съ водкою и стаканчики; по временамъ они стаскивали съ шеи бабу и подносили отъѣзжавшему угощеніе. Этотъ послѣдній, едва держась на ногахъ, въ полусознательномъ состояніи, сосредоточенно кланялся имъ въ поясъ или даже въ землю, смотря по тому, кто подносилъ, долго крестился и потомъ залпомъ выпивалъ рюмку; послѣ чего опять повисала на шеѣ баба и опять начинала вопить. Уже многіе мужики, совсѣмъ пьяные, лежали на бичевникѣ, дру-

гіе бродили по поясъ въ леденящей водѣ Печоры; иногда они спотыкались, падали; менѣе пьяные товарищи имъ помогали подняться. Эта безобразная сцена продолжалась до третьяго свистка, когда приказано было отъѣзжающимъ садиться на пароходъ. Невообразимый вопль и вой поднялись при отходѣ парохода. Такъ Усть-Цылемы провожали партію запасныхъ солдатъ и ратниковъ, въ первый разъ отправлявшихся въ Архангельскъ на учебные сборы, или какъ говорили крестьяне „на повтореніе“, которое должно было продлиться около мѣсяца. Для этихъ сборовъ Усть-Цылемамъ приходилось или пѣшкомъ идти по непроходимой дорогѣ почти 1000 вер., или проѣхать водою 2000 вер,; имъ предстоитъ вернуться только въ Октябрѣ пѣшкомъ или на лошадяхъ во время самого бездорожья. Однако я не слышалъ даже признака неудовольствія. Вообще сознаніе долга у нашихъ сѣверянъ развито очень высоко. Исправникъ очень безпокоился за судьбу этой партіи. По Печорѣ, пользуясь своею властью, онъ могъ провезти на пароходѣ эту партію; иначе стояло дѣло съ морскимъ путемъ; здѣсь онъ не имѣлъ никакой силы. Поэтому онъ самъ ѣхалъ въ Кую устроить проѣздъ на морскомъ пароходѣ тѣмъ именно, которые не имѣли на то средствъ.

Теперь нашъ пароходъ совсѣмъ переполненъ и пассажирами и кладью. Партія запасныхъ солдатъ вся пьяная. У нихъ отбираютъ водку, буйныхъ уводятъ въ арестантскую. Опасаются, чтобы пьяные не попадали въ воду или въ машину. Конечно было бы проще не брать ихъ на пароходъ, но здѣсь приходится считаться съ мѣстными условіями. Это самая непріятная страница нашего путешествія.

На мостикѣ собрались избранные пассажиры — исправникъ съ супругою и тремя дочерьми, изъ которыхъ двѣ возвращались въ Архангельскъ съ каникулъ, акцизный чиновникъ, священникъ, сельская учительница, тоже возвращавшаяся съ Печоры, гдѣ она гостила лѣтомъ; знакомые намъ, довѣренные лѣсопромышленной фирмы, которые дружно пообѣдали со шведами въ Усть-Цыльмѣ; нѣсколько купцовъ промышленниковъ и старушка съ внукомъ, искавшая дѣла на Печорѣ. По дорогѣ къ намъ продолжаютъ подво-

зить ратниковъ, конечно пьяныхъ и съ пьяными провожатыми. Просто жутко становилось, глядя, какъ на этой могучей рѣкѣ подходила къ намъ жалкая утлая лодка, до бортовъ погруженная въ воду, наполненная пьянымъ народомъ. Казалось каждую секунду могла она перевернуться и опрокинуть въ глубину всѣхъ пассажировъ. Какъ удавалось имъ принимать чалку, высаживать по крутой лѣсенкѣ надъ пароходнымъ колесомъ своихъ пьяныхъ товарищей и затѣмъ быстро отчаливать — для меня осталось непостижимымъ. И здѣсь, при прощаніи, жены голосили, повисали на шеѣ мужей, такъ что силою приходилось разлучать прощающихся супруговъ. Столь своеобразное проявленіе общественной жизни въ этой пустынѣ къ вечеру прекратилось и смѣнилось другимъ поистинѣ красивымъ зрѣлищемъ. — На фонѣ необозримой лѣсной чащи, среди луговъ, по спокойной поверхности мощной струи Печоры величественно выплывала стройная вереница судовъ, съ чернымъ дымящимся пароходомъ впереди, медленно тянувшимъ за собою четыре каюка, пять паузковъ и множество лодочекъ, расположенныхъ другъ за другомъ, соотвѣтственно ихъ величинѣ. Этотъ караванъ принадлежалъ Черныхъ. Чердынцы заканчивали навигацію и съ промысломъ подымались кверху, забирая по дорогѣ приготовленный для нихъ товаръ; такимъ образомъ проявлялись признаки приближающейся осени. Эта вереница судовъ поразительно напомнила мнѣ птицъ, улетающихъ съ сѣвера. Уже скоро печорская природа, проводивши гостей, останется одна на продолжительную темную зиму, закованная холодомъ, морозомъ и льдомъ.

За первымъ караваномъ показался второй, такой же величины и характера, принадлежащій купцу Суслову.

Мы привѣтствовали другъ друга пароходными свистками, поднятіемъ флаговъ и дружескими привѣтствіями издали. Наконецъ уже поздно вечеромъ показалась и третья вереница судовъ — караванъ нашего пароходчика Норицына. Мы такъ свыклись съ нашимъ пароходомъ, что встрѣтили этотъ караванъ, какъ нѣчто намъ близкое. Караванный пароходъ отдалъ якорь; мы къ нему пристали и тоже отдали якорь. Начались взаимныя посѣщенія и обмѣнъ впечатлѣній, которыя продолжались около часу.

Семья исправника оказалась музыкальной. Они составили стройный хоръ, къ которому присоединилось и нѣсколько другихъ пассажировъ. Безлюдный печорскій плессъ нѣсколько ожилъ, но къ полуночи усталость за день взяла свое и пассажиры заснули крѣпкимъ здоровымъ сномъ подъ монотонный стукъ машины и колесъ.

За ночь мы успѣли пройти Мѣщанскій материкъ, Окуневый мысъ, Шургинскую, Росвицкую, Харинскую, Климовку, Гаврилово, Ховрино, Абрамово, Маричи, Удавиху и Щучью, какъ разъ ту тѣстность, которую мы и въ прошлый разъ проѣхали ночью. Идемъ такъ быстро, благодаря теченію Печоры.

XIII.

15 Августа. Утромъ идемъ между Ледчукъ и Тошвинскимъ, въ мѣстности Коровій Хвостъ. Берега низменные, окаймленные сыпучими песками, которые смѣнились дюнами, а потомъ песчаною высокою террасою; далѣе, противъ Тошвинскаго идетъ лѣсистый материкъ. Погода ясная, бодрящій утренній холодъ. Мы идемъ по многоводному руслу полнымъ ходомъ. Вдругъ на встрѣчу намъ молочное облако, которое насъ окружило такъ, что въ двухъ шагахъ ничего не видно. Приказано отдать якорь. Мы стоимъ и ждемъ пока минуетъ насъ молочный туманъ. Черезъ часъ насъ оставила туманная полоса, такъ что могли тронуться въ путь.

На мостикѣ—вся чистая публика. На палубѣ какъ сонныя мухи бродятъ ратники. На трапѣ идетъ разговоръ о страшномъ пьянствѣ между Усть-Цылемами, о распущенности нравовъ, о дикихъ погребальныхъ и вѣнчальныхъ обычаяхъ, о проступкахъ кабатчиковъ по продажѣ вина, о способахъ привоза и сбыта самоѣдамъ водки промышленниками и о спаиваніи ихъ, въ чемъ отчасти упрекали даже одного священника, человѣка очень ловкаго, повидимому прошедшаго огонь и воду, который изъ раскольничьяго начетчика сдѣлался сначала единовѣрческимъ священникомъ, а потомъ и истинно-православнымъ; говорили объ ужасахъ сибирской

лзвѣ, свирѣпствовавшей въ тундрѣ; промышленники совѣщались о цѣнахъ на рыбу и пушнину. Капитанъ показывалъ намъ двѣ песцовыя шкурки, которыя онъ предлагалъ купить у него за 15 руб. пару, но жена нашла, что онѣ не подходятъ другъ къ другу по цвѣту и не купила ихъ. Петръ Андреевичъ (приказчикъ лѣсной фирмы), довольный своею поѣздкой на Печору, находилъ, что сплавъ лѣса по ней также удобенъ, какъ и по Двинѣ. Онъ намѣтилъ уже мѣсто, гдѣ можно собирать плоты, (сплочивать лѣсъ), а теперь занятъ отысканіемъ въ низовьяхъ Печоры удобнаго затона, куда можно было бы поставить плоты, въ ожиданіи морского парохода. О качествѣ лѣса онъ не могъ получить надлежащихъ свѣдѣній отъ мѣстнаго лѣсничаго и надѣялся получить ихъ отъ знатока Печорскаго края, тоже лѣсничаго, живущаго на Вычегдѣ (кажется по фамиліи Скаковскій). Петръ Андр., занимающійся теперь сыровареніемъ, всматривался въ дѣвственные печорскіе луга и думаетъ, что скотоводство и молочное хозяйство здѣсь могутъ процвѣтать не хуже, чѣмъ въ Холмогорскомъ и Архангельскомъ уѣздахъ. Указывая на роскошные луга, состоящіе почти исключительно изъ сочныхъ злаковъ, не смотря на осеннюю пору никѣмъ не тронутые, на кустики, которые могутъ предохранить скотъ отъ ночнаго холода, и на полянки, окруженныя кустами, на которыхъ, по его мнѣнію, отлично можно ставить стога сѣна на зиму, онъ патетически восклицалъ: „не разумѣютъ скудоумные, благодати Божіей, ею же одарены". Разговоръ начинаетъ сосредоточиваться на предстоящей остановкѣ у Великовисочнаго, гдѣ проживаетъ богатый и гостепріимный промышленникъ, къ которому собираются всѣ наши классные пассажиры.

Завернувши въ небольшой шаръ, мы отдали якорь у низменнаго праваго берега, въ верстѣ отъ села. — На берегу стоялъ чумъ, покрытый берестою, и вверху дымился; около него стояла крытая лодка, съ мачтою и сложеннымъ парусомъ, съ рыболовными принадлежностями и садками на крышѣ. При приближеніи къ чуму насъ встрѣтили дружнымъ лаемъ нѣсколько собакъ, изъ чума выбѣжали смуглыя дѣти, за ними вышли ижемцы, одинъ лѣтъ 40, другой старый подъ шестьдесятъ лѣтъ, а потомъ старуха и

женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Мы съ любопытствомъ осматривали другъ друга. Я заглянулъ въ чумъ: на полу вокругъ чума лежали оленьи мѣха и мѣховыя подушки; противъ входа на полкахъ иконы въ позолоченныхъ ризахъ образовали большой иконостасъ; на полу по серединѣ теплился костеръ, а надъ нимъ въ замѣчательномъ порядкѣ, на цѣпочкахъ, висѣли около пяти мѣдныхъ блестящихъ сверху и черныхъ снизу котловъ и котелковъ съ кипяткомъ, чаемъ, олениной, кашей и прочими кушаньями. Все производило впечатлѣніе чистоты и достатка. Однако очень мрачныя лица обитателей скорѣе говорили о какомъ то несчастіи, постигшемъ эту семью. И дѣйствительно, изъ разспросовъ нашихъ промышленниковъ, хорошо владѣющихъ зырянскимъ языкомъ, оказалось, что это сравнительно весьма зажиточная зырянская семья. Въ тундрѣ отъ сибирской язвы у нихъ пали всѣ до одного олени и при томъ сразу; стадо болѣе тысячи головъ въ одно утро оказалось все погибшимъ. Потерявъ все свое имущество, они едва сами выбрались изъ тундры, только благодаря тому, что были случайно въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ рѣки. Они такъ были подавлены своемъ горемъ, что уже не плакали, а только старались передать болѣе подробно весь ходъ несчастія. Эта семья, съ такою покорностью судьбѣ переносившая свое раззореніе, произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Я не пошелъ въ село, къ гостепріимному промышленнику, а остался на берегу, чтобы сфотографировать этотъ оригинальный чумъ и его несчастныхъ обитателей.

XIV.

16—20 Августа. Сегодня ночью 16 Авг. вернулись въ Кую. Утро ясное, настолько теплое, что въ лѣтнихъ пальто можемъ гулять въ полдень на солнцѣ. Все утро на пароходѣ производилась чистка. Ко всѣмъ иконамъ, какія имѣлись на пароходѣ, поставлены восковыя свѣчи или зажжены лампадки Въ рубкѣ столъ покрытъ бѣлою скатертью и на немъ поставлена большая

миска съ солью, въ которую вставлено нѣсколько большихъ и малыхъ восковыхъ свѣчей. Послѣ обѣдни, съ торжественнымъ колокольнымъ звономъ, изъ церкви въ Куѣ двинулся къ намъ, на пароходъ, крестный ходъ, съ крестомъ впереди, хоругвями и иконами, съ двумя священниками — однимъ мѣстнымъ и другимъ пріѣхавшимъ съ нами. Крестный ходъ сопровождали въ праздничномъ нарядѣ вся пароходная команда и большинство пассажировъ „Ижмы“; они же составляли и хоръ; между ними выдѣлялись теноровые голоса Михаила Степановича и Ивана Ивановича и басъ Петра Андреевича. Въ рубкѣ перваго класса было назначено молебствіе. Священнику былъ поданъ 'листъ бумаги, на которомъ рукою Мих. Ст, были написаны имена всѣхъ пассажировъ для молитвы о ихъ здравіи. Намъ предложили купить свѣчи, которыя и были поставлены частью въ обширную миску съ солью, частью, за неимѣніемъ тамъ мѣста, въ отдѣльные стаканы, тоже наполненные солью. Рубка отъ поставленныхъ иконъ превратилась въ иконостасъ; отдѣльно отъ другихъ стояла икона мученика Феодосія Черниговскаго, которую предстояло освятить. Началось молебствіе Богородицѣ, престольный образъ которой былъ въ мѣстной церкви, Николаю Чудотворцу, покровителю моряковъ и Феодосію Черниговскому, мощи котораго недавно были открыты и икона его была прислана въ церковь. Молебствіе съ водосвятіемъ, освященіемъ иконы и окропленіемъ святой водою помѣщеній парохода продолжалось полтора часа. Всѣхъ объединяла глубокая и искренняя вѣра, которая дается только людямъ, близко стоящимъ къ природѣ сѣвера, вѣра соединенная съ чувствомъ благоговѣнія и умиленія предъ тѣмъ, что здѣсь совершалось съ точнымъ соблюденіемъ каноническихъ правилъ.

Всѣ молящіеся составили одинъ общій хоръ, а Петръ Андр. Ив. Иван. и Мих. Степ. съ чувствомъ и достоинствомъ читали апостоловъ и были центромъ хора, за которымъ слѣдовали всѣ остальные. Общее молитвенное и даже торжественное, при всей убогости въ обстановкѣ, настроеніе охватывало и объединяло всѣхъ въ одно цѣлое, не смотря на все различіе въ составѣ молящихся. Полтора часа, проведенные за молебствіемъ, прошли незамѣчен-

ные, оставивъ самое глубокое и цѣльное впечатлѣніе искренняго и задушевнаго единенія въ общей молитвѣ. Въ особо тихомъ и какъ бы умировторенномъ настроеніи сѣли эти простые и чистые сердцемъ люди за общую трапезу, классные пассажиры въ рубкѣ, а остальные на палубѣ. Такъ пароходство Норицыныхъ закончило 5-й рейсъ по Печорѣ.

Пребываніе въ Куѣ въ ожиданіи морского парохода не обѣщало ничего интереснаго. Куя съ ея размытымъ кладбищемъ не представлялась занимательной. Я пробовалъ рыться въ торфяномъ мерзломъ фундаментѣ Куи въ надеждѣ найти остатки доисторическаго человѣка въ видѣ скелетовъ или характерныхъ орудій, но кромѣ оленьихъ костей, роговъ, я ничего не нашелъ. Въ окрестностяхъ, болота съ холодною водою и жалкою травою, тоже не могли служить предметомъ развлеченія, тѣмъ не менѣе, мы каждый день гуляли и всякій разъ давали слово уже на слѣдующій день не повторять прогулокъ. Выходя въ полдень въ лѣтнемъ пальто, мы даже грѣлись на солнцѣ, но уже къ 3—4 часамъ, продрогши отъ холода и съ мокрыми ногами, возвращались въ каюту.

17 Августа утромъ мы ѣздили, по просьбѣ Петр. Андр., осматривать затонъ, куда можно было бы сплавлять сверху лѣсъ, предназначаемый для нагрузки на морскіе пароходы.

Въ Кую начинаютъ съѣзжаться промышленники, привезшіе въ лодкахъ бочки съ омулями и семгой. Изъ нихъ выдѣляются братья Сумароковы изъ Оксина, Поповъ изъ Пустозерска и Лудниковъ изъ Оксина. Всѣ они ведутъ дѣла съ Колгуевымъ. Скоро пріѣхалъ знакомый уже намъ Павловъ изъ Пустозерска, который намѣревается ѣхать съ нами на Вайгачъ, къ своимъ оленьимъ стадамъ и нѣкоторые другіе промышленники и представители пароходствъ Черныхъ и Суслова. Всѣ разговоры сводились къ замѣчательному, доселѣ неслыханному улову на Печорѣ семги и о цѣнахъ на нее въ Архангельскѣ.

Братья Сумароковы, не смотря на свои 60 лѣтъ, очень моложавые брюнеты, съ прекрасно сохранившимися зубами и волосами, сильные, бодрые, дышать здоровьемъ, держать себя очень сте-

ценно, особенно Оксинскій старшина. Они одѣты въ новыя шведскія куртки, подбитыя мѣхомъ, въ высокихъ сапогахъ и въ оригинальныхъ изъ чернаго пыжика долгушахъ на головѣ. Оба выглядятъ красивыми и представительными въ своемъ спокойномъ сознаніи собственнаго достоинства, вліянія, силы и ума. На Колгуевѣ они занимаются оленеводствомъ, а въ низовьяхъ Печоры рыболовствомъ.

Крестьяне Пустозерской и Оксинской волости пользуются правомъ рыбной ловли въ низовьяхъ Печоры и въ Болванской губѣ. Низовья Печоры раздѣлены на поплавы, въ каждомъ поплавѣ считается пять паевъ, одинъ поплавъ приходится на 28 душъ. Въ Болванской губѣ существуютъ тони; въ тонѣ или шестакѣ заключается 12 паевъ и каждый пай приходится на 12 душъ. Въ морѣ существуютъ тоже тони; морская тоня содержитъ 12 паевъ и каждый пай приходится на 20 душъ. Сумароковы арендуютъ паи и изъ нихъ составляютъ поплавы, шестаки, тони. За пай въ среднемъ платятъ аренды по 40 руб. въ лѣто; на каждый пай полагается по работнику, которому платится 35 руб. въ лѣто; если къ этому прибавить нарядъ (сѣти, лодки и пр.), харчи и одежду, то на каждый пай они расходуютъ около 120 руб. въ лѣто.

Въ 4 часа вечера пароходъ для развлеченія пассажировъ отправился къ Вьюшину, въ 60 верстахъ отъ Куи, навстрѣчу морскому пароходу, приходъ котораго ожидался 17—18 числа. Наша „Ижма“ жалко барахталась на многоводномъ пространствѣ Печорской дельты; Иванъ Ивановичъ, указавъ въ сторону Болванскаго носа, сообщилъ мнѣ, что въ 10 верстахъ выше этой мѣстности, находится Становая лахта, которая служила становищемъ для Сидорова, когда онъ въ 60 годахъ сплавлялъ лиственницу въ Англію; здѣсь стоялъ и первый винтовой пароходъ, привезенный въ 1864 году на Печору тѣмъ же Сидоровымъ.

Въ 15 верстахъ ниже Куи, у острова Алексѣевскаго, на правой сторонѣ сталъ выдѣляться довольно высокій задернованный берегъ, перерѣзанный оврагами съ песчаными обнаженіями. За нимъ слѣдовали увалы, которые увеличиваясь въ числѣ, возвышаясь и прижимаясь другъ къ другу, образуютъ ближе къ Бол-

ванскому носу холмистую гряду, въ родѣ кряжа, разбитаго на отдѣльные закругленные холмы, обрывающіеся у моря Болванскимъ носомъ. Это — окраина Больше-Земельской тундры.

Уже темнѣло. Я остался одинъ на носу парохода и всматривался въ эти унылые контуры береговъ. Ко мнѣ подошелъ, раньше не замѣченный мною, одѣтый въ бѣдную малицу, самоѣдъ и взявъ меня за рукавъ сталъ съ большимъ волненіемъ и жаромъ что то разсказывать, доказывать и просить. Мнѣ трудно было что либо понять, ибо здѣсь скорѣе были жесты, возгласы, чѣмъ слова. Запасъ русскихъ словъ былъ у него очень не великъ. Онъ показывалъ на Больше-Земельскую тундру, потомъ лѣвѣе на сѣверъ, говорилъ о Новой Землѣ и Вайгачѣ. Видимо, онъ сравнивалъ эти мѣстности и особенно останавливался на послѣднемъ изъ двухъ острововъ. Разсказывалъ объ оленяхъ на Вайгачѣ и о падежѣ оленей на Новой Землѣ. Въ этомъ мѣстѣ своего разсказа онъ не могъ сдержать своего волненія: со слезами въ голосѣ, негодуя и жалуясь на кого то, торопливо и страшно жестикулируя, объяснялъ онъ мнѣ что то объ оленяхъ, подаренныхъ царемъ, о томъ, какъ они изнемогали отъ холода и голода, какъ ихъ полуживыхъ загнали собаки въ бухту, какъ они погибли и какъ ихъ не стало на Новой Землѣ. Онъ видимо винилъ во всемъ самоѣдовъ, не досмотрѣвшихъ за оленями. Послѣ очень долгаго, крайне нервнаго, а мѣстами и патетическаго разсказа, онъ обратился ко мнѣ съ какой то просьбой относительно оленей, которую кажется, нужно было передать губернатору.

Было уже поздно. Я не могъ достать переводчика, чтобы уяснить себѣ полный чувства лепетъ самоѣда. На другой день я потерялъ его изъ вида. Мнѣ, однако, говорили, что это вѣроятно одинъ изъ новоземельскихъ колонистовъ, прежде очень богатый владѣлецъ оленьихъ стадъ въ Больше-Земельской тундрѣ, затѣмъ раззорившійся вслѣдствіе падежа оленей, съ горя совсѣмъ спившійся, дошедшій до полной нищеты, лишившійся семьи и теперь одинокій скиталецъ по дорогой ему тундрѣ, гдѣ ему даютъ пріютъ болѣе счастливые родичи.

Въ 10 ч. подошли къ Вьюшину. Промышленникъ Павловъ говоритъ, что здѣсь настоящая тундра. Пароходъ остановился въ затонѣ у низменнаго берега, подойти къ которому нельзя было за мелководьемъ. На берегу, завидя насъ, зажгли костры. Наша лодка пристала къ топкому берегу; по болоту и кочкамъ мы переправились на болѣе сухое мѣсто. Кругомъ мохъ, трава и кусты. На лужайкѣ при свѣтѣ костра видимъ груды только что пойманной семги — громадныя рыбы съ раскрытыми ртами, удивленно глядятъ на насъ своими остановившимися глазами, красиво отражая свѣтъ костра на своей серебристой чешуѣ. За ними стоятъ бочки, а дальше лабиринтъ сѣтей и разныя рыболовныя принадлежности. Изъ низкихъ землянокъ выглядываетъ мрачное населеніе тони — мужики и бабы въ грязныхъ закоптѣлыхъ малицахъ. Импровизированными факелами изъ лучинъ освѣщаютъ они свою добычу, которую начинаютъ торговать пассажиры „Ижмы". Я пробрался въ землянку, произведшую на меня впечатлѣніе берлоги, гдѣ на кучѣ мху и тряпья, наваленныхъ по сторонамъ, копошились живыя существа; а затѣмъ сквозь кусты по кочкамъ я прошелъ къ открытой губѣ и собралъ на берегу, спускающемся небольшими террасками къ водѣ, нѣсколько валуновъ, въ обиліи покрывавшихъ берегъ и дно губы. Когда я вернулся, торгъ уже былъ конченъ: по баснословно дешевой цѣнѣ уступили рыбаки свой уловъ — а именно по 5 руб. за пудъ, чтобы только имѣть наличныя деньги. Всего купили больше 60 пудовъ семги; груды рыбы теперь перенесены на пароходъ и заполнили всю палубу. Бабушкинъ внучекъ съ горящими глазами распоряжался по нагрузкѣ и выгрузкѣ рыбъ, браковалъ экземпляры менѣе 10 ф. вѣсу и бережно складывалъ свою добычу на палубѣ. Завидя меня, онъ радостно воскликнулъ: „совсѣмъ уже думалъ, что деньги назадъ везти придется, а теперь, какъ удавленнику везетъ: купилъ 30 пудовъ семги и 15 пудовъ морожки. На рубль заработаю рубль".

Братья Сумароковы съ укоризною качали головами и никакого участія въ торговлѣ не принимали. На мой вопросъ, почему они не принимаютъ участія въ куплѣ, съ негодованіемъ отвѣтили: „вѣдь дѣло то воровское, тоня промышленника Дитятина, ра-

ботники задаромъ продали хозяйскую рыбу, деньги до хозяина и не дойдутъ".

Не встрѣтивъ морского парохода, утромъ 18 Авг. вернулись въ Кую; здѣсь тоже рыбаки привезли семгу и отдали по той же цѣнѣ 5 руб. за пудъ. Навезли и много морошки, которую уступали по 75 коп. за пудъ. На пароходѣ и на берегу кипитъ жизнь—доставлены новыя бочки и боченки и въ нихъ укладываютъ семгу и морошку. Особенно хороши Сумароковы — къ нимъ пришла цѣлая флотилія лодокъ, нагруженныхъ семгою и омулями. Заготовкой семги на питерскую руку занимаются сами хозяева. Сынъ Сумарокова, богатырь лѣтъ 19, съ едва пробивающимися усами и бородою, въ сѣромъ новомъ совикѣ, подпоясанный мѣднымъ металлическимъ поясомъ, съ ножомъ въ кожанныхъ ножнахъ и на мѣдной цѣпочкѣ, какъ перышко подымаетъ выпотрошенную полупудовую и пудовую семгу, ловко и въ одинъ мигъ крѣпко вытираетъ ее солью, засовываетъ ее горстями въ распоротый въ двухъ мѣстахъ, спереди и сзади, животъ, и не смотря на свои гигантскія руки съ замѣчательною нѣжностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и быстротою, пересыпаетъ солью жабры и съ поразительною аккуратностью укладываетъ семгу въ бочку плотно одна къ другой, такъ что рыба образуетъ сплошный слой, потомъ засыпаетъ солью, кладетъ досчатое днище, своимъ грузнымъ корпусомъ придавливаетъ два раза, снимаетъ днище и любуется замѣчательно однороднымъ и ровнымъ пластомъ семги, на который такимъ образомъ накладывается другой и т. д. — Въ одинъ день онъ уложилъ десять бочекъ семги. Подражая ему, укладывалъ свою семгу Петръ Андреевичъ и бабушкинъ внучекъ, но у нихъ все выходило далеко не такъ ловко и не такъ аккуратно.

19 Августа — день томительнаго ожиданія морскаго парохода, который по нашему разсчету уже просрочилъ два дня. Въ 7 часовъ вечера прибѣжалъ изъ Куи крестьянинъ и сообщилъ, что въ верстахъ сорока виденъ пароходной дымъ. Всѣ пассажиры выбѣжали на мостикъ, нѣкоторые взобрались на крышу и даже на трубу; смотрѣли въ сторону, гдѣ мужикъ указывалъ дымъ, но никто даже въ бинокль ничего не могъ разглядѣть. Крестьянинъ

стоялъ на своемъ и дѣйствительно, черезъ часъ, мы явственно различили, на далекомъ горизонтѣ за островами, дымъ, трубу и 2 мачты.

Въ 9 ч. вечера, пришелъ пароходъ „Сергѣй Витте“ и отдалъ якорь въ верстѣ отъ насъ. Мы сейчасъ же подошли къ нему; начался обмѣнъ впечатлѣній. „Сергѣй Витте“ дѣлалъ свой первый рейсъ. Все поражало чистотою и блескомъ новизны, особенно послѣ возмутительно грязной „Ижмы“ и стараго „Кази“. Мы были въ восторженномъ состояніи отъ прелестнаго парохода, обставленнаго съ возможнымъ комфортомъ, и отъ того, что наконецъ попали въ уголокъ Европы. Сразу опредѣлились двѣ страны: дикая, чуждая намъ Печора — на „Ижмѣ“, — и какъ бы у себя дома на „Сергіѣ Витте“: электрическое освѣщеніе, диваны, кресла, прекрасныя койки съ чистымъ бѣльемъ, умывальники, столы, чистота въ каютахъ и на палубѣ — да неужели намъ предстоитъ всѣмъ этимъ воспользоваться! Намъ вспомнился другой счастливый моментъ въ жизни, когда послѣ двухмѣсячнаго путешествія на лодкѣ по Сѣв. Двинѣ мы сѣли на жалкій рѣчной пароходъ и заняли узкую каюту, которая намъ показалась верхомъ комфорта.

Здѣсь же мнѣ удалось познакомиться съ капитаномъ Поповымъ, которымъ гордится весь нашъ сѣверный частный флотъ и опытность котораго извѣстна всему нашему сѣверу. Идетъ обсужденіе животрепещущихъ интересовъ сѣвера: о Нансенѣ и Джексонѣ, о Колѣ и Екатерининской гавани (при чемъ Поповъ стоялъ за эту послѣднюю), объ опасности плаванія по Ледовитому океану и въ частности о пути на Печору, о постройкѣ нашего парохода и приводѣ его изъ Англіи, о его удобствахъ, о замѣчательно устроенномъ паровомъ рулѣ, управлять которымъ не требуется никакихъ усилій; наконецъ говорили о практическомъ воспитаніи нашихъ сѣверныхъ моряковъ, которые вполнѣ входятъ въ интернаціональную семью представителей морской профессіи. Поповъ оказался замѣчательно бывалымъ морякомъ, знающимъ условія плаванія по всѣмъ главнымъ пароходнымъ артеріямъ міра и посѣтившимъ всѣ главные порты свѣта. Его простые по формѣ

разсказы, по своей увлекательности и интересу, перенесли насъ въ область англійскихъ разсказовъ изъ морскаго быта, которые мы раньше считали столь чуждыми условіямъ русской жизни; теперь мы видѣли предъ собою заколеннаго моряка, который, если бы не носилъ фамиліи Попова, смѣло могъ бы фигурировать въ качествѣ героя любого изъ увлекательныхъ англійскихъ разсказовъ изъ морскаго быта. Поразительно, какъ условія жизни и профессіи нивелируютъ людей.

Къ нашему удовольствію мы узнали, что завтра утромъ мы отправляемся въ путь, такъ какъ дѣлъ съ Печорою почти нѣтъ.

Утромъ 20 Августа большое оживленіе на обоихъ пароходахъ, благодаря выгрузкѣ и нагрузкѣ товаровъ. Пассажиры перемѣнились мѣстами: на „Ижму“ сѣли усть-цылемскій казначей, ѣздившій развлечься въ Архангельскъ и разсказывавшій о впечатлѣніи, которое онъ испыталъ, увидѣвши первый разъ въ жизни желѣзную дорогу, повивальная бабка, пріѣхавшая на службу въ Печорскій уѣздъ и нѣсколько промышленниковъ. Кромѣ багажа, мебели, изъ Архангельска привезли нѣсколько ящиковъ съ виноградомъ, яблоками, огурцами и капустой. Хозяевами этого товара оказались татары, пріѣхавшіе на Печору развѣдать условія торговли. Они раскупорили товаръ и тутъ же черезъ два—три часа все распродали. Виноградъ и яблоки вызывали удивленіе, какъ необычайные фрукты; огурцы и капуста цѣнились, какъ рѣдкія овощи.

Въ 11 часовъ состоялся торжественный завтракъ на Ижмѣ, на который были приглашены Норицынымъ классные пассажиры и капитанъ Поповъ. Подъ конецъ завтрака подали шампанское; скромный Михаилъ Степановичъ сказалъ прекрасную рѣчь о промышленномъ значеніи Печоры и предложилъ тостъ за процвѣтаніе Печоры и единеніе ея съ остальной Россіей черезъ Чердынь и Архангельскъ.

Въ 12½ часовъ мы перешли на „Сергѣя Витте“ и въ первомъ часу дня снялись съ якоря.

При ясной и тихой погодѣ осторожно пробираемся по рукавамъ Печорской дельты. Мы миновали уже знакомый намъ Болванскій Носъ, подходимъ къ тремъ безжизненнымъ террасамъ, находящимся у Пнева, наблюдаемъ прекрасное обнаженіе темнобурой глины на обрывѣ материка, подмываемаго здѣсь моремъ, наконецъ направо видимъ ряды округленныхъ изолированныхъ холмовъ, называемыхъ по мѣстному „сопками"; затѣмъ контуры береговъ сливаются съ горизонтомъ и мы находимся въ открытомъ морѣ.

XV.

21 Августа. — Утро. Теплая, солнечная погода; дуетъ слабый западный вѣтеръ. Плавное дыханіе океана, въ видѣ медленно подымающихся и опускающихся гигантскихъ волнъ, производитъ небольшую килевую качку. Я чувствую себя на томъ рубежѣ, когда стоитъ только немножко поддаться и начнутся послѣдствія морской болѣзни. Настроеніе тоскливое, голова тяжела, въ вискахъ щемящее чувство. Гимназистки, учительница и Саня страдаютъ морскою болѣзнью, за ними ухаживаетъ моя жена. Я стараюсь поддержать бодрое настроеніе, хожу по пароходу, разговариваю и шучу съ капитаномъ и нашими спутниками, слѣжу за морскою картою и каждую минуту не могу забыть ноющаго чувства, предшествующаго морской болѣзни.

Въ полдень подошли близко къ Матвѣеву острову, съ его обрывистыми вертикальными берегами, перерѣзанными многочисленными бухточками и съ одиноко стоящими вблизи его скалами — остатками размытаго берега.

Въ 2 часа замѣтили синѣющую полосу Вайгача. На немъ постепенно сталъ обрисовываться лишенный растительности кряжъ съ волнистымъ, мѣстами угловатымъ контуромъ, сразу обрывающимся у Югорскаго шара и террасами спускающимся къ скалистому побережью, развертывающемуся передъ нами. Высокіе, крутые, скалистые берега, сложенные изъ поставленныхъ на

голову и круто падающихъ сланцевъ, причудливо изрѣзаны прибойною волною на лабиринтъ бухточекъ, ущельевъ, окаймленныхъ вертикальными оголенными скалами, изъ которыхъ многія вдаются острыми мысами въ океанъ; другія, совершенно отмытыя отъ острова, стоятъ въ видѣ причудливо вывѣтрѣлыхъ столбовъ въ океанѣ, который свирѣпо продолжаетъ разрушать ихъ своими гигантскими волнами. На немногихъ намывныхъ меляхъ желтѣетъ песокъ, а въ узкихъ ущельяхъ ярко бѣлѣетъ снѣгъ и ледъ.

Передъ нами широчайшій проливъ. Волненіе прекратилось; вернулось хорошее расположеніе духа. Чудная солнечная погода съ очень слабымъ вѣтеркомъ дѣлаетъ путешествіе очень пріятнымъ.

На правомъ берегу Больше-Земельская тундра сначала полого понижается къ морю, а потомъ сразу обрывается невысокими, но скалистыми берегами, построенными круто падающими темными сланцами, прикрытыми горизонтальными слоями сѣрой глины и чернаго торфа.

Вдали въ синеватомъ туманѣ застылъ высокій, мрачный хребетъ Пай-Хой, крутыми утесами оканчивающійся у моря и возвышающійся грандіознымъ кряжемъ съ острыми вершинами внутрь материка. Подвигаясь далѣе по зеркальной поверхности Югорскаго шара, мы слѣдимъ, какъ этотъ мощный сѣверный великанъ кряжъ все яснѣе выдѣляется на горизонтѣ, окаймленный съ одной стороны голубою ровною поверхностью моря, а съ другой зеленовато-сѣдымъ волнистымъ ковромъ тундры. Повернувъ вправо мы увидѣли предъ собою широкую, красивую бухту, полукругомъ врѣзывающуюся въ материкъ; среди нея на гладкой поверхности воды военный пароходъ — Пахтусовъ, а на правомъ берегу рядъ неопредѣленныхъ очертаній, среди которыхъ выдѣлялись конусовидные контуры чумовъ — это Хабарово.

Между тѣмъ непосредственно передъ нашими глазами можно было наблюдать преинтересное зрѣлище: на невысокомъ и задернованномъ зеленовато-сѣроватомъ берегу Вайгача обрисовался темный участокъ, на которомъ во множествѣ торчали какія то вѣтки, которыя я сначала принялъ за кустарникъ, съ опавшею

листвою. Но къ моему удивленію я началъ замѣчать, что этотъ участокъ мѣняетъ свои очертанія, то разбѣгается во всѣ стороны, то съуживается, то спускается къ водѣ и здѣсь исчезаетъ. Когда нашъ пароходъ подошелъ ближе, я, хорошенько всмотрѣвшись, могъ различить громадное въ нѣсколько тысячъ головъ стадо оленей, которое самоѣды при помощи собакъ подгоняли къ шару и переправляли вплавь на другую сторону пролива въ Больше-Земельскую тундру. На поверхности воды съ большимъ трудомъ можно было различить отдѣльныя точки — головы плывшихъ оленей. На правомъ берегу, около одиноко стоящаго чума, стояло стадо уже переплывшихъ животныхъ, къ которымъ присоединялись выходившіе изъ воды товарищи. Для самоѣдовъ осенняя переправа оленей съ Вайгача въ Больше-Земельскую тундру—дѣло очень важное. Иногда олени ни за что не идутъ въ воду. Тогда приходится загонять ихъ силою и въ крайнихъ случаяхъ приносить для умилостивленія злого духа, пугающаго оленей, жертву, въ видѣ зарѣзаннаго оленя. Одного ѣхавшаго съ нами богатаго русскаго промышленника упрекали въ совершеніи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, этой языческой жертвы, послѣ которой ему удалось таки переправить стадо на другую сторону.

Направо, на зеленовато-сѣровато-сѣдомъ покровѣ тундры рѣзко обозначился небольшой кряжъ, круто обрывающійся у пролива. На мысу у моря стоялъ астрономическій знакъ — деревянный столбъ съ перекладиной на верху, а вдали на болѣе высокой части одиноко стоялъ большой деревянный крестъ. Мы наблюдали, какъ плавно наступавшая волна разбивалась на снопъ блестящихъ искръ о черную поверхность скалъ и нѣжно ласкала пологіе склоны, помогая оленямъ выбираться на берегъ изъ леденящей и соленой воды пролива. Подъ защитою одной изъ скалъ пріютился одинокій дымящійся чумъ, около котораго, какъ изваянія, неподвижно стояли олени.

Послѣ путешествія въ открытомъ морѣ, гдѣ вода и небо не уступаютъ другъ другу въ однообразіи и часто сливаются въ одну туманную массу, материкъ всегда даетъ множество впечатлѣній и кажется безконечнымъ въ своемъ разнообразіи.

Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ сосредоточить свое вниманіе: или на все яснѣе и яснѣе вырисовывающемся извилистомъ очертаніи пролива, замыкаемаго вдали другъ противъ друга расположенными мрачными утесами Вайгача и Урала — какъ бы двумя гигантскими часовыми, оберегающими проходъ изъ Европы въ Азію, или на скалистомъ Вайгачѣ, съ бѣлыми полями снѣга въ ложбинахъ, среди сѣроватозеленой, иногда темной поверхности террасоваго склона, или на туманномъ Пай-Хоѣ, сливающемся съ свинцовыми облаками, угрожающими намъ со стороны Карскаго моря, или же отвѣтить на привѣтъ кучки офицеровъ и матросовъ, разсматривающихъ насъ съ военнаго парохода, или же слѣдить, какъ среди этой цѣпенѣющей пустыни на зеленовато-сѣромъ фонѣ безотрадной тундры развертывается вдоль мягкой извилины Югорскаго Шара своеобразное Хабарово, — м. б. зачатокъ порта, которому суждено будетъ связать глубокій сѣверъ съ остальной частью Россіи; теперь же этотъ длинный рядъ дымящихся самоѣдскихъ чумовъ, съ затерявшимися нѣсколькими избушками и амбарчиками, на восточномъ концѣ котораго выглядываетъ крохотная желтѣющая изба-церковь, а на западной сторонѣ стоитъ неуклюжей постройки красноватый громадный Сибиряковскій амбаръ-складъ — едва ли сравняется по своему убожеству съ какимъ либо другимъ селомъ нашего сѣвера.

Нашъ пароходъ, огласивъ окрестность протяжнымъ гуломъ, грузно отдалъ якорь на 10 саж. глубины. Въ Хабаровѣ засуетились, побѣжали къ берегу и черезъ нѣкоторое время къ пароходу подъѣхало нѣсколько лодокъ съ самоѣдами и русскими Въ Хабаровѣ ѣхавшій съ нами чиновникъ особыхъ порученій г. Давыдовъ долженъ былъ выгрузить привезенный имъ хлѣбъ въ амбаръ Сибирякова. Пока производилась выгрузка, мы въ шлюпкахъ отправились на берегъ.

Причалили прямо къ тому мѣсту, гдѣ стояла маленькая четырехъ-угольная избушка съ крестомъ на верху — мѣстная церковь. Она была заперта, такъ какъ пріѣхавшій съ нами на пароходѣ настоятель этой церкви не успѣлъ еще высадиться.

Около церкви стояла крохотная деревянная часовня съ иконою Николая Чудотворца. На столѣ были свѣчки и блюдо, на которомъ лежали мѣдныя деньги. Передъ часовней три большихъ восьмиконечныхъ креста съ высѣченными славянскими надписями. Одинъ изъ нихъ поставленъ Сибиряковымъ.

Первымъ дѣломъ, я направился къ виднѣвшимся восточнѣе Хабарова геологическимъ обнаженіямъ. Пришлось на лодкѣ переправиться черезъ небольшой протокъ, соединявшій съ проливомъ лагуну, въ которой стояло нѣсколько парусныхъ каюковъ. Далѣе шелъ высотою саж. 5 вертикальный берегъ, сложенный сѣрыми тонкоплитчатыми известковыми сланцами, съ трещинами, выполненными бѣлымъ известковымъ шпатомъ. Слои падали на юго-западъ, съ угломъ паденія въ 30 градусовъ. Они живописно были разбиты прибойною волною и образовали причудливыя поверхности размыванія. Надъ ними лежалъ вывѣтрившійся слой, сначала образующій темную глину съ остатками сланца, потомъ тяжелую известкую однородную глину, переходящую въ самый поверхностный свѣтлосѣрый слой разсыпчатой, нѣжной, известковой глины съ многочисленными порами, поразительно напоминающей нѣкоторыя разновидности нашего степнаго лесса. Случайно ли здѣсь проявилось такое сходство, или сѣверная степь — тундра сходно вліяетъ на вывѣтриваніе породъ, какъ и ея южная сестра — вопросъ, на мой взглядъ, открытый. Впрочемъ рядомъ можно было наблюдать мощные слои торфа, лежащіе на сланцахъ безъ всякаго промежуточнаго вывѣтрившагося слоя.

Вернувшись обратно къ церкви, мы отправились вдоль берега черезъ Хабарово на западную его окраину, гдѣ виднѣлись болѣе грандіозныя скалистыя обнаженія. Здѣсь развиты тѣ же сланцы, круто падающіе на юго-западъ и образующіе рядъ размытыхъ утесовъ. Мнѣ не удалось найти никакихъ окаменѣлостей. Нансенъ, посѣтившій эту мѣстность въ 1893 году, былъ болѣе счастливъ и привезъ оттуда рѣдкую коллекцію нижнесилурійскихъ ископаемыхъ. Если бы я тогда зналъ о находкѣ Нансена, я былъ бы болѣе внимателенъ въ своихъ наблюденіяхъ. Правда, на берегу я наблюдалъ груды камней, преимущественно валуновъ, приве-

зенныхъ въ качествѣ балласта съ Печоры, между которыми особенно выдѣлялись артинскіе песчаники съ растительными остатками, но въ коренныхъ породахъ мнѣ не удалось найти какихъ либо органическихъ слѣдовъ. Этимъ я не хочу никоимъ образомъ подрывать достовѣрность находки Нансена, тѣмъ болѣе, что, судя по описанію, порода, въ которой найдены имъ окаменѣлости, принадлежитъ къ кореннымъ сланцамъ, развитымъ у Хабарова, а окаменѣлости, по геологическому возрасту, сходны, съ найденными на Вайгачѣ.

Со скалистаго берега мы взобрались на покрытую торфянымъ болотомъ и кочками довольно широкую террасу, пройдя которую поднялись на высокую часть тундры, гдѣ среди жалкой травянистой и моховой растительности обнажились тѣ же сѣрые сланцы, которые мы наблюдали на берегу. Но какія своеобразныя сочетанія растеній: разнообразные мхи и лишаи повидимому господствуютъ, около нихъ пріютились низкорослыя травы, съ крошечными цвѣтками (напр. незабудка величиною въ булавочную головку), карликовые кустики ивы и искривленной березы—совершенная противоположность нашему растительному покрову.

Хабарово вблизи столь же оригинально, какъ и издали. Намъ пришлось пройти черезъ все селеніе съ одной окраины на другую. За церковью шли самоѣдскіе чумы и нѣсколько крохотныхъ лачужекъ-избушекъ, съ русскимъ населеніемъ, между которыми находится маленькій домикъ для священника. Теперь этотъ домикъ, за отъѣздомъ на лѣто священника, временно занималъ извѣстный полярный пейзажистъ художникъ Борисовъ. Въ русскихъ избушкахъ было большее оживленіе — играли на гармоніи и пировали вокругъ стола, на которомъ стоялъ самоваръ. Остальная часть Хабарова жила самою обычною мирною жизнью. Конусовидные чумы, столь стройные издали, оказались вблизи довольно таки грязными. Черныя отъ копоти жерди, составляющія остовъ чума, были покрыты составленными изъ небольшихъ кусочковъ неровно сшитыхъ, старыхъ оленьихъ шкуръ, выгорѣвшихъ и въ общемъ довольно таки потертыхъ. Почти всѣ чумы дымились. Вся жизнь совершалась вокругъ чума. Масса

собакъ лаекъ, всевозможныхъ величинъ и разновидностей, очень нервныхъ и подвижныхъ, суетилась вокругъ чума, весьма оживленно играя какъ съ дѣтьми, которыя, благодаря своимъ совикамъ шерстью вверхъ, сами походили на какихъ то неуклюжихъ звѣрьковъ, такъ и съ песцами, сидѣвшими цѣлыми группами на металлическихъ цѣпочкахъ, прикрѣпленныхъ къ колышкамъ, вбитымъ въ землю. Только олени стояли, какъ изваянія, совершенно неподвижно и безучастно относились къ окружающей веселой компаніи. Почти у каждаго чума сидѣла самоѣдка и сосредоточенно чинила покрышку чума, состоявшую, какъ сказано, изъ оленьихъ шкуръ.

При нашемъ приближеніи мирная картина нарушалась: собаки неистово бросались на насъ, дѣти съ воплемъ прятались въ чумъ, песцы прижимались къ колышкамъ, выгибали спину, скалили зубы и принимали оборонительное положеніе; старая самоѣдка унимала собакъ, а изъ чума высовывались болѣе молодыя самоѣдки съ маленькими корытцами, висѣвшими на цѣпочкахъ, перекинутыхъ черезъ шею. Въ корытцахъ лежали закутанныя въ оленьи мѣха, вмѣсто пеленокъ, грудныя дѣти, красиво перевитыя вмѣсто повивальниковъ, мѣдными цѣпочками, прикрѣплявшими ихъ къ ихъ оригинальной колыбели. Не вынимая ребенка изъ колыбели и не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ матери кормили дѣтей грудью. Сзади несмѣло выглядывали другія дѣти, прячась за матерей. Старуха водворяла порядокъ среди собакъ и разревѣвшихся перепуганныхъ дѣтей. Остальныя женщины безучастно и тупо глядѣли на насъ; отъ нихъ ничего нельзя было добиться; еще старуха, какъ болѣе смѣлая, отрывочными словами, иногда отвѣчала на наши вопросы; только одни олени не выходили изъ своего оцѣпенѣлаго состоянія: сильные, полные, съ прекрасною, мягкою шерстью, красивыми рогами, покрытыми нѣжнымъ пушкомъ, съ добрыми ясными глазами, они совсѣмъ не выглядывали столь тщедушными, какъ ихъ сотоварищи, услаждающіе петербургскую публику зимою на Невѣ. Но что за ужасная грязь кругомъ, какъ отъ звѣринаго и людскаго помета, такъ и отъ всевозможныхъ объѣдковъ, отбросовъ и нечистотъ, валявшихся повсюду! На палкахъ и жердяхъ было развѣшано множество раз-

ныхъ шкуръ для просушки, между которыми выдѣлялся съ десятокъ шкуръ бѣлыхъ медвѣдей и медвѣжатъ разныхъ размѣровъ. На землѣ стояли и лежали бочки, наполненныя жиромъ и саломъ. Особенно непріятное впечатлѣніе производили помосты и крыши амбаровъ, заваленные олеными задками и тушами, почернѣвшими отъ вѣтра — это обычный способъ сохраненія мяса путемъ провѣтриванія и провяливанія его на воздухѣ. Среди этой своеобразной картины выдѣлялись молодыя дѣвушки самоѣдки, нарядившіяся въ красивые совики, искусно украшенные разноцвѣтными кусками мѣховъ, въ видѣ причудливыхъ узоровъ и орнаментовъ, съ неимовѣрнымъ количествомъ буссъ, мѣдныхъ, серебряныхъ монетъ и бляшекъ, покрывавшихъ въ нѣсколько рядовъ всю грудь, съ чудными черными волосами и густыми длинными косами, туго переплетенными шнуркомъ съ громаднымъ мѣднымъ узорчатымъ дискомъ на концѣ косы, оттягивавшимъ голову назадъ, такъ что молодки всегда смотрѣли прямо и даже не безъ гордости кверху. Въ такомъ тяжеломъ нарядѣ онѣ плавно проходили мимо насъ или неподвижно стояли въ красивой позѣ, чтобы дать намъ возможность вполнѣ налюбоваться ихъ спокойнымъ довольнымъ видомъ и пестрымъ своеобразнымъ костюмомъ. Мужчинъ — самоѣдовъ почти не было видно: большинство изъ нихъ были заняты выгрузкою муки, переправою оленей и снаряженіемъ обоза. Изрѣдка попадавшіеся самоѣды, б. ч. старики, были совершенно пьяны, къ большому удивленію акцизнаго надзирателя, старавшагося каждый разъ добиться, откуда пьяный досталъ водку; но какъ бы ни былъ пьянъ самоѣдъ, онъ моментально соображалъ, въ чемъ дѣло, и городилъ такую околесину, что чиновникъ, махнувъ рукой, прекращалъ свое дознаніе. Встрѣчавшіеся самоѣды были одѣты убого; съ рябыми лицами, больными глазами, часто лишенные одного глаза, грязные — они въ общемъ производили очень тяжелое впечатлѣніе.

За селеніемъ, на границѣ тундры, стоялъ громадный караванъ высокихъ самоѣдскихъ саней, нагруженныхъ промысломъ и прикрытыхъ сверху оленьими шкурами. Нѣсколько саней, запряженныхъ тройками, носились по болотистой тундрѣ, такъ что изъ

подъ полозьевъ брызгала вода; управлявшій самоѣдъ какъ то особо вскрикивалъ, олени постукивали копытами, отрывисто хрюкали, исчезали вдали и потомъ усталые подъѣзжали къ прежнему мѣсту. Оленей перемѣняли и начиналась опять гонка.

Наши спутники, увлеченные этою ѣздою, по приглашенію самоѣдовъ, сдѣлали нѣсколько поѣздокъ и были жестоко наказаны, такъ какъ вернулись совершенно мокрыми отъ брызгъ, вылетавшихъ изъ подъ полозьевъ саней.

На западной окраинѣ Хабарова стоялъ громадный красноватый амбаръ Сибирякова, пользующійся на сѣверѣ бо́льшею популярностью, чѣмъ Эйфелева башня въ Европѣ. Около него шла дѣятельная работа по выгрузкѣ муки. За амбаромъ—еще нѣсколько изолированно стоящихъ чумовъ и опять тундра.

Такъ какъ до конца выгрузки было еще далеко, то мы рѣшили пробраться на виднѣвшуюся вдали гору, съ водруженнымъ на ней крестомъ, чтобы оттуда лучше осмотрѣть мѣстность. Мы шли очень осторожно, выбирая болѣе твердую почву среди маленькихъ кочекъ и лужаекъ мха и лишаевъ, подъ защитою которыхъ пріютились крошки ивы и березки, выглядывавшія не болѣе четверти аршина надъ землею и уже съ начинавшими опадать листьями. Мы собрали маленькій букетикъ изъ карликовыхъ деревьевъ, зеленыхъ мховъ, сѣдыхъ лишаевъ, красивыхъ голубыхъ цвѣточковъ, незабудокъ и бѣлыхъ съ желтыми середками иванъ-да-марій, который намъ казался миніатюрной пародіей знакомой намъ растительности. Вершина горы, покрытая сѣрымъ сланцеватымъ щебнемъ и маленькими клѣшинками мховъ и лишаевъ не манила къ отдыху. У подножья довольно широкая котловина съ зеленою скатертью высохшихъ осокъ и пушистыхъ мховъ бросалась въ глаза по богатству своей растительности; мѣстами она была покрыта глубокими трещинами, обнажавшими черные мощные слои торфа, подъ которыми скрывался ручеекъ, иногда выходившій и на поверхность. Недалеко у пролива стоялъ одинокій дымящійся чумъ; около него опять стадо неподвижныхъ оленей, а нѣсколько вдали самоѣды съ особымъ понуканіемъ гоняли по тундрѣ переправившихся черезъ проливъ животныхъ, на что измученные олени от-

вѣчали тоже весьма характернымъ хрюканіемъ. Это были единственные звуки, которые слышались среди сѣверной мертвой степи — тундры; какъ они отличны отъ сочетанія тѣхъ голосовъ, которые въ эту же пору слышатся въ нашихъ южныхъ степяхъ!

Было около 9 часовъ вечера; бодрящая прохлада при совершенномъ безвѣтріи и ясной погодѣ дѣлала нашу прогулку довольно пріятной. Надъ туманнымъ Пай-Хоемъ стоялъ блѣдный дискъ луны, а съ другой стороны спускающійся въ океанъ красноватый солнечный шаръ своими послѣдними лучами прощался съ утесами, бросая блѣдныя тѣни у ихъ подножья, и робко заигрывалъ съ легко зыблющейся поверхностью пролива; Югорскій шаръ, небрежно раскинувшись, красиво повернулся къ сѣверу, бережно охвативъ таинственный, священный для самоѣдовъ, скалистый, высокій Вайгачъ, съ его причудливыми бухточками и заливами, и врѣзался вглубь противоположнаго берега, пріютивъ около себя полудикое, полукочевое неприглядное Хабарово. Въ проливѣ, какъ бы совершенно чуждые всему окружающему, спокойно высились два громадные парохода. Черная едва замѣтная точечная линія изъ лодокъ, нагруженныхъ мукою, соединяющая пароходъ „Сергѣй Витте“ съ Хабаровомъ и наглядно указывавшая на нашу временную связь съ этой чуждой намъ страною, уже рѣдѣла. Вотъ послѣднія двѣ лодки, слившіяся съ берегомъ, закончили выгрузку. „Сергѣй Витте“ протяжно загудѣлъ, созывая своихъ разсѣявшихся пассажировъ.

Желая для сокращенія времени пройти по ближайшему пути, мы были жестоко наказаны, попавъ въ торфяное болото съ такой холодной водою, что наши мокрыя до колѣнъ ноги просто застывали отъ холода. Только благодаря хорошему моціону, мы немного согрѣли наши окоченѣвшія конечности, когда подошли къ ожидавшей насъ на берегу шлюпкѣ. Всѣ пассажиры были уже въ сборѣ и дѣлились своими впечатлѣніями, въ ожиданіи г. Давыдова, кончившаго выгрузку муки и отыскивавшаго какого то самоѣда, чтобы взять отъ него росписку въ принятіи груза.

Мы разсматривали черезъ замѣчательно прозрачную воду дно пролива, гдѣ водорослевыя густыя заросли, оживляемыя не-

многими моллюсками, производили болѣе отрадное впечатлѣніе, чѣмъ унылый растительный покровъ тундры. Между тѣмъ на берегу, среди немногихъ любопытныхъ, появился художникъ Борисовъ, проведшій здѣсь все лѣто. За нимъ несли ящики съ красками, мольбертъ, фотографическіе аппараты, ружья, шкуры, мѣха, разный багажъ, далѣе слѣдовалъ оживленный звѣринецъ, среди котораго выдѣлялись нервныя и суетливыя лайки, испуганные песцы и флегматичныя совы.

Наши пассажиры дрожали отъ холода. Какъ сказано, они имѣли неосторожность прокатиться на оленяхъ по тундрѣ и промокли до костей отъ брызгъ, летѣвшихъ изъ подъ саней и оленьихъ копытъ.

Наконецъ мы на пароходѣ; еще немного подождали г. Давыдова, которому нужно было побывать на пароходѣ „Пахтусовъ" и около 10 часовъ вечера тронулись въ обратный путь.

Не безъ чувства удовольствія оставляли мы этотъ участокъ земли, гдѣ человѣческому уму пришлось остаться на уровнѣ дикаря-самоѣда въ борьбѣ съ невыносимыми для культурнаго человѣка условіями жизни, который только какъ перелетная птица посѣщаетъ эту страну большею частью, чтобы дешево воспользоваться тяжелымъ трудомъ дикаря, рѣже подать ему руку помощи, или наконецъ удовлетворить своей любознательности.

Кругомъ смерть, леденящая смерть, въ борьбѣ съ которой еще крѣпится морское населеніе и уже начинаетъ изнемогать наземная жизнь.

Сѣверъ не имѣетъ еще своего поэта, который ввелъ бы насъ въ глубокій трагизмъ замирающей природы, но онъ имѣетъ своего художника-пейзажиста, который нашелъ красоту и въ безжизненной природѣ.

Въ общей каютѣ оживленные разговоры. Конечно говорятъ о Вайгачѣ и Хабаровѣ. Художникъ Борисовъ дѣлился съ нами свѣжими впечатлѣніями проведеннаго лѣта. Въ этой священной для самоѣда странѣ, которая фактически принадлежитъ ему, весь интересъ сосредоточивается на жизни самоѣда и на его жизненномъ спутникѣ оленѣ.

Мы вошли въ океанъ; начавшаяся качка прервала нашу интересную бесѣду.

Въ нашей каютѣ насъ ожидалъ сюрпризъ — прутики карликовой ивы нашего букета, стоявшаго на окнѣ, почуявъ тепло, за 2 часа поспѣшили распуститься пушистыми почками. Къ несчастью мы неосторожно открыли окно и порывомъ вѣтра съ налетѣвшимъ шкваломъ былъ унесенъ въ море нашъ ожившій букетъ.

XVI.

22 Августа.—Погода солнечная, дуетъ юго-востокъ. Звѣрьки художника Борисова, помѣщенные на верхней палубѣ занимаютъ пассажировъ. Широчайшія волны опускаютъ и подымаютъ нашъ пароходъ. Мы благодаря качкѣ не находимъ себѣ мѣста. Наконецъ, по чьему то совѣту, ложимся на полу палубы въ средней части парохода, закрываемся оленьимъ мѣхомъ, вдыхаемъ холодный воздухъ и такъ избавляемся отъ морской болѣзни. Наша бѣдная Саня забилась въ какую то щель около трубы, но все же не перестаетъ страдать. Наши остальные спутники успѣшно спасаются отъ морской болѣзни карточной игрой въ душной каютѣ.

Послѣ полудня обходимъ Колгуевъ съ южной стороны, пытаясь высадить Сумарокова въ его становище „Шарокъ". Громадныя волны, нагоняемыя вѣтромъ на отлогій берегъ, такъ расходились и такъ далеко заходятъ вглубь острова, что нельзя послать шлюпки безъ опасенія, чтобы она не разбилась. Сумароковъ опытнымъ глазомъ видитъ постройки своего становища-Шарокъ, которымъ онъ такъ занятъ и куда ему теперь такъ нужно попасть, показываетъ намъ „Тонкія кошки", около которыхъ море особенно свирѣпо бурлитъ, предлагаетъ взглянуть на избушку — церковь въ становищѣ Бугрино; когда миновали и эту гавань, гдѣ еще можно было надѣяться разсчитывать на высадку, онъ спокойно остается на пароходѣ, въ надеждѣ на обратномъ пути быть болѣе счастливымъ; а если и тогда не удастся ему высадиться, то по возвращеніи на Печору, онъ обычнымъ путемъ пройдетъ на

своемъ карбасѣ къ дорогому ему Колгуеву. Правда, онъ потеряетъ нѣсколько недѣль времени, но на сѣверѣ борьба со стихіей научила его терпѣнію.

23 *Августа.* — Погода очень холодная и пасмурная. Проходимъ Канинъ полуостровъ — безжизненную канинскую тундру. Къ полудню туманъ начинаетъ опускаться. Мы различаемъ освѣщаемый солнцемъ слабо волнистый контуръ хребта, спускающагося на юго-востокѣ и сѣверо-западѣ рѣзко выраженными тремя террасами; въ нижнихъ частяхъ пологихъ зеленыхъ склоновъ хребта и на террасахъ разбросаны, то въ видѣ небольшихъ продольныхъ полосъ, спускающихся къ морю, то въ видѣ отдѣльныхъ пятенъ, снѣжныя поля. Вдоль моря тянется довольно высокій обрывистый берегъ, прерываемый то глубокими оврагами, то широкими покрытыми зеленымъ мхомъ долинами.

Все время видимъ мохъ, песокъ и снѣгъ. Конечно ни признака жизни, за исключеніемъ какого то знака, различаемаго моряками.

24 *Августа.* — Солнце разсѣяло утренній туманъ. Погода теплая солнечная. Гуляемъ безъ пальто. Полный штиль. Мы идемъ вдоль Зимняго берега. Высокій крутой склонъ покрытъ наверху густымъ хвойнымъ лѣсомъ, спускающимся внизъ фестонами по неглубокимъ, но широкимъ долинамъ — логамъ. Въ промежуткахъ обрывы и глубокія ущелья — овраги съ обнаженіями желтыхъ песковъ и темныхъ глинъ. Мѣстами оползни, со снесеннымъ сверху на ихъ поверхности лѣсомъ, образуютъ красивые зеленые уступы.

На склонѣ одной наиболѣе широкой долины красиво высится зимнегорскій маякъ. Стоящій у берега небольшой винтовой пароходъ оживляетъ мѣстность.

Суровый зимнегорскій берегъ кончился. Открылся зеленый лѣсистый зимній берегъ. Необозримое лѣсное пространство, сливаясь съ синевой горизонта, широкими террасами понижается къ морю и здѣсь или смѣняется желтою песчаною полосою или круто падаетъ въ море желтѣющими на солнцѣ песчаными отвѣсными обрывами, изборожденными прибоемъ волнъ.

Въѣзжаемъ въ Двинскую губу. Проѣхали знакомую намъ Кую, — богатое село, ничего общаго не имѣющее съ одноименнымъ ему, расположеннымъ у устья Печоры.

Налѣво стройная высокая башня Мудьюжскаго маяка рѣзко выдѣляется на песчаномъ островѣ. Передъ нами деревянное судно съ шарами на мачтахъ—это двинскій пловучій маякъ указываетъ входъ въ Двину. На едва зыблемой легкимъ вѣтеркомъ поверхности воды какъ бы застыли нѣсколько парусныхъ судовъ съ поднятыми парусами и нѣсколько дымящихся буксировъ, подводящихъ барки къ громаднымъ морскимъ заграничнымъ пароходамъ, которые догружаются по сію сторону бара.

Рядъ вѣхъ и бакановъ и безпрестанно работающихъ землечерпалокъ рѣзко очерчиваютъ каналъ (до 18 ф. глуб.), перерѣзывающій двинской баръ. Поравнявшись съ Мудьюжскимъ маякомъ, мы идя по каналу, пересѣкаемъ баръ. Впереди раскинулась сѣть широкихъ двинскихъ рукавовъ, омывающихъ лабиринтъ луговыхъ островковъ. На лугахъ стога сѣна, по рукавамъ видны лодки и суда.

Какимъ оживленнымъ кажется намъ этотъ пейзажъ послѣ сумрачно безжизненной природы только что покинутаго нами глубокаго сѣвера.

Мы вошли въ узкую, но очень глубокую Маймаксу и идемъ по ней чуть ли не касаясь бортами береговъ, По обѣимъ сторонамъ или какъ бархатъ ровные зеленые луга, уставленные стогами скошеннаго сѣна, ароматъ котораго мы вдыхаемъ, или густые, свѣжіе перелѣски изъ ивняка, ольхи, березы, ели. Кругомъ море зелени, оживляемое избушками, шалашами, людьми и пасущимся скотомъ. Безпрестанно попадаются навстрѣчу лодки, баржи, суда и пароходы. Маймакса красиво извивается, принимая въ себя столь же многоводныя, какъ и она рукава.

Намъ кажется, что мы гдѣ то въ очень южной странѣ, одаренной природою всѣми благами. Этому способствуетъ и чудная солнечная теплая погода. Всѣ на пароходѣ въ особомъ праздничномъ настроеніи. Утромъ вымытый и вычищенный пароходъ блеститъ на солнцѣ особенно своими мѣдными принадлежностями.

Капитанъ и штурманыя сняли форменны фуражки и платье, надѣли чистое крахмальное бѣлье, обыкновенные сюртуки и котелки.

Самъ капитанъ Поповъ, легкимъ прикосновеніемъ пальцевъ управляя паровымъ рулемъ, ловко ведетъ пароходъ среди узкаго русла Маймаксы. Мы вошли въ Двину — жизнь промышленнаго, коммерческаго порта въ полномъ ходу — дымящіяся трубы лѣсопильныхъ заводовъ, множество пароходовъ всѣхъ размѣровъ, мачты, склады, амбары, всюду люди...

Въ 4 часа передъ нами развернулся и самъ Архангельскъ.

Варшава.
20 Марта 1902 года.

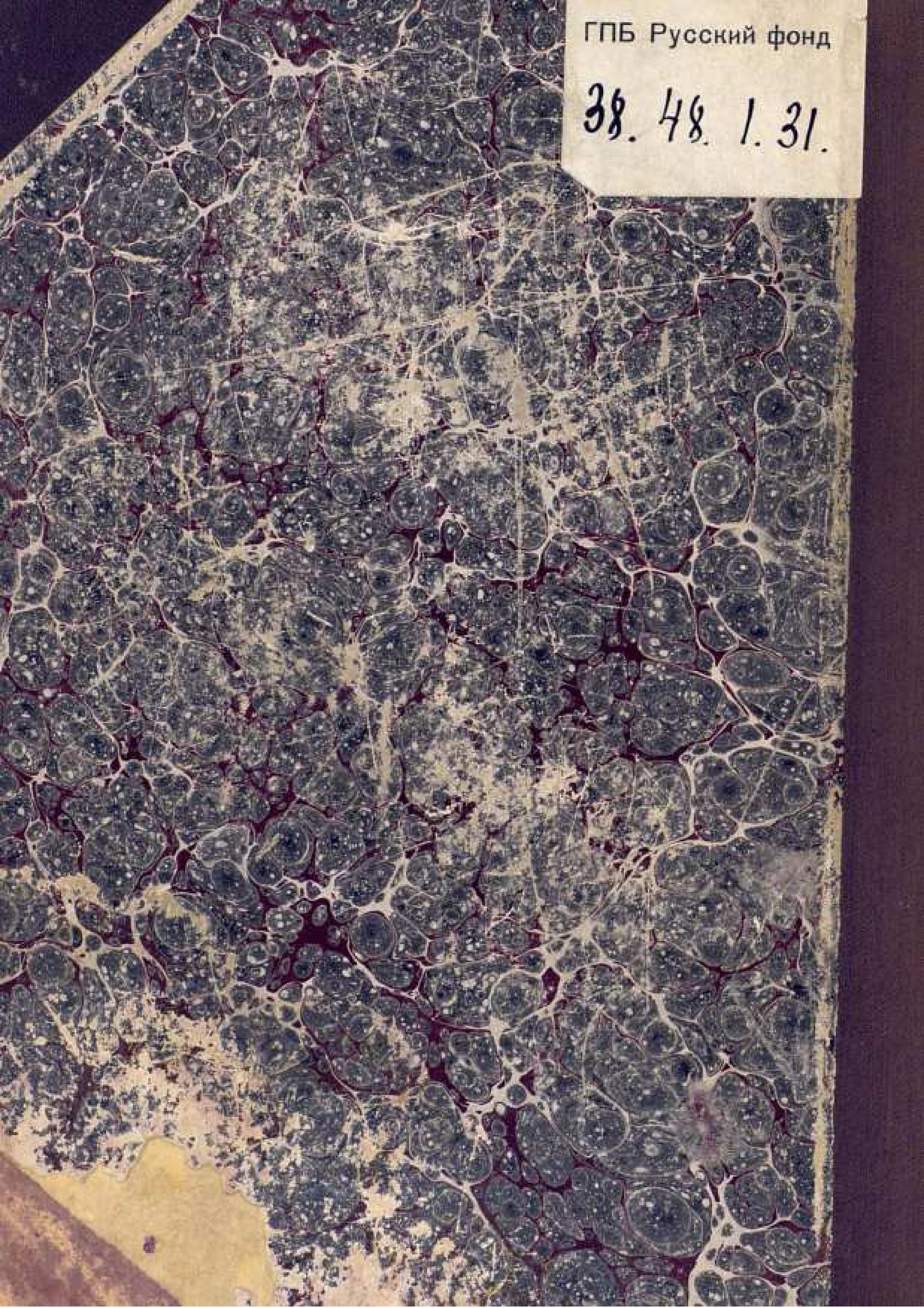
ОПЕЧАТКИ.

НАПЕЧАТАНО: СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:

Страницы.	Строка.	Напечатано	Слѣдуетъ читать
4	3 снизу	сосудовъ	судовъ
5	7 сверху	черпыхъ	черныхъ
7	13 снизу	псключительно	исключительно
9	16 сверху	спущающихся	спускающихся
13	11 „	сландалистъ	скандалистъ
13	17 снизу	начнуть	начнутъ
17	14 сверху	знаніе	знавшіе
21	15 „	взглядывается	вглядывается
53	17 снизу	уступъ,	уступъ
54	10 сверху	своемуу божеству	своему убожеству
61	15 снизу	сѣнѣющею	синѣющею
64	11 „	Въ	Къ
90	5 сверху	посилъ	носилъ
92	14 „	Кь	Къ

10556
С903

Цѣна 80 коп.

ГПБ Русский фонд
38. 48. 1. 31.